This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

RARY
/ 5

Digitized by Google

V Slav 3085.5

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Digitized by Google

Digitized by Google

V Slav 3085.5

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Digitized by Google

Digitized by Google

V Slav 3085.5

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Н. А. Рожковъ.

ГОРОДЪ и ДЕРЕВНЯ

ВЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Digitized by Google

V Slav 3085.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
24 June 1924

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21-го мая 1902 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 8 1972

Digitized by Google

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ и значеніи города и деревни въ человѣческомъ общежитіи принадлежитъ къ числу самыхъ жгучихъ, наиболѣе волнующихъ общество, по крайней мѣрѣ, мыслящую его часть, вызывающихъ рѣшенія, различныя нерѣдко до противоположности. Не со вчерашняго дня раздаются призывы интеллигенціи въ деревню, на лоно природы, къ первобытной простотѣ и рисуемой мечтателями въ яркихъ краскахъ непосредственности и даже невинности. Философы, ученые, публицисты, поэты не щадятъ словъ для обличенія гнилой городской цивилизаціи съ ея искусственностью, испорченностью и губительнымъ вліяніемъ на человѣческія жизнь и здоровье, физическое и нравственное. Нѣтъ недостатка и въ голосахъ противоположнаго направленія: панегиристы городского строя въ противовѣсъ идеологамъ деревни указываютъ на невѣжество, грубость, косность, ничѣмъ неискоренимую склонность къ застою, свойственныя сельскому населенію, и противополагаютъ этому кипучую умственную и эстетическую жизнь городовъ, ростъ комфорта и благосостоянія въ условіяхъ именно городского строя, развитіе личности, свободы и правосознанія среди горожанъ. Этотъ нескончаемый споръ заставляетъ пересматривать цѣлый рядъ наболѣвшихъ вопросовъ, когда-либо возникавшихъ передъ умственнымъ взоромъ человѣчества. Важный всегда и вездѣ, онъ пріобрѣтаетъ особенную жгучесть въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ въ силу тѣхъ экономическихъ перемѣнъ, какія приходится переживать Россіи. Въ послѣднее время вопросъ о значеніи и взаимныхъ отношеніяхъ города и деревни постепенно теряетъ утопическую окраску и пріобрѣтаетъ положительную постановку. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь и городъ, и деревня созданы необходимыми и неустранимыми условіями человѣческаго общежитія, отвѣчаютъ наличнымъ и совершенно несомнѣннымъ потребностямъ общества. Вопросъ, слѣдовательно, заклю-

Digitized by Google

чается не въ томъ, какъ замѣнить деревенскій бытъ городскимъ строемъ или наоборотъ, а въ томъ, каково нормальное, наиболѣе соотвѣтствующее общественнымъ потребностямъ, соотношеніе между городомъ и деревней. Разрѣшенію или, по крайней мѣрѣ, правильной постановкѣ этого вопроса можетъ содѣйствовать историческое изученіе прошлыхъ судебъ города и деревни.

Необходимо прежде всего условиться въ точномъ значеніи употребляемыхъ терминовъ, безъ чего нельзя ступить ни шагу впередъ. Городомъ, если не считать городовъ-крѣпостей, т.-е. не поселеній въ собственномъ смыслѣ, а временныхъ убѣжищъ, называется поселеніе, жители котораго занимаются или торговлей, или обрабатывающей промышленностью, составляющими притомъ ихъ главное, основное занятіе, а не побочный промыселъ. Деревня—поселеніе, гдѣ главныя занятія жителей—добывающая промышленность и сельское хозяйство. Ясно такимъ образомъ, что не всякій городъ въ обыденномъ употребленіи этого слова можетъ быть признанъ городомъ въ научномъ смыслѣ, что есть города-деревни, и, съ другой стороны, многія села должны быть признаны съ научной точки зрѣнія городами. Уже изъ данныхъ сейчасъ опредѣленій слѣдуетъ, что основнымъ признакомъ, отличающимъ городскіе центры и деревенскія поселенія, является признакъ хозяйственный. Поэтому, изучая значеніе и взаимныя отношенія города и деревни въ историческомъ прошломъ русскаго народа, мы будемъ исходить въ своемъ изложеніи изъ экономическихъ явленій, какъ основныхъ, и изъ нихъ объяснять явленія соціальной и политической жизни, поскольку знакомство съ послѣдними будетъ необходимо для разрѣшенія поставленной задачи.

Исторія русскихъ города и деревни, какъ и русская исторія вообще, дѣлится на пять періодовъ: кіевскій, до конца XII вѣка; удѣльный, охватывающій XIII, XIV, XV и первую половину XVI вѣка, приблизительно до начала самостоятельнаго правленія Ивана Грознаго; московскій, длящійся со второй половины XVI до конца XVII столѣтія, новый дореформенный, XVIII и первая половина XIX вѣка, съ Петра Великаго до Николая I включительно, и новый пореформенный періодъ, который начинается великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года, и участниками, свидѣтелями и дѣятелями котораго являемся всѣ мы. Въ хронологическихъ предѣлахъ каждаго изъ этихъ періодовъ наше изложеніе коснется послѣдовательно шести основныхъ вопросовъ, изъ которыхъ четыре первыхъ—экономическіе, пятый относится къ соціальной исторіи, а шестой—къ политическому строю. Первый, основной вопросъ—объ относительномъ значеніи въ данное время каждой изъ четырехъ главныхъ отраслей народнаго производства, добывающей промышленности, сельскаго хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли. Въ тѣсной связи съ первымъ вопросомъ находится второй—о системѣ хозяйства, т.-е. о совокупности тѣхъ пріемовъ и

Digitized by Google

средствъ, какими ведется хозяйство. Третій вопросъ—о формахъ землевладѣнія, т.-е. о томъ, кто и на какихъ правахъ владѣлъ землей. Изученіе хозяйственныхъ условій заканчивается четвертымъ вопросомъ—о формахъ хозяйства, иными словами о томъ, былъ ли въ данный періодъ свободный или принудительный трудъ и на какихъ условіяхъ этотъ трудъ эксплуатировался. На твердой основѣ изученія экономическихъ отношеній покоится разрѣшеніе пятаго вопроса—о соціальномъ устройствѣ, о томъ, были ли въ извѣстное время общественные классы, т.-е. дѣленія общества на группы по хозяйственнымъ признакамъ, по занятіямъ, или существовали уже сословія, т.-е. дѣленія общества на группы по юридическимъ признакамъ, правамъ и обязанностямъ. Наконецъ, изученіе политическаго строя, постановки верховной власти, организаціи учрежденій и управленія,—вотъ послѣдній, шестой вопросъ, какого мы коснемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

II.

Городъ и деревня въ кіевской Руси (до конца XII в.).

Основной отраслью народнаго производства въ первый, кіевскій періодъ русской исторіи, до конца XII вѣка, было, несомнѣнно, простое, почти не сопровождающееся сколько-нибудь значительнымъ трудомъ и затратой капитала, освоеніе даровыхъ силъ дѣвственной природы, столь щедрой къ человѣку, хотя нерѣдко и столь грозной для него на зарѣ исторіи. Рядъ несомнѣнныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ источниковъ убѣждаетъ въ справедливости этого положенія. На первыя страницы нашей древнѣйшей, начальной лѣтописи занесено сказаніе о томъ, что нѣкогда, въ старину на среднемъ Днѣпрѣ жили три брата—Кій, Щекъ и Хоривъ—и всѣ они занимались звѣроловствомъ, были охотниками. Древляне, одно изъ славянскихъ племенъ, покоренныхъ Олегомъ въ IX вѣкѣ, платили князю дань черными куницами, т.-е. мѣхами звѣрей, продуктами той же охоты. Игорь, отпуская отъ себя византійскихъ пословъ, заключившихъ съ нимъ договоръ, одарилъ ихъ тѣмъ, чѣмъ самъ былъ богатъ: мѣхами и воскомъ; то же самое обѣщала дать въ даръ византійскому императору княгиня Ольга при своемъ крещеніи въ Константинополѣ. Ея сынъ Святославъ, всю жизнь неустанно искавшій приключеній, подвиговъ и добычи, говорилъ матери: «не нравится мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ (въ Болгаріи), потому что туда сходятся всѣ богатства» изъ Греціи, Чехіи, Венгріи и изъ Руси. Чѣмъ богаты были прочія страны, для насъ теперь не важно, но Русь, по словамъ князя, доставляла въ Болгарію мѣха, воскъ и медъ. Почти на каждой страницѣ лѣтописи встрѣчаются, на ряду съ извѣстіями о войнахъ, постройкѣ церквей, правительственной дѣятельности князей, сообщенія, что тотъ или дру-

Digitized by Google

гой князь «ловы звѣриные дѣялъ», «гна звѣри въ лѣсѣ», причемъ, какъ видно, эти охотничьи поѣздки продолжались долго, почему князья отправлялись на нихъ обыкновенно со своими женами и дружиной. А что можетъ быть характернѣе того, что Владиміръ Мономахъ, этотъ живой идеалъ древнерусскаго князя, въ своемъ знаменитомъ «Поученіи» на ряду съ военными подвигами и дѣлами управленія ставитъ свою охотничью удаль и охотничьи удачи? Въ древнѣйшемъ памятникѣ нашего права «Русской Правдѣ» предметомъ особеннаго вниманія служатъ «бобровые гоны», т.-е. мѣста ловли бобровъ, и «бортные ухожаи», приспособленія для пчеловодства, для добыванія воска и меда. Эти и имъ подобные факты, которыми изобилуютъ уцѣлѣвшія до нашего времени лѣтописи и акты Кіевскаго періода, ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что добывающая промышленность, особенно охота и пчеловодство, играла первенствующую роль въ народномъ хозяйствѣ этого далекаго отъ насъ времени.

Меньше значенія имѣло сельское хозяйство, особенно земледѣліе. Правда, еще при Олегѣ нѣкоторыя славянскія племена платили дань князю «съ рала», т.-е. съ плуга, что̀ указываетъ на употребленіе этого земледѣльческаго орудія, а слѣдовательно, и на занятіе земледѣліемъ уже въ X вѣкѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ встрѣчающееся въ правленіе Ольги извѣстіе, что древляне «дѣлали нивы своя». Наконецъ, въ XII вѣкѣ на одномъ изъ княжескихъ съѣздовъ прямо говорилось о земледѣліи, какъ одномъ изъ обычныхъ занятій смердовъ или крестьянъ. Но любопытно, что, какъ мы только что видѣли, въ числѣ хозяйственныхъ благъ, составлявшихъ главное богатство Руси, ни разу не называется хлѣбъ, а упоминаются только продукты добывающей промышленности. Это уполномочиваетъ насъ не ставить земледѣліе въ кіевской Руси въ одинъ рядъ съ охотой и пчеловодствомъ. Въ чемъ можно быть въ этомъ отношеніи увѣреннымъ, это въ томъ, что и тогда уже русскіе не нуждались въ привозномъ хлѣбѣ, потому что имъ хватало своего. Серьезнѣе было значеніе другой отрасли сельскохозяйственной промышленности,—скотоводства. Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія, что у того или другого князя во время междоусобій истреблялись громадныя стада скота, въ двѣ, три тысячи головъ, иногда и болѣе. Но едва ли не еще болѣе убѣдительнымъ свидѣтельствомъ о богатствѣ скотомъ и важности скотоводства является фактъ необыкновенной дешевизны скота по «Русской Правдѣ»: такъ, лучшую рабочую лошадь можно было купить въ то время за 14—16 рублей на наши деньги, волъ стоилъ 7—8 рублей, корова отъ 6 до 8, теленка можно было купить за 70—80 коп., а овцу въ XI вѣкѣ даже всего за 40 коп. Совершенно понятно, почему скотоводство было болѣе развито чѣмъ земледѣліе, и приближалось въ этомъ отношеніи къ охотѣ и пчеловодству: дѣло въ томъ, что первобытное скотоводство по своей экономической природѣ очень близко къ добывающей промышленности;

Digitized by Google

какъ и послѣдняя, оно не требуетъ почти никакихъ усилій и заботъ со стороны человѣка: скотъ все время пасется на волѣ и довольствуется подножнымъ кормомъ.

Совершенно ничтожна была обрабатывающая промышленность. Въ нашихъ источникахъ лишь изрѣдка мелькаютъ факты, свидѣтельствующіе о выдѣлкѣ издѣлій изъ глины, о обработкѣ кожъ, о переработкѣ дерева. Особенно яркое изображеніе древнѣйшей русской обрабатывающей промышленности—разумѣется, въ миніатюрѣ—даетъ одинъ изъ превосходныхъ памятниковъ литературы кіевскаго періода, именно Патерикъ Печерскій, т.-е. собраніе житій святыхъ подвижниковъ Кіево-печерскаго монастыря. Весь проникнутый свѣжей, наивной, дѣтской вѣрой, Патерикъ съ любовью отмѣчаетъ различныя чисто-внѣшнія обстоятельства, относящіяся къ жизни святого или къ открытію его мощей. Эти случайныя замѣчанія имѣютъ для насъ большую цѣнность. Читая, напримѣръ, простодушный разсказъ Нестора объ открытіи мощей св. Ѳеодосія, мы видимъ, что, когда у автора этого повѣствованія, который самъ разрывалъ могилу святого, сломалась кирка,—онъ самъ ее починилъ своими руками. Очевидно, это была самодѣльная кирка, сдѣланная для себя, а не на продажу. Такъ выдѣлывалось, вѣроятно, большинство предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ и хозяйственномъ обиходѣ. Если что-либо и продавалось, то недалеко, на сосѣднемъ базарѣ и при томъ въ небольшомъ количествѣ. Въ томъ же Патерикѣ встрѣчаемъ и другое извѣстіе о домашнемъ производствѣ для собственнаго потребленія производителя, и извѣстіе о незначительной продажѣ издѣлій на сосѣднемъ рынкѣ: одинъ изъ печерскихъ монаховъ, Исаія, носилъ «свиту *вотоляну*», т.-е. сдѣланную изъ «вотолы», грубаго домашняго холста, сотканнаго имъ собственноручно; св. Ѳеодосій вмѣстѣ съ братіей приготовлялъ шерстяныя «копытца», т.-е. чулки, и такіе же «клобуки», или шапки, и посылалъ продавать эти издѣлія на кіевскомъ базарѣ.

Уже изъ этого одного видно, что *внутренняя* торговля была ограничена не играла важной роли. Такой выводъ подтверждается и изученіемъ «Русской Правды»: въ ней упоминается о «торгѣ», т.-е. мѣстномъ базарѣ, но особенно любопытно постановленіе, по которому, въ случаѣ находки кѣмъ-либо пропавшей у него вещи на базарѣ въ рукахъ у другого, этотъ послѣдній, будучи обязанъ указать лицо, у котораго имъ пріобрѣтена спорная вещь, не имѣлъ, однако, права ссылаться на то, что имъ она пріобрѣтена въ другомъ городѣ: очевидно, сообщенія между отдѣльными городами и рынками были очень затруднительны и рѣдки, а это и указываетъ какъ разъ на чрезвычайную слабость внутренняго обмѣна. Зато торговля *внѣшняя* на первый взглядъ кажется очень важной. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны факты, указывающіе на оживленныя торговыя сношенія кіевской Руси съ арабами и хозарами и особенно съ Византіей. Яркими свидѣтелями торговли съ

Digitized by Google

арабами и хозарами являются извѣстія арабскихъ купцовъ, посѣщавшихъ Русь, напр., Масуди, Истархи, Хордадбе, Ибнъ-Фадлана, и открываемые до сихъ поръ въ южной Россіи клады, состоящіе изъ серебряныхъ арабскихъ монетъ, такъ называемыхъ диргемовъ. О мѣновыхъ сношеніяхъ съ Византіей говорятъ знаменитые, уцѣлѣвшіе до нашего времени, въ Начальной лѣтописи договоры Олега и Игоря съ греками, прямыя лѣтописныя извѣстія и, наконецъ, замѣчательный разсказъ византійскаго императора Константина Багрянороднаго въ его сочиненіи «Объ управленіи имперіей». Этотъ послѣдній источникъ, рисуя живую картину торговыхъ сношеній Руси съ Византіей, имѣетъ для насъ особенную цѣнность, такъ какъ предостерегаетъ отъ преувеличенныхъ представленій о значеніи внѣшней торговли въ экономической жизни кіевской Руси. Съ наступленіемъ зимы, разсказываетъ Константинъ Багрянородный, русскій князь и его дружина отправляются изъ Кіева по подвластнымъ князю славянскимъ племенамъ за сборомъ дани, рѣдко состоявшей изъ денежныхъ платежей, а слагавшейся почти исключительно изъ натуральныхъ продуктовъ, какими изобиловала страна: мѣховъ, меду и воску. Вся зима проходила въ этомъ трудномъ, подчасъ и опасномъ объѣздѣ, такъ называемомъ «полюдьѣ». Весной князь съ дружиной возвращались въ Кіевъ съ собранною данью. Къ этому времени приготовлялись лодки, которыя оснащивались, нагружались всѣмъ тѣмъ, что было собрано въ видѣ дани, и спускались подъ охраной вооруженныхъ купцовъ Днѣпромъ и Чернымъ моремъ въ Византію. Этотъ превосходный разсказъ, составленный со словъ очевидцевъ и современниковъ, мѣстныхъ кіевскихъ жителей, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что внѣшняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имѣющими первостепенную важность чертами: во-первыхъ, торговая дѣятельность была занятіемъ исключительно однихъ общественныхъ верховъ, — князя, дружины и болѣе или менѣе состоятельныхъ горожанъ, — масса же населенія не принимала въ ней никакого участія, потому что не продавала, а отдавала даромъ, въ видѣ дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторыхъ, внѣшняя торговля въ дѣйствительности не затрагивала и настоятельныхъ, насущныхъ, необходимо требовавшихъ удовлетворенія потребностей даже этихъ руководящихъ ею высшихъ классовъ населенія: все необходимое они получали натурой, отправляя на внѣшній рынокъ лишь избытки и вымѣнивая тамъ только предметы роскоши: шелковыя ткани, вина, дорогое оружіе. Въ сущности мы наблюдаемъ здѣсь не торгово-промышленный круговоротъ, а отчужденіе продуктовъ, доставшихся даромъ, безъ затраты капитала, безъ предпринимательскихъ заботъ и безъ торговой эксплуатаціи производителей хозяйственныхъ благъ. Слѣдовательно, глубины народнаго хозяйства остались нетронутыми внѣшней торговлей, по существу это хозяйство было чисто *натуральнымъ*, т.-е. такимъ,

Digitized by Google

при которомъ почти каждый работаетъ только на себя и на свою семью, а не для продажи.

Описаннымъ соотношеніемъ разныхъ отраслей народнаго производства опредѣлялась прежде всего *система хозяйства*. Она отличалась первобытнымъ, хищническимъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, экстенсивнымъ характеромъ. Охота сводилась къ безпощадному, неразсчетливому истребленію звѣрей, водившихся въ такомъ изобиліи въ обширныхъ лѣсахъ, что не было нужды въ какихъ-либо правилахъ или ограниченіяхъ для охоты, да и некому было ихъ устанавливать и слѣдить за ихъ исполненіемъ. Звѣроловъ не ограничивалъ своей истребительной дѣятельности какимъ-либо небольшимъ райономъ, а охотился на обширныхъ пространствахъ, постоянно переходилъ съ одного мѣста на другое. Техническіе пріемы другой основной отрасли народнаго производства въ кіевской Руси, пчеловодства, отличались такою же примитивностью: древнѣйшее пчеловодство носитъ характерное названіе бортничества во всѣхъ грамотахъ кіевскаго періода, между прочимъ и въ «Русской Правдѣ». Бортничествомъ называется такое пчеловодство, при которомъ совершенно не заводится искусственныхъ приспособленій для пчелъ, ульевъ и пасѣкъ, а пчеловоды пользуются медомъ и воскомъ, складываемыми дикими пчелами въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, называемыхъ бортными или бортями. Для занятія такимъ пчеловодствомъ не надо никакого капитала и необходимо очень мало труда: нужно только поставить на бортномъ деревѣ «знамя», т.-е. знакъ собственности, и своевременно вынуть накопившійся воскъ и медъ. Далѣе: при обиліи лѣсовъ и болотъ и при крайней рѣдкости населенія въ земледѣліи возможна была только одна подсѣчная, огневая или лядинная система, состоящая въ томъ, что вырубался и выжигался лѣсъ, и на образовавшемся такимъ образомъ «палѣ», «огнищѣ» или «лядахъ», высушенномъ и покрытомъ пепломъ пространствѣ, сѣялся годъ или два хлѣбъ, потомъ повторялась та же операція съ другимъ участкомъ, черезъ такой же срокъ переходили къ третьему и т. д. Слѣдовательно, хищническій и кочевой характеръ составлялъ такой же отличительный признакъ земледѣлія, какъ и добывающей промышленности. Наконецъ, приведенный уже выше разсказъ Константина Багрянороднаго о внѣшней торговлѣ какъ нельзя лучше показываетъ, что и эта отрасль хозяйства отличалась крайне примитивной организаціей: торговля была караванной, не требовала капитала, не было постоянной, непрерывной связи между производителями хозяйственныхъ благъ и внѣшнимъ рынкомъ.

Преобладаніемъ добывающей промышленности и господствомъ экстенсивной системы хозяйства опредѣлились—далѣе—и основныя, типическія для изучаемаго времени *формы землевладѣнія*. Кочевать, переходить съ мѣста на мѣсто — вотъ основная хозяйственная потребность первобытнаго производителя, потребность, подсказываемая гос-

Digitized by Google

подствомъ добывающей промышленности и скотоводства, при которыхъ надо гнаться за звѣремъ, отыскивать дикихъ пчелъ, занимать все новыя пастбища для скота. Возможна ли при такихъ условіяхъ прочная и постоянная собственность на землю, полная осѣдлость? Очевидно, нѣтъ. Но какіе же порядки пользованія землей существовали въ такомъ случаѣ въ Кіевской Руси? Наши древнѣйшіе источники даютъ намъ вмѣсто опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ одни только намеки, достаточно ясные, однако, при свѣтѣ историческихъ аналогій. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ странахъ, въ которыхъ мы наблюдаемъ хозяйственныя условія, соотвѣтствующія экономическимъ особенностямъ кіевской Руси до конца XII вѣка, существовало такъ называемое *вольное или захватное землевладѣніе*, сводящееся къ тому, что извѣстный округъ или волость занималъ извѣстную, довольно обширную территорію, а отдѣльные дворы или семьи на время, обыкновенно на годъ, опахивали, окашивали или «зачерчивали» себѣ, посредствомъ зарубокъ на деревьяхъ, опредѣленные участки для распашки, не подлежавшіе во время разработки заимкѣ со стороны другихъ семей. Лѣсомъ, пастбищемъ и другими угодьями пользовались всѣ жители волости сообща, въ мѣру потребностей. Такіе порядки наблюдаются, напр., у древнихъ германцевъ около Рождества Христова, наблюдались недавно и у насъ въ Сибири, въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ и господствомъ добывающей промышленности. То же, по всѣмъ признакамъ, было и въ кіевской Руси. Что вервь или волость имѣла тогда опредѣленную обширную территорію,—это видно изъ «Русской Правды», разсматривающей вервь именно какъ территоріальную единицу. Что земля не была еще въ большинствѣ случаевъ постоянной, прочной собственностью семьи,—въ этомъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что она въ то время не продавалась: о продажѣ земли нѣтъ ни слова ни въ «Русской Правдѣ», ни въ другихъ источникахъ. Та же «Русская Правда» сохранила для насъ и любопытнѣйшіе намеки на опахиваніе и зачерчиваніе временнозанимаемыхъ отдѣльными семьями земельныхъ участковъ: въ ней говорится о «межѣ ролейной», т.-е. пашенной, образованной путемъ опахиванія, и о «дубѣ знаменномъ», т.-е. имѣвшемъ «знамя», знакъ собственности, зачерченномъ. Наконецъ, при свѣтѣ приведенныхъ выше аналогій становится вполнѣ понятнымъ извѣстіе Начальной лѣтописи о полянахъ: «они жили каждый своимъ родомъ», говоритъ лѣтопись, «на своихъ мѣстахъ». Родъ здѣсь, очевидно, вервь, волость: она имѣла «свои мѣста», опредѣленную территорію. А далѣе, въ видѣ иллюстраціи, лѣтопись приводитъ извѣстный разсказъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди: они вмѣстѣ со своими семьями, очевидно, и составляли вервь или родъ и пользовались свободно землею въ предѣлахъ родовой территоріи для своихъ хозяйственныхъ цѣлей, охотились, гдѣ угодно и сколько угодно, выгоняли на пастбище скотъ, занимали на годъ или на два участки для пашни и т. д.

Digitized by Google

Но утверждая, что вольное или захватное крестьянское землевладѣніе господствовало въ кіевской Руси, нельзя, однако, признать его *единственной* въ то время землевладѣльческой формой. Дѣло въ томъ, что со времени появленія князей къ древнимъ землевладѣльческимъ порядкамъ примѣшиваются новыя формы, постепенно и медленно проникая въ жизнь. Прежде всего появилось *княжеское* землевладѣніе. Первые слѣды его становятся замѣтны уже въ X вѣкѣ, когда Ольга устроила по всей землѣ свои «мѣста» и «села», «ловища» (мѣста лова звѣрей) и «перевѣсища» (мѣста, гдѣ устраивались силки для ловли птицъ). У той же княгини упоминается и село Ольжичи. Къ XII вѣку княжескія села сдѣлались уже вполнѣ распространеннымъ явленіемъ, встрѣчались нерѣдко; недаромъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи» придаетъ такое важное значеніе домашнему хозяйству; въ разсказахъ о княжескихъ междуусобіяхъ постоянно мелькаютъ указанія на разореніе княжескихъ селъ. На ряду съ этимъ въ томъ же XII столѣтіи сплошь и рядомъ можно встрѣтить извѣстія о разграбленіи селъ *боярскихъ*, а первые признаки боярскаго землевладѣнія относятся еще къ XI вѣку: оно, очевидно, возникло вслѣдъ за княжескимъ. Наконецъ, въ томъ же XI столѣтіи возникло еще и *монастырское* землевладѣніе; въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ говорится о пожалованіи монастырю княземъ Изяславомъ горы, а затѣмъ находимъ извѣстіе о дачѣ какимъ-то Ефремомъ селъ въ монастырь. Такъ сразу намѣтились и два источника, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и впослѣдствіи пополнялись монастырскія вотчины: княжеское пожалованіе и вкладъ частныхъ лицъ. Но не только появились на ряду съ крестьянами новые владѣльцы—князья, бояре, монастыри,— перемѣна была еще глубже: она коснулась самаго понятія о собственности на землю, потому что землевладѣніе князей, бояръ, и монастырей отличалось уже несравненно бо́льшею прочностью, опредѣленностью и осѣдлостью, чѣмъ вольное землевладѣніе крестьянъ. Не трудно понять причину происхожденія этихъ землевладѣльческихъ новообразованій: они явились результатомъ вліянія второстепенной, но все-же не ничтожной, отрасли промышленности, внѣшней торговли. Благодаря торговлѣ, въ натурально-хозяйственныя отношенія, не разрушая ихъ, проникъ сильной струей капиталъ, сосредоточившійся въ немногихъ рукахъ и рѣзко отдѣлившій его обладателей отъ остальной массы общества. Капиталъ далъ возможность капиталистамъ пріобрѣтать значительное количество несвободныхъ и полусвободныхъ рабочихъ, благодаря труду которыхъ капиталисты—князья, бояре и монастыри—могли занять прочно и хорошо эксплуатировать болѣе или менѣе обширныя земельныя владѣнія.

Послѣднее замѣчаніе—о примѣненіи несвободнаго и полусвободнаго труда—вводитъ насъ въ послѣдній, четвертый вопросъ экономической исторіи кіевской Руси,—вопросъ о *формахъ хозяйства*. И здѣсь мы

Digitized by Google

должны отличать главныя, основныя, древнія явленія отъ побочныхъ, второстепенныхъ, болѣе позднихъ. Первыя созданы господствомъ добывающей промышленности, скотоводства и натуральнаго хозяйства, вторыя—результатъ вліянія внѣшней торговли. Звѣроловъ и бортникъ искалъ простора для своихъ охотничьихъ и пчеловодныхъ занятій, не тѣснился къ своимъ товарищамъ, а селился въ разбродъ, на болѣе или менѣе возвышенныхъ мѣстахъ сырой и болотистой лѣсной страны, по близости отъ рѣкъ, самыхъ удобныхъ путей сообщенія. Поэтому, господствующей хозяйственной единицей того времени была семья, довольно тѣсный родственный союзъ, обыкновенно не дѣлившійся на болѣе мелкія хозяйства и по смерти отца. Семья, вслѣдствіе того, что большинство населенія занималось однимъ и тѣмъ же, по преимуществу охотой и пчеловодствомъ, почти ничего не продавала на сторону, все производила для собственнаго потребленія и ничего не покупала у другихъ. При такихъ условіяхъ не оставалось мѣста для широкаго развитія несвободнаго, рабскаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ Кіевской Руси. И въ самомъ дѣлѣ: несвободный трудъ, при семейной организаціи добывающей промышленности, при натуральной системѣ хозяйства, не является экономической необходимостью, находитъ себѣ примѣненіе лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ: каждая семья легко удовлетворяетъ своимъ потребностямъ собственными силами, не прибѣгая къ организаціи принудительнаго труда. Недаромъ всѣ писатели, сообщающіе намъ свѣдѣнія о первобытныхъ славянахъ,—таковы по преимуществу писатели византійскіе,—оставили цѣлый рядъ свидѣтельствъ о томъ, что рабовъ у славянъ было мало, обращались они съ этими рабами хорошо и скоро отпускали на волю. Знаменательно также, что «Русской Правдѣ» неизвѣстны холопы у смердовъ или крестьянъ: она знаетъ только холоповъ княжескихъ, боярскихъ и «чернечьихъ», т.-е. монастырскихъ.

Это послѣднее свидѣтельство «Русской Правды» убѣждаетъ, однако, что лишь только къ натуральной системѣ примѣшивается торговля, хотя бы даже и въ той несовершенной стадіи развитія, какую мы наблюдаемъ въ Кіевской Руси,—такъ, у лицъ, имѣющихъ къ ней отношеніе, особенно у князей и бояръ, возникаетъ, сначала, конечно, слабо развитая, потребность въ эксплуатаціи чужого даровой труда: несомнѣнно, главная часть товаровъ для внѣшней торговли добывалась путемъ сбора дани, но уже въ ту пору высшіе классы населенія пополняли свои доходы тѣмъ, что, занимая свободныя земли, садили на нихъ своихъ несвободныхъ и полусвободныхъ слугъ. Можно догадываться, что главной задачей этого зарождающагося владѣльческаго хозяйства была доставка продуктовъ земледѣлія и скотоводства для непосредственнаго потребленія лицъ, составлявшихъ высшій слой населенія: это видно изъ того, что въ «Русской Правдѣ» несвободные люди фигурируютъ не въ качествѣ охотниковъ и пчеловодовъ, работа

Digitized by Google

которыхъ одна только доставляла, какъ мы видѣли, предметы для внѣшней торговли—мѣха, воскъ и медъ, а по преимуществу въ видѣ «тіуновъ конюшихъ», т.-е. приказчиковъ, завѣдующихъ конскими стадами, или «тіуновъ ратайныхъ», т.-е. земледѣльческихъ приказчиковъ. Извѣстно, какъ много вниманія удѣляетъ тотъ же драгоцѣнный памятникъ древнерусскаго права такъ называемымъ закупамъ, т.-е. лицамъ, занявшимъ у землевладѣльцевъ извѣстную сумму денегъ и обязавшимся отработать этотъ долгъ. Эти закупы—полусвободные рабочіе—носятъ въ «Русской Правдѣ» характерное названіе «ролейныхъ», т.-е. пашенныхъ, отъ «ролья»—пашня. Но нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что эксплуатація несвободнаго и полусвободнаго труда простиралась въ извѣстной мѣрѣ и на область добывающей промышленности и доставляла, слѣдовательно, нѣкоторое, хотя, вѣроятно, и не особенно значительное, дополненіе къ числу тѣхъ добываемыхъ по преимуществу путемъ дани продуктовъ, которые вывозились на византійскій рынокъ и отчуждались на азіатскій востокъ. Такъ, примѣсь торговаго оборота положила начало новой, невѣдомой раньше формѣ хозяйственныхъ предпріятій,—владѣльческому хозяйству князей, бояръ и монастырей, основанному на примѣненіи, главнымъ образомъ, несвободнаго и полусвободнаго труда.

Хозяйственная организація, изображенная выше, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ *соціальный и политическій строй* кіевской Руси. Общество того времени, благодаря указаннымъ экономическимъ вліяніямъ, распалось уже на нѣсколько опредѣленныхъ и обособленныхъ слоевъ. Подавляющее большинство составляли смерды—деревенское свободное населеніе, занимавшееся по преимуществу добывающей промышленностью и скотоводствомъ, въ меньшей степени земледѣліемъ. Смердъ и сельскій житель, крестьянинъ—это синонимы въ устахъ нашего древнѣйшаго лѣтописца. Городское свободное населеніе—«люди»—въ главной своей массѣ мало отличалось своими занятіями отъ смердовъ, за исключеніемъ, впрочемъ, высшаго его слоя, городского купечества, отдававшаго значительное количество времени и труда внѣшней торговлѣ. Городское купечество—это тѣ «гости», о которыхъ упоминаютъ договоры Олега и Игоря на ряду съ княжескими «слами» или послами. Наконецъ, третій, верхній слой, являющійся соціальнымъ новообразованіемъ, составляли бояре и «отроки» или «дѣтскіе», т.-е. старшая и младшая дружина, во главѣ съ княземъ, военные охранители земли, торговыхъ путей и купеческихъ каравановъ и установители внутренняго мира и порядка, «бояре думающіе» и «мужи храборствующіе», по образному и мѣткому выраженію «Слова о полку Игоревѣ». Мы видимъ такимъ образомъ, что нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить различіе между этими тремя соціальными группами *по ихъ занятіямъ*, но мы тщетно стали бы искать опредѣленныхъ сколько-нибудь значительныхъ *юридическихъ* различій между тѣми же группами: дружин-

Digitized by Google

ники, люди и смерды не отличались другъ отъ друга ни правами, ни обязанностями. Гражданская и политическая полноправность и полная юридическая, въ значительной степени и фактическая, возможность перейти изъ одного состоянія въ другое—отличительная особенность общественнаго строя древнѣйшей Россіи. На дѣлѣ, въ дѣйствительности вѣче—этотъ главный политическій органъ общественнаго союза въ то время—состояло преимущественно изъ горожанъ, имѣвшихъ фактическую возможность всегда его посѣщать, что было далеко не всегда мыслимо для сельскихъ обывателей, по крайней мѣрѣ для большинства ихъ. Но городъ составлялъ неразрывную часть волости, и потому всякій смердъ, явившись въ городъ, могъ участвовать въ вѣчевой сходкѣ. Онъ могъ также, если хотѣлъ, переселиться въ городъ для занятія торговлей и даже поступить въ княжескую дружину, сдѣлаться старшимъ дружинникомъ, бояриномъ. Припомнимъ, напримѣръ, разсказъ лѣтописи о Янѣ Усмошвецѣ: однажды, когда Владиміръ вышелъ со своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ дружины и народнаго ополченія, навстрѣчу печенѣгамъ,—передъ битвой выѣхалъ впередъ печенѣжскій богатырь громаднаго роста и сталъ вызывать кого-либо изъ русскихъ на единоборство; охотниковъ не находилось, и князь опечалился; тогда къ нему подошелъ простой воинъ-смердъ изъ ополченія и сказалъ, что у него дома остался младшій сынъ необычайной силы: однажды, когда онъ мялъ руками кожу, отецъ за что-то разбранилъ его; тотъ такъ былъ раздраженъ этимъ, что разорвалъ пополамъ кожу; князь обрадовался и тотчасъ послалъ за молодымъ силачомъ; Янъ Усмошвецъ—такъ звали силача—безъ труда справился съ печенѣжскимъ богатыремъ и сдѣлался послѣ этого подвига дружинникомъ князя Владиміра. Какъ бы низко мы ни цѣнили достовѣрность самаго преданія,—одна возможность того, что оно сложилось именно въ такомъ смыслѣ, показываетъ, что поступленіе смерда въ бояре или старшую княжескую дружину было зауряднымъ явленіемъ: была бы только для этого надлежащая удаль и сила. Говоря коротко, общественный строй Кіевской Руси всецѣло основывался на экономическихъ признакахъ и лишенъ былъ юридическихъ основаній: существовали лишь экономическіе *классы*, но не было политическихъ *сословій*.

Переходя отъ общественнаго строя къ устройству управленія, мы прежде всего встрѣчаемся здѣсь съ учрежденіемъ, одинаково свойственнымъ всѣмъ первобытнымъ народамъ, съ собраніемъ свободныхъ людей,—собственно домовладыкъ или главъ семействъ,—съ такъ называемымъ вѣчемъ. Вѣче существовало на Руси задолго до призванія князей. Извѣстенъ лѣтописный текстъ, чрезвычайно ярко изображающій исконное значеніе вѣча и его составъ: «новгородцы, и смольняне, и полочане, и кіевляне, и всѣ волости изначала на вѣче, какъ на думу, сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды

Digitized by Google

станутъ». Изъ этого текста видно и древнѣйшее происхожденіе вѣча— вѣче было «изначала»,—и участіе въ немъ не только горожанъ, но и волостей, т.-е. смердовъ, крестьянъ, и подчиненіе всей области рѣшенію вѣча старшаго города. Городская область была первымъ по времени появленія политическимъ организмомъ древнѣйшей Россіи, и это отразилось позднѣе, послѣ призванія князей, въ первенствующемъ политическомъ значеніи вѣча. Особенно замѣтно такое значеніе собранія свободныхъ горожанъ и сельчанъ въ вопросѣ о замѣщеніи княжескихъ столовъ; призваніе или изгнаніе князя вѣчемъ были обычными явленіями въ кіевскій періодъ: такъ, кіевляне прогоняютъ Изяслава Ярославича за то, что онъ, потерпѣвъ пораженіе отъ половцевъ, не захотѣлъ отправиться въ походъ противъ нихъ во второй разъ; тѣ-же кіевляне, не считаясь съ княжескимъ старшинствомъ, призываютъ Владиміра Мономаха и удерживаютъ у себя его потомство, хотя черниговскіе Ольговичи, потомки Олега Святославича, принадлежали къ старшей линіи. Вѣче считало себя въ правѣ прямо и иногда довольно рѣзко и настойчиво дѣлать указанія князю въ его правительственной дѣятельности: «ты, князь, о чужой землѣ заботишься и ищешь ея, а своей пренебрегъ», говорятъ съ укоромъ кіевляне Святославу, отправившемуся въ Болгарію и тѣмъ подвергшему русскую землю опасности со стороны печенѣговъ.

Но на ряду съ вѣчемъ, хотя и не выше его, въ Кіевской Руси стояли еще князь и его дружина, составлявшая боярскій совѣтъ, безъ котораго князю было фактически немыслимо обойтись, хотя, разумѣется, юридическихъ гарантій участія боярскаго совѣта въ управленіи, какого-либо закона, опредѣлявшаго правительственную роль боярской думы, не существовало. Бояре принимали постоянное участіе въ дѣятельности князя: Владиміръ передъ принятіемъ христіанства спрашиваетъ у нихъ совѣта; онъ вообще, по словамъ лѣтописи, «любилъ дружину и думалъ (т.-е. совѣщался) съ ней объ устройствѣ земли, о войнѣ и о законахъ»: сыновья Ярослава, по совѣту со своими «мужами», т.-е. боярами, уничтожили кровную месть за убійство и замѣнили ее денежнымъ выкупомъ; Владиміръ Мономахъ опредѣлилъ максимальный законный процентъ по займамъ также послѣ совѣщанія съ дружиной; наконецъ, «Слово о полку Игоревѣ» чрезвычайно высоко ставитъ, выдвигаетъ на первый планъ «бояръ думающихъ».

Понятно, чѣмъ вызвано было политическое преобладаніе вѣча: вѣче состояло въ главной массѣ изъ смердовъ и людей, простыхъ свободныхъ, въ рукахъ которыхъ находилась господствовавшая въ то время отрасль народнаго производства, — добывающая промышленность, и которые обходились въ этой сферѣ экономической жизни безъ всякой хозяйственной поддержки соціальныхъ верховъ. Напротивъ, эти соціальные верхи, — князь, дружина и городское купечество, — фактически находились почти всецѣло въ экономической зависимости

Digitized by Google

отъ смердовъ, такъ какъ дань, собираемая съ послѣднихъ, и была именно главнымъ источникомъ тѣхъ хозяйственныхъ благъ, которыя можно было сбывать въ видѣ товаровъ въ Византіи и въ хозарской столицѣ Итили на устьѣ Волги. Экономическая зависимость приводила и къ политическому подчиненію, конечно, далеко еще не организованному и непрочному на зарѣ исторической жизни. Но, спрашивается, чему обязаны были своимъ существованіемъ новыя политическія явленія? Городъ или деревня, иначе говоря—интересы торговли или добывающей промышленности и первобытнаго сельскаго хозяйства создали княжескую власть и неразрывно съ ней связанный боярскій совѣтъ? Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что тотъ хозяйственный элементъ, который явился въ качествѣ сравнительно-второстепенной примѣси къ натурально-хозяйственной системѣ,—именно внѣшняя торговля,—вызывалъ необходимость призванія князей: торговые караваны нуждались къ защитѣ отъ кочевниковъ, поджидавшихъ ихъ обыкновенно съ цѣлью поживиться у днѣпровскихъ пороговъ; съ другой стороны, военная опора была необходима для огражденія жизни, имущества и правъ тѣхъ, кто ѣздилъ торговать на главный внѣшній рынокъ страны, — въ Византію: это достаточно доказывается текстами договоровъ Олега и Игоря съ греками. Такимъ образомъ, потребность въ княжеской власти сильно ощущалась уже и въ городѣ. Было бы, однако, большой ошибкой выводить политическій строй кіевской Руси изъ такого второстепеннаго экономическаго фактора, какимъ была въ то время внѣшняя торговля. Еще болѣе нуждалась въ князѣ деревенская добывающая промышленность, тѣ смерды, которые отдѣльными семейными группами разселялись по обширной странѣ. Не даромъ въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ ставили князю въ вину, что онъ «не блюдетъ смердовъ». Классическая фраза нашихъ отдаленныхъ предковъ, призывавшихъ князей, — «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ», какъ нельзя лучше мотивируетъ основную потребность сельскаго населенія—въ установленіи внутренняго мира, въ устраненіи раздоровъ и несогласій между отдѣльными семьями и волостями. Другая потребность—во внѣшней защитѣ отъ сосѣдей — варяговъ, хозаръ, печенѣговъ, камскихъ болгаръ, впослѣдствіи половцевъ — была не менѣе, если не болѣе, настоятельна для сельскихъ жителей, чѣмъ для городскихъ: разбросанные на большомъ пространствѣ, рѣдкіе, изолированные семейные поселки, конечно, совершенно не въ состояніи были противостоять хищническимъ набѣгамъ. Вотъ почему Рюрикъ съ братьями, едва прибыли, какъ начали «города рубить и воевать всюду»; вотъ почему вѣче разсорилось съ Изяславомъ, не рѣшавшимся отразить разбойничавшихъ по селамъ половцевъ; понятны также и тѣ горькіе упреки, какими осыпали кіевляне Святослава, по возвращеніи его изъ Болгаріи: въ отсутствіе князя печенѣги непрестанно разоряли русскую землю. Итакъ политическій типъ варяжскаго княжества сло-

Digitized by Google

жился благодаря совокупному дѣйствію условій и городской и сельской жизни, причемъ вліяніе деревенскаго быта сказалось гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ потребности внѣшней торговли, что́ строго соотвѣтствовало взаимнымъ отношеніямъ двухъ основныхъ въ то время отраслей промышленности, деревенской добывающей промышленности, какъ главной, и городской торговли, какъ второстепенной вѣтви народной производительности.

На предшествующихъ страницахъ изложены, разумѣется, въ самыхъ краткихъ чертахъ, общіе признаки, характеризующіе значеніе города и деревни въ хозяйственномъ, соціальномъ и политическомъ строѣ кіевской Руси. При этомъ выяснилось что господствующая отрасль промышленности была главнымъ занятіемъ деревенскаго населенія, смердовъ; преобладаніемъ добывающей сельской промышленности объясняются, какъ мы видѣли, и формы землевладѣнія и хозяйства, и система послѣдняго, и господство смердовъ, какъ общественнаго класса и, наконецъ, политическій перевѣсъ вѣча и образованіе варяжскаго княжества. Такъ, изъ одного основного хозяйственнаго явленія послѣдовательно выводятся всѣ другія характеристическія черты хозяйства, общества и государства. Вліяніе второстепеннаго экономическаго фактора—внѣшней торговли—было несравненно поверхностнѣе: оно замѣтнѣе лишь въ области формъ землевладѣнія и хозяйства, такъ какъ начавшимся вслѣдствіе появленія внѣшней торговли раздѣленіемъ труда обусловливались зарожденіе княжеской и боярской вотчины и нѣкоторое развитіе несвободнаго и полусвободнаго труда; въ политической сферѣ вліяніе городской торговли не шло въ разрѣзъ съ дѣйствіемъ условій деревенской жизни, а напротивъ, обѣ силы дѣйствовали въ одномъ направленіи. Говоря вообще, можно такимъ образомъ признать, что деревня была первостепеннымъ по значенію элементомъ древнѣйшей русской жизни. Только эта деревня была не наша земледѣльческая деревня, а поселеніе, обитатели котораго существовали почти исключительно добывающей промышленностью.

III.

Городъ и деревня въ удѣльной Руси (съ XIII до половины XVI вѣка).

Экономическій бытъ кіевской Руси, какъ мы только что убѣдились, отличался чрезвычайной простотой и цѣльностью: для его пониманія нѣтъ необходимости различать на территоріи страны отдѣльныя области съ ихъ особенностями, потому что особенностей этихъ въ сущности не было, или, точнѣе говоря, онѣ были настолько незначительны, что безъ вреда для дѣла ими можно пренебречь. Такія простота и цѣльность вообще характерны для общества, которое едва еще начинаетъ жить историческою жизнью. Но уже во второмъ періодѣ, удѣль-

Digitized by Google

номъ, который начинается XIII вѣкомъ и оканчивается въ половинѣ XVI столѣтія, игнорировать важныя мѣстныя особенности значило бы отказаться отъ правильнаго научнаго анализа: уже въ это время зарождается раздѣленіе труда, нѣкоторая хозяйственная спеціализація отдѣльныхъ областей, входившихъ въ составъ обширной русской земли. Въ удѣльное время необходимо различать три крупныхъ экономическихъ района — центральный, новгородско-псковской и сѣверный. Каждому изъ нихъ соотвѣтствовала одна въ бо́льшей или меньшей степени господствовавшая въ немъ отрасль народной производительности, что̀, въ свою очередь, рѣзко сказывалось и на соціальномъ составѣ и на политическомъ строѣ отдѣльныхъ болѣе или менѣе политически-обособленныхъ частей страны. Зародыши всѣхъ этихъ особенностей существовали въ разныхъ степеняхъ развитія еще въ Руси кіевской, и на этомъ фундаментѣ, заложенномъ историческою жизнью перваго періода, сложились отношенія, опредѣлившіяся въ удѣльное время. Мы видѣли, какую первостепенную роль играла на зарѣ нашей исторіи первоначальная добывающая промышленность. Традиціи древнѣйшаго періода были цѣликомъ усвоены жителями сѣвера, той обширной области, которая начинается отъ такъ называемыхъ сѣверныхъ уваловъ—ряда холмовъ, тянущихся съ запада на востокъ по водораздѣлу между бассейнами Волги и Сѣверной Двины, — и оканчивается побережьемъ Ледовитаго океана и Бѣлаго моря. Заселеніе этого края русскими началось еще въ XI и XII вѣкахъ и усилилось въ ближайшія затѣмъ столѣтія, причемъ новые поселенцы нашли приложеніе своей хозяйственной энергіи въ тѣхъ же звѣроловствѣ и рыболовствѣ, какія занимали населеніе кіевской Руси, а также въ солевареніи, особенно удобномъ и прибыльномъ вслѣдствіе естественныхъ условій крайняго сѣвера. Нѣкоторымъ подспорьемъ для сѣверныхъ колонистовъ служило мѣстами также скотоводство, но другая отрасль сельскаго хозяйства—земледѣліе — играла совершенно второстепенную, прямо ничтожную роль въ силу суровыхъ климатическихъ и неблагопріятныхъ почвенныхъ условій и очень часто—почти всегда—не давала даже того количества продуктовъ, какое необходимо было для мѣстнаго потребленія. До насъ дошло достаточное количество древнихъ актовъ, характеризующихъ народное хозяйство сѣвернаго края въ удѣльный періодъ. Читая эти акты, мы постоянно встрѣчаемся въ нихъ съ «путиками», т.-е. мѣстами звѣринаго лова, «перевѣсищами», приспособленіями для птичьей охоты, рыбными ловлями, соляными варницами. Гораздо рѣже попадаются «пожни», т.-е. сѣнокосы, и «поскотины», или выгоны для скота. Пашни, называвшіяся здѣсь «орамыми землями», также не часты и, главное, не велики, да къ тому же чаще всего встрѣчаются въ видѣ «притеребъ», земель, недавно расчищенныхъ изъ-подъ лѣса. Если мы возьмемъ другой важный источникъ, житія сѣверныхъ святыхъ, то опять-таки передъ нами развернется та же картина преобладанія до-

Digitized by Google

бывающей промышленности и скотоводства. Пробираясь черезъ непроходимыя дебри и «дрязги великія», т.-е. непролазныя болота, сѣверный пустынножитель, основатель будущаго монастыря, добывалъ себѣ средства пропитанія обыкновенно рыболовствомъ; когда около него собиралось нѣсколько сподвижниковъ, тогда разводили скотъ; въ рѣдкихъ случаяхъ посвящали часть времени земледѣлію, очень при томъ первобытному: копали землю мотыками, т.-е. попросту лопатами или палками съ желѣзными наконечниками. При господствѣ первобытной добывающей промышленности, сѣверъ былъ въ то же время областью, въ которой натуральное хозяйство сохранилось въ наиболѣе чистомъ видѣ. Это видно изъ того, что, во-первыхъ, во все время изучаемаго періода здѣсь не встрѣчается упоминаній о торговыхъ центрахъ, ярмаркахъ и сколько-нибудь значительномъ торговомъ движеніи, а во-вторыхъ, даже въ XVI вѣкѣ сѣверные крестьяне уплачивали владѣльческіе оброки и государственныя подати натурой—«посопнымъ хлѣбомъ», т.-е. хлѣбомъ въ зернѣ, и даже тогда когда подати въ другихъ частяхъ государства стали переводиться на деньги, на сѣверѣ въ большинствѣ случаевъ сохранились старые натуральные платежи, а если они смѣнялись денежными, то послѣдніе назначались обыкновенно въ очень небольшомъ окладѣ: очевидно, денегъ у жителей сѣвера не было, т.-е. они почти не торговали, сохранили почти въ полной неприкосновенности натуральную систему хозяйства.

Чрезвычайно послѣдовательно, хотя съ большими, чѣмъ на сѣверѣ, перемѣнами, кіевскія традиціи были восприняты и развиты также въ сѣверозападномъ углу страны, въ области Великаго Новгорода и Пскова. Какъ въ кіевской Руси земледѣліе играло второстепенную роль въ народномъ производствѣ, такъ оно не было важнымъ элементомъ и въ хозяйственной жизни новгородско-псковскаго края: населенію здѣсь сплошь и рядомъ не хватало своего хлѣба, и всегда чувствовалась, поэтому, нужда въ привозномъ зернѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что московскіе великіе князья XIV и XV вѣковъ, при каждой ссорѣ съ Новгородомъ, подвергали новгородцевъ всѣмъ бѣдствіямъ голода, прекращая доставку хлѣба изъ области Волги и Оки. Болѣе, чѣмъ производство хлѣба, была развита культура техническихъ растеній—льна и конопли, сбывавшихся въ сыромъ, отчасти и обработанномъ видѣ за границу и служившихъ также для собственныхъ потребностей производителей. Въ то же время въ области Новгорода и Пскова продолжали сохранять важное значеніе добывающая промышленность и скотоводство, господствовавшія, какъ намъ уже извѣстно, въ кіевской Руси. Заключая, напримѣръ, договоры со своими князьями, новгородцы чрезвычайно точно и тщательно опредѣляли районы и время княжеской звѣриной и птичьей охоты и рыбной ловли, ограждая, очевидно, интересы охотниковъ и рыболововъ изъ народа. Одинъ изъ новгородскихъ князей XIII вѣка даже былъ изгнанъ за

Digitized by Google

злоупотребленіе гагачьей охотой. Въ житіи св. Антонія Римлянина, подобно житіямъ сѣверныхъ святыхъ, говорится о рыболовствѣ, какъ обычномъ занятіи монаховъ. О пчеловодствѣ свидѣтельствуетъ не одна статья такого важнаго законодательнаго памятника, какъ Псковская ссудная грамота. Наконецъ, имѣемъ также извѣстія о солевареніи въ Старой Руссѣ и добываніи желѣза въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вотской пятины, занимавшей часть Финляндіи и нынѣшнія Петербургскую и отчасти Новгородскую губерніи. Обиліе пастбищъ и сѣнокосовъ, засвидѣтельствованное писцовыми книгами новгородскими, открывало въ свою очередь возможность разведенія скота въ значительномъ количествѣ.

Воспринявъ отъ кіевской Руси основную черту экономическаго быта, опредѣлявшую хозяйственную дѣятельность народной массы, новгородскій край XIII—XV вѣковъ унаслѣдовалъ отъ того же историческаго періода и развилъ въ очень значительныхъ размѣрахъ и ту отрасль промышленности, которая питала и усиливала высшіе слои общества,— внѣшнюю торговлю. Новгородскія и псковскія лѣтописи пестрятъ извѣстіями о мѣновыхъ сношеніяхъ новгородцевъ и псковичей съ центромъ Россіи, съ одной стороны, и съ Западной Европой, преимущественно съ городами Ганзейскаго союза, съ другой. О томъ же ясно свидѣтельствуютъ торговые договоры Новгорода съ нѣмцами, договорныя грамоты великихъ князей съ новгородской вольной общиной, многочисленныя, сохранившіяся до нашего времени донесенія нѣмецкаго купечества, извѣстія иностранцевъ, посѣщавшихъ Новгородъ, подобно французу Ляннуа, наконецъ, народныя сказанія, былины и пѣсни, вродѣ извѣстной былины о Садкѣ-богатомъ гостѣ или того древняго новгородскаго сказанія, которое ведетъ рѣчь о добромъ молодцѣ, задавшемся «къ купцу—купцу богатому, ко бояриву». Насколько Новгородъ превосходилъ по своему торговому значенію другіе русскіе города того времени, можно усмотрѣть изъ одного лѣтописнаго извѣстія, наглядно показывающаго это: подъ 1216 годомъ въ лѣтописи упоминается о пріѣздѣ въ Переяславль-Залѣсскій (нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи) новгородскихъ и смоленскихъ купцовъ: тогда какъ послѣднихъ, т.-е. смоленскихъ, было всего 15, число первыхъ, пріѣхавшихъ изъ Новгорода, простиралось до 150-ти. Новгородская торговля отличалась при этомъ весьма важными особенностями, которыя необходимо отмѣтить: прежде всего она опиралась не на мѣстное производство, изъ продуктовъ котораго только ленъ и конопля да отчасти еще продукты скотоводства—кожи, сало, масло, мясо, щетина, шерсть— отпускались за границу, а на богатства другихъ мѣстностей; другими словами, новгородская торговля была передаточной, транспортной: закупая въ центральной Россіи и забирая въ видѣ дани на сѣверѣ, подчинявшемся Новгороду, мѣха, медъ, воскъ, хлѣбъ, ленъ, коноплю, продукты скотоводства, новгородцы промѣнивали ихъ на заграничные то-

Digitized by Google

вары: шелковыя и шерстяныя ткани, сукна, оружіе, металлическія издѣлія, вина и проч.; вторая характеристическая черта, отличавшая торговлю Новгорода и Пскова отъ древнѣйшей кіевской, заключается въ томъ, что въ этихъ вольныхъ городахъ удѣльной Руси для веденія торговыхъ операцій необходимы были уже предпринимательскіе труды, извѣстная коммерческая техника и значительный капиталъ, такъ какъ не дань уже, не даромъ достающіеся продукты служили товарами, предназначенными для заграничнаго вывоза: эти товары необходимо было купить, добыть путемъ торговой эксплуатаціи ихъ производителей. Вотъ почему торговля и денежный капиталъ имѣли несравненно бо́льшее значеніе въ жизни вольныхъ городовъ удѣльнаго времени, чѣмъ въ кіевской Руси, хотя народное хозяйство въ новгородско-псковскомъ краѣ все-таки продолжало оставаться натуральнымъ, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ господство натуральныхъ владѣльческихъ поборовъ, засвидѣтельствованное еще въ концѣ XV вѣка писцовыми книгами, этимъ отдаленнымъ подобіемъ и историческимъ прототипомъ современныхъ хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій.

Если сѣверъ и новгородско-псковскій край можно признать чрезвычайно послѣдовательными хранителями старины въ народномъ хозяйствѣ, развившими далѣе основы древнѣйшаго экономическаго быта, то центръ удѣльной Руси, область верхней Волги и Оки, заключаетъ въ себѣ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе новыхъ элементовъ, лишь въ слабой степени представленныхъ въ народномъ хозяйствѣ кіевской Руси: въ центральной области надъ другими отраслями производства преобладало уже въ удѣльное время сельское хозяйство, причемъ по мѣрѣ приближенія къ концу періода это преобладаніе постепенно усиливается, а въ предѣлахъ сельскохозяйственной промышленности все болѣе выдвигается на первый планъ земледѣліе. Древнѣйшіе сохранившіеся до нашего времени отрывки изъ писцовыхъ книгъ конца XV и первой половины XVI вѣка, относящіеся къ области Волги и Оки, сравнительно рѣдко упоминаютъ уже объ угодьяхъ, необходимыхъ для занятія добывающей промышленностью,—рыбныхъ ловляхъ, бобровыхъ гонахъ, бортныхъ ухожаяхъ; «путики» и «перевѣсища», столь частые на сѣверѣ, здѣсь совсѣмъ не встрѣчаются; зато описаніе каждаго имѣнія неизмѣнно оканчивается указаніемъ, сколько въ немъ числится пашни. И въ мѣстности между Волгой и Окой основывались въ удѣльное время монастыри и происходила колонизація, но поселявшіеся здѣсь монахи, въ противоположность основателямъ сѣверныхъ монастырей, не охотились, не ловили рыбы и не варили соль, а воздѣлывали землю, занимались полевымъ, земледѣльческимъ хозяйствомъ. Типическимъ примѣромъ такихъ монаховъ-хлѣбопашцевъ служатъ сподвижники основателя самаго знаменитаго изъ центральныхъ монастырей, св. Сергія Радонежскаго. О томъ же перевѣсѣ земледѣлія надъ другими отраслями народнаго труда свидѣтельствуютъ, наконецъ, мно-

Digitized by Google

гочисленные акты удѣльнаго періода, грамоты всякаго рода, государственныя и частныя. Такъ въ концѣ XIV вѣка митрополитъ Кипріанъ далъ уставную грамоту, опредѣляющую повинности крестьянъ, жившихъ на земляхъ митрополичьихъ монастырей; характеръ этихъ повинностей не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ преобладающемъ значеніи земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ: что это за повинности? Главныя изъ нихъ заключаются вотъ въ чемъ: «игумнову долю пашни пахать, сѣять и жать, сѣно косить, рожь молоть, хлѣбы печь, солодъ молоть, на сѣмя рожь молотить».

Господствующимъ отраслямъ производства соотвѣтствовали и своеобразныя для каждаго изъ указанныхъ трехъ районовъ *формы землевладѣнія* и *формы хозяйства*. Сѣверъ и въ этомъ отношеніи стоялъ всего ближе къ кіевской Руси: и здѣсь, какъ и тамъ, преобладаніемъ добывающей промышленности обусловливалась семейная форма производства. Но въ сферѣ формъ землевладѣнія между кіевской Русью и сѣверомъ удѣльнаго времени уже не существовало тожества: совершились уже нѣкоторыя важныя перемѣны,—коренныя, необходимыя и временныя или случайныя. Къ числу коренныхъ перемѣнъ принадлежитъ прежде всего полное исчезновеніе стариннаго вольнаго или захватнаго, кочевого землепользованія: каждая семья уже не переселяется постоянно, захватывая себѣ для хозяйственной эксплуатаціи на непродолжительный срокъ любой участокъ земли,—она осѣдаетъ довольно прочно, болѣе опредѣленнымъ образомъ и надолго размежевывается съ сосѣдями. Причина этой перемѣны кроется въ ростѣ населенія и естественныхъ условіяхъ сѣвернаго края, гдѣ суровость климата и скудость почвы, малоудобной для земледѣлія, исключаютъ возможность широкаго простора и требуютъ отъ каждой хозяйственной единицы столь напряженнаго труда, что она неохотно разстается съ облюбованнымъ участкомъ. Читая документы, касающіеся заселенія сѣвернаго края, легко убѣдиться, что обычнымъ типомъ колонизаціи здѣсь было поселеніе одинокаго крестьянина съ его семьей на пустомъ мѣстѣ, среди болотъ и лѣсовъ, и при томъ поселеніе болѣе или менѣе прочное. Сплошь и рядомъ встрѣчаются указанія, что тотъ или иной крестьянинъ «посѣче лѣсъ и многа древеса, яко ту селитву себѣ сотворитъ» или «завелъ новое мѣсто роспашное». Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ семья такого отдѣльнаго поселенца размножается, но, сознавая еще сильно свое кровное единство, не дѣлится, владѣетъ землей сообща и живетъ вся въ одномъ дворѣ. Работа производится общими силами, а дѣлятся лишь продуктомъ, причемъ основаніемъ для раздѣла продукта служитъ степень кровной, родственной близости къ основателю двора, родоначальнику семьи. Возьмемъ простѣйшій схематическій примѣръ: предположимъ, что у этого родоначальника—перваго поселенца было два сына. Очевидно, каждому изъ нихъ, при совмѣстномъ веденіи хозяйства по смерти отца, должна была достаться

Digitized by Google

половина продукта. Допустимъ далѣе, что въ третьемъ поколѣніи произошла такая перемѣна: у одного изъ сыновей родоначальника былъ одинъ сынъ, а у другого двое; очевидно, на долю перваго придется половина продукта, а на долю двухъ послѣднихъ лишь по четверти и т. д., такъ что съ размноженіемъ семьи доли въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи дробились все больше, и доля одного не равнялась долѣ каждаго изъ другихъ. Это неравенство содѣйствовало росту стремленія отдѣльныхъ членовъ семейнаго союза къ хозяйственной самостоятельности, потому что ни у кого нѣтъ желанія работать столько же, сколько другіе, получая вмѣстѣ съ тѣмъ меньше другихъ. Первымъ выраженіемъ такого стремленія было пріобрѣтеніе каждымъ членомъ семьи права продавать, закладывать, дарить и завѣщать свои права на долю общаго продукта постороннимъ, чужимъ людямъ, чужеродцамъ. Путемъ такихъ сдѣлокъ въ составъ семейнаго союза или двора проникли элементы не родственные, и такой осложнившійся чужеродными примѣсями союзъ получилъ названіе союза складниковъ, сябровъ или сосѣдей. Въ документахъ XIV, XV и даже XVI вѣковъ часто попадаются на сѣверѣ земли, находившіяся «съ складниками не въ раздѣлѣ». Но чужеродцы, конечно, еще болѣе, чѣмъ родственники, тянули врозь, и въ результатѣ получился уже не дѣлежъ продукта, а раздѣлъ земли, сначала временный, предполагавшій возможность новаго передѣла, нерѣдко и осуществлявшагося. О «новомъ дѣлѣ» или «передѣлѣ» земли между складниками можно прочитать во многихъ сѣверныхъ актахъ удѣльнаго періода. Наконецъ, отъ временнаго раздѣла земли не труденъ и не дологъ былъ уже переходъ къ полному и окончательному раздѣлу, т.-е. къ подворно-наслѣдственному владѣнію. Въ источникахъ часто встрѣчаются извѣстія о такихъ раздѣлахъ съ стереотипной оговоркой: «а тѣхъ земель намъ впредь не передѣливати». Однако въ удѣльное время такіе окончательные раздѣлы были на сѣверѣ Россіи не общимъ явленіемъ, а скорѣе исключеніемъ, такъ что вообще можно признать сѣверное землевладѣніе того времени складническимъ, сябриннымъ, или сосѣдскимъ, сопровождающимся или совмѣстнымъ веденіемъ хозяйства, или временными, періодическими передѣлами земли между складниками, сябрами или сосѣдями. Таковы необходимыя, коренныя перемѣны, совершавшіяся въ удѣльный періодъ въ сѣверномъ семейномъ землевладѣніи и представлявшія собою неизбѣжное, подъ вліяніемъ новыхъ условій, развитіе древнѣйшаго землевладѣльческаго права. Поверхностной, случайной и отчасти временной перемѣной въ той же сферѣ надо считать образованіе во многихъ мѣстахъ сѣвернаго края крупныхъ вотчинъ новгородскихъ бояръ и владыки, т.-е. архіепископа новгородскаго. Извѣстно, напр., что новгородскій владыка имѣлъ до конца XV вѣка обширныя владѣнія въ Обонежской пятинѣ, т. е. нынѣшней Олонецкой губерніи, что знаменитой Марѳѣ-посадницѣ принадлежали земли по берегамъ Бѣлаго моря,

Digitized by Google

при устьѣ р. Онеги, а Важскій уѣздъ въ XIV вѣкѣ представлялъ собою территорію, почти всецѣло занятую громадной промышленной вотчиной новгородскихъ бояръ Своеземцевыхъ. Этапримѣсь архіерейскихъ и боярскихъ земель была, несомнѣнно, поверхностной перемѣной, потому что она не повела къ коренной перестройкѣ крестьянскаго землевладѣльческаго права на сѣверѣ: бояре и владыка пріобрѣли лишь высшее право на землю, подобное праву удѣльныхъ князей на всю территорію ихъ княжества; подъ покровомъ этого высшаго права собственности на землю въ боярскихъ и владычнихъ вотчинахъ сѣвера продолжали господствовать семейная форма крестьянскаго землепользованія и свободный оборотъ (продажа и залогъ) земли между крестьянами. Но появленіе этой боярской вотчины было еще случайнымъ: это потому, что она была создана не столько мѣстными экономическими условіями, сколько хозяйственными особенностями новгородскаго края: только пріобрѣтеніе капиталовъ посредствомъ торговой дѣятельности доставило новгородскимъ боярамъ и владыкѣ необходимыя для покупки, захвата и заселенія земель средства. Наконецъ, временнымъ надо признать развитіе боярской и архіепископской вотчины на сѣверѣ по той причинѣ, что съ паденіемъ новгородской вольности въ концѣ XV вѣка эта вотчина была вырвана съ корнемъ Иваномъ III и замѣнена крестьянскимъ, такъ называемымъ чернымъ землевладѣніемъ, т.-е. тою же семейною формою крестьянскаго землепользованія, какая существовала прежде, причемъ высшее право собственности на землю стало принадлежать московскому государю. Фактически перемѣна сводилась только къ тому, кому должны были платить оброкъ крестьяне: раньше они его платили боярамъ и владыкѣ, потомъ стали платить великому князю московскому.

Итакъ, на сѣверѣ господствовала съ извѣстными перемѣнами старая семейная форма землевладѣнія и хозяйства, съ примѣсью оброка высшимъ собственникамъ земли. Оброкъ этотъ платился не деньгами, а натурой, бо́льшею частью долею продукта, половиною или третью, почему и лица, платившія его, назывались половниками, иногда третниками. Все это—формы производства весьма характерныя для натуральнаго хозяйства съ господствомъ добывающей промышленности.

Мы видѣли сейчасъ, какъ сильно содѣйствовала новгородская внѣшняя торговля развитію землевладѣнія новгородскихъ бояръ на сѣверѣ. Еще могущественнѣе было вліяніе того же экономическаго фактора на поземельныя отношенія въ предѣлахъ собственно-новгородской области; здѣсь по уцѣлѣвшимъ писцовымъ книгамъ мы можемъ наблюдать подавляющее господство боярскаго землевладѣнія, чрезвычайно при томъ крупнаго. Земли владыки и монастырей были также довольно виднымъ элементомъ въ новгородскомъ землевладѣніи, но уже онѣ уступали по размѣрамъ боярскимъ имѣніямъ. О владѣніяхъ же мелкаго городского и сельскаго люда—такъ называемыхъ своеземцевъ и даже купцовъ—

Digitized by Google

и говорить нечего: они совершенно тонули въ морѣ боярской и церковной земли. Наконецъ, самостоятельнаго крестьянскаго землевладѣнія уже совсѣмъ не было. Процессъ обезземеленія новгородскихъ крестьянъ или смердовъ можно прослѣдить по уцѣлѣвшимъ поземельнымъ актамъ XIII, XIV и XV вѣковъ, равно какъ и по отрывочнымъ намекамъ другихъ источниковъ. Такія грамоты, какъ вкладная Варлаама Хутынскаго или завѣщаніе Антонія Римлянина, передавшихъ свои вотчины въ основанные ими монастыри, указываютъ, что монастыри пріобрѣтали свои владѣнія отъ лицъ разнаго общественнаго положенія прежде всего путемъ даренія: при жизни дарителя—посредствомъ вклада или по его смерти — посредствомъ духовной грамоты. Это вполнѣ понятно въ обществѣ, которое, несмотря на скопленіе нѣкоторыми его членами значительныхъ капиталовъ, жило все-таки по преимуществу при натуральномъ хозяйствѣ: земля оставалась наиболѣе значительной и самой распространенной цѣнностью, такъ что естественно и являлась наиболѣе удобнымъ средствомъ стяжать себѣ молитвы монашествующей братіи для достиженія царства небеснаго. На ряду съ этимъ монастыри, разумѣется, пріобрѣтали земли и посредствомъ покупки и пріема въ залогъ, тѣмъ болѣе, что кредитныя операціи, по всѣмъ признакамъ, достигли въ Новгородѣ значительнаго развитія. Все сказанное о происхожденіи и развитіи монастырскаго землевладѣнія одинаково примѣнимо и къ землевладѣнію владыки или архіепископа новгородскаго. Что касается громадныхъ вотчинъ новгородскихъ бояръ, то покупка и пріемъ въ залогъ, несомнѣнно, также были важнымъ средствомъ сосредоточенія въ боярскихъ рукахъ большихъ земельныхъ богатствъ: это видно изъ новгородскихъ купчихъ и закладныхъ XIV и XV вѣковъ, а также изъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями, свидѣтельствующихъ, что покупка селъ была обычнымъ въ то время явленіемъ. Наконецъ, существовалъ еще способъ пріобрѣтенія земли, несомнѣнно примѣнявшійся въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ, случаяхъ новгородскими боярами: это — пріемъ свободныхъ людей, владѣвшихъ землею, въ закладни. Недаромъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями, съ цѣлью преградить князьямъ возможность обогатиться землею въ новгородскомъ краѣ, постоянно запрещается князьямъ держать гдѣ бы то ни было закладней. Закладни — это то же, что коммендаты въ средневѣковыхъ государствахъ Западной Европы; это лица, отдавшіяся подъ покровительство какого-либо сильнаго человѣка, подчинившіяся ему со своими землями въ податномъ и судебномъ отношеніяхъ.

Бояре, архіепископъ и монастыри, получая главную часть своихъ средствъ отъ внѣшней транспортной торговли, пользовались доходами со своихъ вотчинъ по преимуществу для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Вотъ почему, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ XV и даже первой половины XVI вѣка, главной формой эксплуатаціи крестьян-

Digitized by Google

скаго труда въ боярскихъ и церковныхъ вотчинахъ былъ оброкъ натурой, большею частью долей продукта, рѣже,—именно тамъ, гдѣ коренные устои натуральнаго хозяйства стали уже сильно колебаться,—деньгами. Несвободный, холопскій трудъ примѣнялся весьма мало. И въ самомъ дѣлѣ: для чего было заставлять крестьянъ работать на барщинѣ и употреблять для земледѣльческаго труда холоповъ, когда барская запашка была ненужна, потому что рынка для плохого новгородскаго хлѣба не было, а собственныя потребности владѣльцевъ легко удовлетворялись насчетъ оброка?

Наконецъ, перевѣсъ сельскаго хозяйства и въ частности земледѣлія въ предѣлахъ нынѣшней центральной Россіи также оказалъ сильное вліяніе на землевладѣльческія отношенія. Земледѣліе требуетъ уже нѣкоторой, довольно значительной сравнительно съ добывающей промышленностью, затраты капитала: первобытный звѣроловъ, рыболовъ или пчеловодъ почти совершенно не нуждаются въ капиталѣ для своихъ производительныхъ цѣлей: не трудно и ничего не стоитъ устроить тенета для звѣря, обзавестись рогатиной, сплести сѣти для рыбы; чтобы собрать воску и меду, стóитъ только найти въ лѣсу дуплистое дерево и сдѣлать въ немъ нехитрыя приспособленія для пчелъ или даже просто отыскать дерево, гдѣ пчелы уже живутъ. Не то въ земледѣліи: при занятіи имъ въ лѣсной странѣ необходимо выжечь лѣсъ, выкорчевать пни, распахать новь, засѣять ее, переборонить поле, сжать и вымолотить хлѣбъ, смолоть зерно. Всѣ эти операціи требуютъ значительной затраты времени, слѣдовательно предполагаютъ у земледѣльца наличность извѣстнаго потребительнаго запаса, извѣстныхъ средствъ для пропитанія; кромѣ того, операціи эти настолько сложны, что вызываютъ употребленіе земледѣльческихъ орудій—плуга, сохи, бороны, косы или серпа и т. д.; если къ этому прибавить необходимость сѣмянъ для посѣва, рабочаго скота и хозяйственныхъ построекъ, то станетъ понятна настоятельная нужда земледѣльца въ капиталѣ. Между тѣмъ, въ центральной Руси въ удѣльное время капиталъ былъ несравненно менѣе распространенъ въ массѣ населенія, чѣмъ это было даже въ области Новгорода и Пскова. Отдѣльная крестьянская семья сплошь и рядомъ не обладала, поэтому, достаточными для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства средствами, а это заставляло ее нерѣдко отказываться отъ земли за ссуду инвентаремъ, получаемую отъ лицъ болѣе состоятельныхъ, или садиться на землю, принадлежащую этимъ состоятельнымъ лицамъ. Экономически сильными, капиталистами, по крайней мѣрѣ, болѣе, чѣмъ крестьяне, обезпеченными матеріально были въ то время, прежде всего князья, великіе и удѣльные, затѣмъ архіерейскія каѳедры, по преимуществу митрополичья, монастыри и, наконецъ, бояре. Въ ихъ рукахъ и сосредоточилась постепенно вся масса земельнаго богатства области между Окой и Волгой, произошло такъ называемое «окняженіе» и «обояреніе» земли,

Digitized by Google

такъ что даже черная или тяглая земля т.-е. собственно крестьянская, стала считаться княжеской. Это была очень важная перемѣна въ землевладѣльческомъ правѣ: сущность ея сводится къ тому, что не только боярскія, княжескія-дворцовыя, монастырскія и архіерейскія, но и черныя земли не могли быть отчуждаемы крестьянами, что крестьяне потеряли право свободнаго распоряженія землей, ея продажи, залога, даренія и завѣщанія,—то право, которое составляло такой отличительный признакъ сѣвернаго складническаго землевладѣнія.

Но перемѣны въ землевладѣльческомъ правѣ центральной области не ограничились обезземеленіемъ крестьянъ и образованіемъ крупнаго землевладѣнія князей, церковныхъ учрежденій и бояръ. Дѣло въ томъ, что сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ былъ чрезвычайно слабо развитъ, находился въ зачаточномъ состояніи; натуральное хозяйство оставалось еще непоколебленнымъ. Вотъ почему, несмотря на господство крупнаго *землевладѣнія*, нельзя было вести крупное земледѣльческое *хозяйство*, такъ какъ для такого хозяйства необходимъ обширный и свободный рынокъ, а такого рынка нѣтъ и быть не можетъ при системѣ натуральнаго хозяйства. При томъ вотчины были слишкомъ обширны, чтобы можно было за всѣмъ услѣдить самому хозяину. Отсюда возникаетъ потребность въ раздачѣ крупныхъ имѣній по частямъ посредникамъ, третьимъ лицомъ, которыя занимали бы промежуточное положеніе между крестьянами, съ одной стороны, и крупными землевладѣльцами, съ другой. И вотъ, прежде всего, *князь* удѣльнаго періода начинаетъ раздавать свои земли *во временное и условное владѣніе* сначала своимъ несвободнымъ слугамъ, необходимымъ ему въ его хозяйствѣ въ качествѣ приказчиковъ или «тіуновъ», какъ тогда выражались. Это удобно и для этихъ слугъ, создавая имъ въ извѣстной степени обезпеченное существованіе, и для князя, такъ какъ даетъ ему возможность вознаграждать своихъ слугъ землей, не теряя послѣдней, потому что ее всегда можно взять обратно, и не затрачивая дорогого въ то время денежнаго капитала. Такъ въ сферѣ княжескаго дворцоваго землевладѣнія и хозяйства зародилась и воплотилась въ дѣйствительность идея *помѣстья*, т.-е. временнаго владѣнія землей подъ условіемъ службы и съ правомъ того, кто пожаловалъ землю, отобрать ее у временнаго владѣльца или помѣщика. Слѣды помѣстья на княжеской землѣ наблюдаются впервые, по нашимъ источникамъ, въ завѣщаніи великаго князя Ивана Калиты, составленномъ въ 1328 году. Но помѣстная система настолько органически связана съ системой натуральнаго хозяйства, что стала естественно и неудержимо расти и распространяться не на однихъ несвободныхъ хозяйственныхъ слугъ князя, но также и на его свободныхъ военныхъ слугъ, т.-е. бояръ и дворянъ. Мало того: и архіереи, и монастыри, и даже отдѣльныя лица служилаго класса, обладавшія обширными

Digitized by Google

землями, стали раздавать значительную часть своихъ владѣній въ помѣстное владѣніе. Это можно наблюдать въ XIV, XV и XVI вѣкахъ на земляхъ митрополита московскаго, у архіереевъ, вродѣ архіепископовъ новгородскаго и рязанскаго, во владѣніяхъ монастырей, наконецъ, у бояръ и другихъ служилыхъ людей—по уцѣлѣвшей писцовой книгѣ Тверского уѣзда за первую половину XVI вѣка. На ряду съ помѣстьемъ господство земледѣлія при сохраненіи натуральнаго хозяйства повело къ распространенію еще одного типическаго для этого историческаго періода вида земельнаго владѣнія,—монастырской вотчины. Мы уже видѣли, что одной изъ главныхъ причинъ роста монастырскихъ земель было то обстоятельство, что монастыри принадлежали къ числу крупныхъ капиталистовъ. Другая причина также была отмѣчена выше, при изученіи землевладѣнія въ новгородскомъ краѣ: она заключалась въ томъ, что при натуральномъ хозяйствѣ земля была почти единственной значительной цѣнностью, почему ею по преимуществу и можно было дѣлать вклады въ монастыри. Постепенно такимъ образомъ бо́льшая часть территоріи центральной области перешла въ помѣстное и монастырское владѣніе. Въ XVI вѣкѣ даже во всей Россіи было не мало уѣздовъ, въ которыхъ почти вся земля сплошь была монастырская или помѣстная, и безъ преувеличенія можно сказать, что не было ни одного уѣзда (кромѣ сѣверныхъ), въ которомъ помѣстья и монастырскія земли не занимали бы большей части территоріи. Писцовыя книги не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшихъ сомнѣній. По нимъ видно, напримѣръ, что въ новгородскихъ пятинахъ отъ 75 до 94% всей территоріи находилось въ помѣстномъ владѣніи, въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстья занимали 65% всей площади, въ Коломенскомъ 59%, въ Вяземскомъ 97, а въ Московскомъ хотя подъ помѣстьями значилось 34% всей территоріи уѣзда, но 35% приходилось на монастырскія вотчины, такъ что на долю всѣхъ другихъ видовъ земельнаго владѣнія оставалось гораздо менѣе трети всей площади.

Такимъ образомъ мы видимъ, что для сѣвера характерной земледѣльческой формой является въ удѣльный періодъ крестьянская сябринная или складническая земельная собственность, для новгородско-псковскаго края—крупная боярская, отчасти архіерейская и монастырская вотчина, для центральной области княжеская вотчина, въ меньшей степени также архіерейская и боярская, причемъ здѣсь зарождаются и затѣмъ развиваются еще помѣстье и монастырское землевладѣніе. Такъ какъ на всей почти территоріи страны продолжало въ то же время господствовать натуральное хозяйство, то формой эксплуатаціи чужого труда со стороны капиталистовъ-землевладѣльцевъ оставался по преимуществу натуральный оброкъ, чаще всего долей продукта; несвободный трудъ не игралъ сколько-нибудь видной хозяйственной роли.

Digitized by Google

Взаимное отношеніе разныхъ отраслей производства, а также формы землевладѣнія и хозяйства опредѣлили своимъ вліяніемъ и *систему хозяйства*, его технику. Говоря вообще, можно подмѣтить довольно яркіе слѣды прогресса въ этомъ отношеніи, смѣну первобытныхъ хозяйственныхъ системъ болѣе совершенными. Это замѣтно уже въ добывающей промышленности, напримѣръ, въ пчеловодствѣ, которое въ кіевской Руси существовало лишь въ видѣ бортничества, т.-е. разведенія пчелъ въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, безъ особаго ухода за ними; въ удѣльное время отъ бортничества, какъ видно по нѣкоторымъ актамъ, переходятъ кое-гдѣ уже къ пасѣчному пчеловодству, къ устройству ульевъ. Тотъ же прогрессъ можно прослѣдить и въ земледѣліи: вмѣсто огневой, подсѣчной, кочевой системы, когда послѣ выжиганія лѣса палъ или огнище распахивается всего годъ или два и потомъ бросается для новаго участка,—на большей части территоріи удѣльной Руси получаетъ преобладаніе переложная система земледѣлія, когда сроки распашки отдѣльнымъ участковъ удлинняются, хотя пашня составляетъ все еще незначительную часть пахотной земли сравнительно съ залежью, такъ что залежь или перелогъ возстановляетъ свои производительныя силы попрежнему естественнымъ путемъ отдыха, безъ всякаго удобренія. Мало того: въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ, какъ показываютъ писцовыя книги, въ области Волги и Оки и въ новгородскомъ краѣ распространяется еще болѣе совершенная паровая-зерновая или трехпольная система земледѣлія, при которой подъ паромъ остается не болѣе половины, а въ болѣе развитомъ состояніи—не болѣе трети всей земли, причемъ паровое поле удобряется навозомъ, а два другихъ поля засѣваются,—одно озимымъ хлѣбомъ, по преимуществу рожью, а другое яровымъ, овсомъ, пшеницей или ячменемъ. Эти наблюденія надъ прогрессивнымъ развитіемъ системы земледѣлія служатъ нагляднымъ выраженіемъ того постепенно увеличивавшагося преобладанія земледѣлія въ народномъ хозяйствѣ удѣльнаго періода, о которомъ у насъ уже шла рѣчь раньше. Такимъ же яркимъ отраженіемъ господства внѣшней торговли въ хозяйствѣ Новгорода служатъ сохранившіяся свидѣтельства о развитіи тамъ коммерческой техники, системы торговли. И русскіе акты, и лѣтописи, и иностранные источники указываютъ на существованіе въ Новгородѣ купеческихъ компаній или товариществъ: такъ было товарищество купцовъ-прасоловъ, т.-е. гуртовыхъ торговцевъ скотомъ, вощаниковъ, т.-е. торговцевъ воскомъ, заморскихъ купцовъ или купцовъ, ѣздившихъ для торговли за море, за границу и т. д. Можно даже различить разные виды этихъ торговыхъ компаній: полныя товарищества, когда участники отвѣчаютъ за убытки и долги всѣмъ своимъ капиталомъ, и товарищества на вѣрѣ, въ которыхъ отвѣтственность простирается лишь на вложенный въ предпріятіе участникомъ капиталъ, а не на все его достояніе.

Ознакомившись съ хозяйственными условіями русской народной

Digitized by Google

жизни въ удѣльный періодъ, мы тѣмъ самымъ становимся на твердую почву при рѣшеніи вопроса объ относительномъ значеніи города и деревни въ то время. Изъ всего сказаннаго нетрудно сдѣлать выводъ, что въ области Новгорода и Пскова первенствовало городское хозяйство-торговля, а на сѣверѣ и въ нынѣшнемъ центрѣ хозяйство деревенское—сельскохозяйственная и добывающая промышленность. Уже изъ этого видно, что городъ имѣлъ опредѣляющее значеніе въ жизни новгородско-псковской области, а деревня играла такую же роль въ остальной удѣльной Руси. И достаточно бросить даже поверхностный взглядъ на соціальный и политическій строй этого періода, чтобы убѣдиться въ справедливости такого заключенія. Общество Великаго Новгорода и Пскова распадалось на три большихъ слоя, если не считать несвободныхъ и полусвободныхъ состояній: то были, во-первыхъ, бояре, во-вторыхъ, житьи люди и купцы, въ-третьихъ, черные люди. Въ основу этого дѣленія легли совершенно опредѣленныя и рѣзкія различія въ экономическомъ отношеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что новгородское боярство принимало непосредственное участіе въ торговлѣ въ первые вѣка послѣ призванія князей: недаромъ цитованная уже выше былина поетъ о добромъ молодцѣ, нанявшемся «къ купцу—купцу богатому, ко боярину»: купецъ и бояринъ здѣсь отожествляются. Вѣроятно, и позднѣе, боярскіе капиталы находили себѣ помѣщеніе въ торговыхъ купеческихъ товариществахъ, но, будучи отвлекаемы отъ торговли политическою дѣятельностью, новгородскіе бояре довольно скоро усвоили себѣ другую, совершенно необходимую при оживленномъ торговомъ оборотѣ, экономическую функцію: они сдѣлались крупными капиталистами-банкирами, у которыхъ кредитовалось купечество; эта банкирская дѣятельность новгородскихъ бояръ засвидѣтельствована однимъ лѣтописнымъ разсказомъ начала XIII вѣка, по которому народъ разграбилъ домъ посадника Дмитра и нашелъ у него множество «досокъ», на которыхъ были записаны денежныя обязательства лицъ, задолжавшихъ этому боярину; существовало также сказаніе о посадникѣ Щилѣ, дававшемъ деньги въ ростъ за проценты. Занятіе купцовъ ясно изъ самаго названія этого сословія. Въ немъ выдѣлялся высшій слой, самое богатое купечество, такъ называемые житьи люди. Наконецъ, черные люди распадались на смердовъ или крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ, скотоводствомъ и добывающей промышленностью на чужихъ, по преимуществу боярскихъ, земляхъ, и городское черное населеніе,—городчанъ, своеземцевъ и рядовичей. Своеземцы жили, впрочемъ, часто и въ деревняхъ: это были землевладѣльцы, нерѣдко обрабатывающіе землю собственнымъ трудомъ. Городчане и рядовичи занимались не столько ремеслами, сколько мелкой торговлей, и жили не только въ Новгородѣ и его многочисленныхъ пригородахъ, но и въ «рядкахъ», торгово промышленныхъ поселеніяхъ городского типа, расположенныхъ по рѣчнымъ торговымъ путямъ, каковы рѣки Мста, Шелонь, Волховъ

Digitized by Google

Свирь, Луга. Такъ какъ крестьяне жили на боярскихъ земляхъ, а купцы кредитовались у бояръ, то, господствуя надъ чернымъ сельскимъ населеніемъ посредствомъ землевладѣнія и надъ городскимъ чернымъ и надъ купечествомъ посредствомъ денежнаго капитала, служившаго для кредитныхъ операцій, новгородское боярство было и политически-правящимъ классомъ. Правда, юридически, по закону или обычаю, вѣче, т.-е. собраніе всего свободнаго населенія новгородской общины безъ различія сословій, считалось единственнымъ носителемъ верховной власти: оно законодательствовало, выбирало всѣ органы управленія— князя, владыку, посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ концовъ и улицъ города, судило по важнѣйшимъ дѣламъ, нерѣдко тотчасъ же и расправлялось съ подсудимыми, распоряжалось финансами, наконецъ, было рѣшающимъ учрежденіемъ въ дѣлахъ внѣшней политики; но всѣ эти функціи вѣча нерѣдко обращались въ юридическія фикціи, оставались лишь въ области теоріи, не воплощаясь въ дѣйствительность. На практикѣ вѣче почти всецѣло подчинялось боярскому совѣту: послѣднему принадлежало право предварительнаго разсмотрѣнія законодательныхъ проектовъ, вѣръ административныхъ и актовъ по внѣшней политикѣ, а это давало ему важныя преимущества: совѣтъ состоялъ исключительно изъ бояръ, т.-е. лицъ опытныхъ въ дѣлѣ администраціи, связанныхъ къ тому же общими сословными и хозяйственными интересами, согласныхъ поэтому между собой; умѣлость и единство взглядовъ давали совѣту возможность подсказывать вѣчу его рѣшенія. Какъ мало значило рѣшеніе вѣча послѣ совѣтскаго постановленія, видно изъ того, что совѣтъ, повидимому, иногда рѣшалъ дѣло, не доводя его до вѣча: въ началѣ XV-го вѣка, напр., купцы жалуются, что совѣтъ не все доводитъ до свѣдѣнія народа, а Иванъ III заставилъ совѣтъ безъ согласія вѣча утвердить запись или грамоту, по которой Новгородъ долженъ былъ присягнуть ему на полное подданство. Давая общее направленіе политикѣ Новгорода черезъ посредство правительственнаго совѣта, боярство держало въ своихъ рукахъ и всю текущую администрацію, такъ какъ право быть выбираемыми въ посадники, тысяцкіе, сотскіе, кончанскіе и уличанскіе старосты принадлежало исключительно боярамъ. Изъ другихъ сословій только купцы пользовались нѣкоторыми преимуществами, несравненно, впрочемъ, меньшими, чѣмъ бояре: въ рукахъ выборныхъ отъ купечества старостъ былъ судъ по торговымъ дѣламъ и участіе въ разборѣ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ между новгородцами и пріѣзжими нѣмцами. Если къ этому прибавить, что власть князя въ эпоху расцвѣта новгородской самостоятельности свелась почти къ нулю—за нимъ осталось почти только одно военное предводительство, да и то съ участіемъ посадника, и что въ вѣчѣ на дѣлѣ принимали участіе главнымъ образомъ городскіе черные люди, то будетъ вполнѣ ясно, что городъ, которому принадлежало господство въ экономической жизни Великаго Новгорода, направлялъ и всю соціальную и политическую жизнь этой вольной общины.

Digitized by Google

Развитіе деревенской промышленности — сельскаго хозяйства — въ области Волги и Оки имѣло важное вліяніе, прежде всего, на соотношеніе соціальныхъ силъ. Земледѣльческое населеніе, крестьянство, сохранившее еще за собой нѣкоторую долю земель, хотя и подчиненныхъ князю какъ высшему собственнику, не утратило здѣсь своего значенія въ такой степени, какъ въ аристократическомъ Новгородѣ: оно только сильнѣе примкнуло къ князю, естественному своему защитнику, и тѣмъ усилило его вотчинную власть. При полномъ почти отсутствіи торговли и городской промышленности, населеніе городовъ по существу не отличалось отъ сельскаго, занималось въ главной своей массѣ также земледѣліемъ, и было вообще малочисленно. Земли бояръ—аристократическаго элемента въ обществѣ—далеко уступали по своимъ размѣрамъ владѣніямъ князя; при томъ же экономическое благосостояніе боярства сильно зависѣло отъ воли князя, которому оно служило. Все это дѣлало самымъ сильнымъ рычагомъ въ общественной и политической машинѣ княжескую власть. Понятно поэтому, что князьямъ удѣльнаго времени удалось выработать прочную связь со своими княжествами и установить порядокъ передачи княжескаго стола по нисходящей линіи,—отъ отца къ сыну. Естественно, что и политическое положеніе боярскаго класса не было обезпеченнымъ, не опиралось на такія опредѣленныя юридическія гарантіи, какія выработаны были исторіей новгородской вольной общины: князь удѣльнаго періода совѣтовался съ боярами, но не въ силу политическихъ обязательствъ, а подъ давленіемъ простой практической необходимости. Вотъ почему удѣльная боярская дума не имѣла еще характера настоящаго учрежденія съ постояннымъ составомъ и опредѣленнымъ вѣдомствомъ или кругомъ дѣлъ, подлежащихъ его рѣшенію. Усиленіе князя, ослабленіе аристократіи и крайне ничтожное значеніе городскихъ промысловъ и торговли, выразившееся въ томъ, что города въ области Волги и Оки были не торговыми и промышленными центрами, а временными убѣжищами на случай военныхъ нападеній, оказало роковое вліяніе на судьбу вѣча: лишенные хозяйственнаго значенія, горожане не были въ силахъ оградить свою политическую самостоятельность отъ притязаній князей и утратили довольно рано вѣчевое устройство, которое не было поддержано и крестьянствомъ, практически не заинтересованнымъ въ его сохраненіи, потому что деревенскому жителю трудно его посѣщать, и экономически подчинявшимся князю. Мы знаемъ, что пригороды въ отношеніи къ вѣчу старшаго города занимали такое же подчиненное положеніе, какъ и села съ деревнями: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ»—таковъ былъ древній обычай. Понятно, что эта зависимость не могла нравиться пригородамъ, въ которыхъ къ тому же были слабы и вѣчевыя привычки. И потому сѣверо-восточные князья-«самовластцы», начиная съ Андрея Боголюбскаго, бросаютъ старые вѣчевые города, Ростовъ и Суздаль, и переселяются въ пригородъ, Владиміръ на-Клязмѣ.

Digitized by Google

Послѣдній часъ вѣчевого строя въ области Волги и Оки пробилъ тогда, когда братья Андрея Боголюбскаго, Михаилъ и Всеволодъ Большое Гнѣздо, опираясь на тѣхъ же владимірцевъ, одержали верхъ надъ своими племянниками, которыхъ поддерживали суздальцы и ростовцы. Такъ преобладаніе деревенскаго склада жизни въ центральной Руси сказалось и въ сферѣ экономической, и въ соціально-политическихъ отношеніяхъ.

Сравнивая заключенія, получившіяся при опредѣленіи исторической роли города и деревни въ первые два періода русской исторіи, мы можемъ констатировать важныя измѣненія въ удѣльный періодъ сравнительно съ кіевскимъ. Тогда какъ въ кіевской Руси преобладали деревня, и городъ являлся лишь постороннимъ придаткомъ къ сельскому быту, новообразованіемъ, лишь слегка связаннымъ съ основами народной жизни,—въ удѣльный періодъ каждая форма поселеній—городъ и деревня—завоевываетъ себѣ особую область, гдѣ и господствуетъ: городъ является опредѣляющимъ моментомъ въ жизни Новгорода и Пскова, а деревня играетъ такую же роль въ жизни центральной области и сѣвера Россіи. Достойно при этомъ вниманія, что деревенская экономическая жизнь приблизилась въ удѣльное время къ *земледѣльческому* типу, имѣвшему такое важное значеніе въ послѣдующихъ историческихъ судьбахъ русскаго народа, а хозяйство городское сохраняло прежній, торговый характеръ, обрабатывающая же промышленность оставалась попрежнему въ зачаточномъ состояніи. Такимъ образомъ, въ удѣльное время не только обозначилось новое соотношеніе двухъ изучаемыхъ формъ поселеній, но опредѣлился надолго и экономическій типъ этихъ поселеній.

IV.

Городъ и деревня въ Московской Руси (во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ).

Одной изъ основныхъ причинъ успѣшнаго собиранія Руси московскими великими князьями служило, несомнѣнно, экономическое единство той территоріи, которая вошла въ составъ объединеннаго Московскаго государства. Великій Новгородъ, эта богатая, вольная, торговая республика удѣльнаго періода, служитъ блестящимъ тому доказательствомъ: онъ былъ связанъ тѣснѣйшими, неразрывными хозяйственными узами съ сѣверо-восточной Русью; новгородское купечество, какъ мы видѣли, вело транспортную, передаточную торговлю, сбывало за границу продукты не своей области, а центра нынѣшней Россіи, и въ свою очередь продавало здѣсь не предметы, производимые въ новгородскихъ пятинахъ, а иностранные товары. Мало того: Новгородъ съ его областью не могъ пропитаться своимъ хлѣбомъ и нуждался въ привозѣ его изъ сѣверо-восточной Руси, изъ великокняжескихъ владѣній. Стоило порвать

Digitized by Google

экономическую связь Новгорода съ бассейномъ Волги и Оки, и все его торговое могущество должно было бы разрушиться и исчезнуть. Вотъ почему вольная новгородская община, подобно другимъ удѣльнымъ княжествамъ, должна была рано или поздно подчиниться власти московскаго государя, что и случилось при Иванѣ III. Это экономическое единство территоріи Московскаго государства, не только продолжало сохраняться во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ, но и постепенно усиливалось и развивалось. Но, само собою разумѣется, этимъ не исключаются особенности въ хозяйственномъ строѣ отдѣльныхъ областей; даже напротивъ: этими областными особенностями именно и обусловливалось экономическое единство страны, такъ какъ съ усиленіемъ раздѣленія труда отдѣльныя хозяйственныя единицы стали острѣе ощущать необходимость въ обмѣнѣ между собою, т. е. начали болѣе нуждаться другъ въ другѣ, потеряли прежнюю изолированность. Вся территорія Московской Руси XVI и XVII вѣковъ можетъ быть раздѣлена на шесть естественныхъ областей: 1) центръ, включавшій въ себя нынѣшнія губерніи Московскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Владимірскую и Нижегородскую; 2) новгородско-псковской край—губерніи Новгородскую, Псковскую и Петербургскую; 3) сѣверъ, состоявшій изъ нынѣшнихъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерній; 4) прикамскую область — губерніи Казанскую, Вятскую, Пермскую и Уфимскую; 5) степь—земли къ югу отъ центра и прикамскаго края, и 6) Поднѣпровье, бассейнъ Днѣпра, поскольку онъ не входилъ въ предѣлы литовско-русскаго государства, въ концѣ XVI вѣка соединившагося съ Польшей въ одинъ политическій организмъ подъ названіемъ Рѣчи Посполитой. Въ этотъ перечень не включена Сибирь, не игравшая долго значительной роли въ хозяйственной исторіи нашего отечества. Говоря вообще, надо признать, что къ половинѣ XVI вѣка на большей части очерченнаго громаднаго пространства—за исключеніемъ развѣ крайняго сѣвера и крайняго юга—земледѣліе одержало окончательную побѣду надъ другими отраслями народнаго производства. Это засвидѣтельствовано чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ, сохранившимся для насъ въ значительномъ обиліи въ писцовыхъ книгахъ, по тексту которыхъ пашенныя угодья далеко перевѣшивали собою землю, назначенную для другихъ хозяйственныхъ цѣлей; бобровые же гоны, бортные ухожаи, соляныя варницы и даже рыбныя ловли встрѣчались очень рѣдко и отступали все далѣе на сѣверъ и на югъ, такъ что о добывающей промышленности въ центральной Руси этого времени говорить уже почти не приходится. Еще менѣе значенія имѣла промышленность обрабатывающая: въ этой сферѣ сколько-нибудь замѣтную экономическую роль играло только крестьянское кустарное производство. Такъ, Владимірскій, Калужскій, Гороховецкій, Семеновскій и Корельскій уѣзды уже тогда славились деревянными издѣліями, въ Лысковѣ, Ярославлѣ, Костромѣ и Архангельскѣ су-

Digitized by Google

ществовало производство валяной обуви, шляпъ и полотенъ, въ отдѣльныхъ частяхъ новгородской области выдѣлывались металлическія издѣлія. Не надо при томъ же забывать, что большая часть этихъ кустарныхъ промысловъ развилась лишь къ концу XVII вѣка. Но хотя большая часть страны была, такимъ образомъ, несомнѣнно, земледѣльческой, однако двѣ старыхъ ея области, отличавшіяся естественными условіями, мало благопріятными для земледѣльческаго производства,—именно сѣверъ и область Новгорода и Пскова—не вполнѣ соотвѣтствовали такой характеристикѣ: и здѣсь, правда, земледѣліе выдвинулось на первый планъ уже въ XVI вѣкѣ, но оно не подавляло скотоводства и добывающей промышленности. Такъ называемыя «пожни», т.-е. сѣнные покосы, занимали громадныя пространства на сѣверѣ и особенно въ новгородскихъ пятинахъ. Сѣверъ отличался, кромѣ того, чрезвычайнымъ обиліемъ «путиковъ», «перевѣсищъ», рыбныхъ ловель, соляныхъ варницъ, что указываетъ на сильное развитіе добывающей промышленности. Въ этомъ отношеніи здѣсь сохранялись все еще старинныя преданія, съ трудомъ подававшіяся подъ напоромъ новыхъ условій. Это преобладаніе добывающей промышленности рѣзко отличало сѣверъ даже отъ новгородскаго края, не говоря уже о другихъ областяхъ страны.

Итакъ, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденій является то положеніе, что на сѣверѣ продолжала, хотя и въ нѣсколько меньшей степени, господствовать добывающая промышленность, въ области Новгорода и Пскова обѣ главныя отрасли сельскаго хозяйства—скотоводство и земледѣліе—сохраняли приблизительное равновѣсіе, причемъ сельскохозяйственная промышленность господствовала надъ другими отраслями производства, а въ центрѣ, степи, прикамскомъ краѣ и Поднѣпровьѣ, особенно въ центрѣ, преобладало въ XVI и XVII вѣкахъ земледѣліе.

Но эта характеристика относительнаго значенія отдѣльныхъ отраслей производства далеко не полна: не данъ еще отвѣтъ на одинъ вопросъ первостепенной важности,—о значеніи торговли, внѣшняго и внутренняго обмѣна. Въ этомъ отношеніи съ половины XVI вѣка наблюдаются серьезныя и въ высшей степени любопытныя перемѣны, указывающія на зачатки коренной перестройки хозяйственныхъ отношеній. Перемѣны коснулись какъ внѣшней, такъ и внутренней торговли.

Мы видѣли уже, какую исключительную роль во внѣшней торговлѣ удѣльной Руси игралъ Великій Новгородъ, какъ монополизировало эту торговлю новгородское купечество. Съ паденіемъ новгородской вольности въ концѣ XV вѣка торговое значеніе Новгорода сильно пошатнулось, хотя и далеко не исчезло. Гораздо чувствительнѣе былъ другой ударъ, нанесенный этому торговому центру нѣсколько десятилѣтій спустя, въ половинѣ XVI вѣка: въ это время на отдаленномъ бѣло-

Digitized by Google

морскомъ сѣверѣ завязались торговыя и политическія сношенія съ народомъ, экономическая мощь котораго стала развертываться, какъ разъ тогда, когда поколебалась сила Ганзейскаго союза, этого виднѣйшаго торговаго контрагента новгородцевъ: въ 1553 году, капитанъ англійскаго корабля, случайно занесеннаго бурей въ Бѣлое море, Ричардъ Ченслёръ, высадившись на русскомъ берегу, пріѣхалъ въ Москву, былъ ласково принятъ Іоанномъ Грознымъ и заключилъ торговый договоръ между Англіей и Московскимъ государствомъ. Такъ на сѣверѣ, въ Холмогорахъ, а потомъ въ Архангельскѣ и другихъ городахъ, лежавшихъ на пути къ Москвѣ, образовались новые рынки для внѣшней торговли, не уступавшіе Новгороду, скоро даже превзошедшіе его по своему значенію. Можно наблюдать довольно сильное торговое оживленіе цѣлаго ряда городовъ, лежавшихъ на дорогѣ съ сѣвера въ центръ,—особенно Вологды, Ярославля и самой столицы государства, Москвы. Англичане, посѣщавшіе Россію во второй половинѣ XVI вѣка,—Ченслёръ, Климентъ Адамсъ, Дженкинсонъ, Флетчеръ,—всѣ оставили описанія своихъ путешествій, указывающія на ростъ русскаго торговаго движенія. Въ томъ же убѣждаютъ и туземные источники: Котошихинъ, составившій любопытное описаніе Московскаго государства второй половины XVII вѣка, много говоритъ о русскихъ купцахъ, занимавшихся заграничной торговлей,—такъ называемыхъ гостяхъ и людяхъ гостиной и суконной сотенъ; въ 1667 году изданъ былъ новоторговый уставъ, придавшій этимъ заграничнымъ русскимъ торговцамъ корпоративную организацію для торговаго суда и сбора пошлинъ съ заграничныхъ и вывозимыхъ за границу товаровъ; съ конца XVI вѣка составляются такъ называемыя торговыя книги, служившія руководствами для правильнаго веденія торговли съ англичанами и замѣнявшія до извѣстной степени современные биржевые бюллетени о цѣнахъ на разные товары, обращающіеся на международномъ рынкѣ. Торговыя книги заключали въ себѣ свѣдѣнія о цѣнахъ на предметы русскаго экспорта на московскомъ рынкѣ, о стоимости ихъ провоза до Архангельска и о продажной цѣнѣ на тѣ же продукты въ Нидерландахъ, Англіи и даже Испаніи: всѣ эти данныя были совершенно необходимы для богатыхъ русскихъ капиталистовъ-скупщиковъ, закупавшихъ товары въ Москвѣ въ очень значительномъ количествѣ и доставлявшихъ ихъ къ Бѣлому морю для сбыта за границу.

Такое широкое развитіе внѣшнихъ мѣновыхъ сношеній должно было сильно поколебать почти безраздѣльно господствовавшее ранѣе натуральное хозяйство. Но еще бо́льшее значеніе принадлежало въ этомъ отношеніи торговлѣ внутренней, на развитіе которой съ половины XVI вѣка мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній въ нашихъ источникахъ. Въ писцовыхъ книгахъ и актахъ съ этого времени постоянно мелькаютъ описанія отдѣльныхъ торжковъ, мѣстныхъ рынковъ и ярмарокъ, иногда охватывающихъ своими торговыми оборотами значи-

Digitized by Google

тельную территорію. Цѣлая сѣть торговыхъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ пересѣкали страну: особенно часта была эта сѣть въ центрѣ: достаточно сказать, что такихъ большихъ дорогъ, проложенныхъ къ столицѣ государства, было не менѣе семи, такъ что Москва представляла собою въ то отдаленное время такой же туго завязанный узелъ торговыхъ гужевыхъ путей сообщенія, какимъ она является въ наше время въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ. По словамъ англичанъ, изъ одного ярославскаго края ежедневно по дорогѣ въ Москву проѣзжало по 700—800 возовъ съ зерномъ, предназначеннымъ на продажу. Но мы имѣемъ не одни прямыя указанія на ростъ внѣшней и внутренней торговли: мы обладаемъ фактами, ясно показывающими, что товарное обращеніе успѣло уже проникнуть въ народныя массы, захватить болѣе или менѣе значительную ихъ часть: съ половины XVI вѣка натуральные владѣльческіе оброки съ крестьянъ и натуральныя государственныя повинности переводятся на деньги, что было бы немыслимо, если бы деньги не проникли въ народныя массы; наконецъ, цѣнность денегъ въ теченіе XVI вѣка понизилась въ $3^1/_2$ раза, а это показываетъ, что въ странѣ увеличилось количество денегъ,—естественный результатъ оживленнаго торговаго оборота. Такимъ образомъ въ хозяйственной жизни Московской Руси второй половины XVI и XVII столѣтій совершилась чрезвычайноважная перемѣна: система натуральнаго хозяйства, столь характерная для первыхъ двухъ періодовъ русской исторіи, стала подтачиваться и разрушаться: на смѣну ей зарождалось и все болѣе выдвигалось впередъ денежное хозяйство, когда значительная часть населенія работаетъ уже не для собственнаго потребленія, а для продажи. Это обстоятельство на ряду съ указаннымъ выше значеніемъ земледѣлія или—въ видѣ лишь мѣстнаго исключенія—добывающей промышленности, имѣло послѣдствія первостепенной важности, выразившіяся, прежде всего, въ области формъ земледѣлія и способовъ хозяйства.

Всего слабѣе обнаружились эти послѣдствія на сѣверѣ,—разумѣется, по той причинѣ, что здѣсь господствовала попрежнему первобытная добывающая промышленность, и наименѣе затронутъ былъ старый натурально-хозяйственный строй. Но и сѣверъ не остался все-таки внѣ вліянія измѣнившихся мѣновыхъ условій. Здѣсь все больше и больше значенія стало пріобрѣтать въ XVI и XVII вѣкахъ церковное замлевладѣніе,—монастырское и архіерейское, а въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ развилась промышленная (солеваренная) вотчина Строгановыхъ. Наконецъ, въ сѣверныхъ уѣздахъ, болѣе близкихъ къ центру, распространялось также до нѣкоторой степени служилое дворянское землевладѣніе—вотчинное и помѣстное. Несмотря однако на все это, крестьянская поземельная собственность, подъ покровомъ высшей собственности царя на черную землю, продолжала господствовать на сѣверѣ и въ XVI и XVII столѣтіяхъ; только въ ея формахъ совершились пере-

Digitized by Google

мѣны, являвшіяся естественнымъ продолженіемъ измѣненій, подмѣченныхъ нами въ удѣльный періодъ: многочисленные сѣверные акты о крестьянскомъ землевладѣніи даютъ полную возможность наблюдать, какъ складническіе союзы, прежде ведшіе хозяйство нераздѣльно или прибѣгавшіе лишь къ временнымъ передѣламъ, окончательно разлагаются на подворные участки съ обязательствомъ бывшихъ совладѣльцевъ «новаго раздѣла не замышлять». Ясно такимъ образомъ, что экономическія условія сѣвера создали изъ него типическую крестьянскую область, гдѣ деревня царила почти исключительно, и хотя и были городскіе центры, въ родѣ Холмогоръ, Архангельска или Вологды, но они являлись въ сущности посторонними придатками, почерпали свою торговую мощь не столько въ мѣстномъ населеніи, сколько отъ пріѣзжавшихъ изъ-за моря иностранныхъ купцовъ и отъ московскихъ скупщиковъ-гостей.

Тотъ процессъ зарожденія денежнаго хозяйства, который наблюдался нами во второй половинѣ XVI вѣка и продолжался въ бо́льшей степени въ XVII столѣтіи, сильно повліялъ на исторію землевладѣльческихъ формъ въ остальныхъ областяхъ страны, кромѣ сѣвера. Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному сопровождается всегда сильнымъ потрясеніемъ общественнаго организма, отличается крайней болѣзненностью. Въ это время экономически слабыя хозяйства погибаютъ, и особенно обостряется потребность въ денежномъ капиталѣ, чѣмъ вызывается усиленное рыночное предложеніе недвижимой собственности, предложеніе, очень скоро насыщающее спросъ, сильно превосходящее его затѣмъ и потому содѣйствующее тому, что масса земель скопляется путемъ покупки и пріема въ залогъ въ рукахъ тѣхъ, кто обладаетъ денежнымъ капиталомъ и можетъ пустить его въ оборотъ. Такими капиталистами въ древней Руси были въ особенности монастыри; вотъ почему ихъ земельныя богатства продолжали увеличиваться и во второй половинѣ XVI вѣка. Такъ, богатѣйшій изъ монастырей центральной Россіи—Троицкій-Сергіевъ—пріобрѣлъ именно въ это время, по крайней мѣрѣ, половину своихъ владѣній, если не болѣе. То же приходится сказать о рядѣ другихъ монастырей—Чудовѣ, Іосифовѣ-Волоколамскомъ, Саввинѣ-Сторожевскомъ и др. Но со второй половины XVI вѣка правительство рядомъ указовъ старается прекратить дальнѣйшій ростъ монастырскаго землевладѣнія, запрещаетъ земельные вклады, продажу и залогъ вотчинъ въ монастыри. Подъ вліяніемъ этихъ мѣръ развитіе монастырскихъ владѣній въ XVII вѣкѣ, дѣйствительно, почти совершенно прекратилось, что̀ очень любопытно и характерно для развитія денежнаго хозяйства. Денежное хозяйство требуетъ свободнаго оборота цѣнностей, неограниченнаго права отчуждать недвижимость, какъ и движимость, постороннимъ лицамъ, постоянной возможности превратить землю въ денежный капиталъ и наоборотъ. Между тѣмъ, по церковному праву имущество церкви при-

Digitized by Google

знается неотчуждаемымъ, и получается, такимъ образомъ, изъятіе изъ системы свободнаго оборота. Противорѣчіе между правами церкви и новыми экономическими условіями разрѣшается на первыхъ порахъ, пока денежное хозяйство находится еще въ стадіи зарожденія,—лишь прекращеніемъ роста монастырскихъ владѣній, а не совершеннымъ ихъ уничтоженіемъ. Параллельныя явленія можно наблюдать и въ исторіи служилаго помѣстья: оно такъ же несовмѣстимо съ денежнымъ хозяйствомъ, какъ и монастырская вотчина, потому что помѣщикъ лишенъ права продавать, дарить, завѣщать и закладывать свое помѣстье, т.-е. свободнаго оборота съ помѣстной землей не существуетъ. Вотъ почему въ XVII вѣкѣ помѣстье приближается постепенно къ обязанной службою вотчинѣ, усваиваетъ нѣкоторыя особенности послѣдней, дѣлающія его прочнымъ и подлежащимъ отчужденію владѣніемъ. Прежде всего правительство XVII вѣка внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы помѣстья переходили къ законнымъ наслѣдникамъ помѣщиковъ, а не къ постороннимъ, старается упрочить помѣстье въ опредѣленной семьѣ. Затѣмъ разрѣшается свободно мѣнять помѣстья не только на помѣстья же, но и на вотчины, и сдавать ихъ постороннимъ иногда даже за деньги: это было уже въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ замаскированной продажей, и открывало возможность свободнаго въ извѣстной мѣрѣ оборота помѣстной земли. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ и количество помѣстныхъ земель уменьшается, такъ какъ значительная часть ихъ жалуется государемъ въ вотчину, совершенно совмѣстную съ системой денежнаго хозяйства, потому что ее можно продавать, закладывать, дарить и завѣщать. Въ документахъ того времени сплошь и рядомъ мелькаютъ передъ глазами читателя многочисленныя указанія на то, что царь за службу, плѣнъ или «осадное сидѣнье» пожаловалъ бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ обращеніемъ части ихъ помѣстій въ вотчину. Были даже установлены законодательнымъ путемъ нормы такого пожалованія.

Описанная эволюціи общихъ экономическихъ условій и формъ землевладѣнія оказала—далѣе—могущественное вліяніе на *формы* самого *хозяйства*. Отношенія крестьянина-арендатора къ лицу, на землѣ котораго онъ сидитъ, отливаются, какъ извѣстно, въ двѣ основныхъ формы,—оброкъ и барщину: за пользованіе землей можно платить деньгами или продуктомъ,—это будетъ оброкъ; но можно также работать на землевладѣльца вмѣсто арендной платы, т.-е. нести барщину. Мы видѣли, что въ удѣльное время крестьяне почти всегда сидѣли на оброкѣ, мало работая на барщинѣ. Это и понятно при господствѣ натуральнаго хозяйства: землевладѣльцу не для чего заводить сколько-нибудь значительную свою пашню, чаще всего онъ ее и почти совсѣмъ не заводитъ, потому что нѣкуда сбывать продукты за отсутствіемъ спроса на нихъ, за невозможностью ихъ продать, за отсутствіемъ рынка; все-же необходимое для собственнаго потребленія землевладѣ-

Digitized by Google

лецъ получаетъ отъ крестьянъ въ видѣ натуральныхъ сборовъ. Но какъ только безобмѣнное, натуральное хозяйство начинаетъ подаваться и замѣняется постепенно растущимъ мѣновымъ или денежнымъ хозяйствомъ,—землевладѣлецъ живо чувствуетъ потребность въ обзаведеніи собственной запашкой, «боярской пашней», какъ тогда говорили, и мало-по-малу переводитъ значительную часть своихъ крестьянъ съ оброка на барщину. Это замѣчается и въ служилыхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, и въ монастырскихъ имѣніяхъ, и въ земляхъ, принадлежавшихъ архіерейскимъ каѳедрамъ, и, наконецъ, въ государевыхъ дворцовыхъ земляхъ. Уже въ XVI вѣкѣ попадаются иногда дворянскія имѣнія, въ которыхъ барская запашка занимаетъ 16, 35, 38 и даже 56% всей распахиваемой площади. Въ концѣ того же столѣтія во владѣніяхъ Троицкаго-Сергіева монастыря нерѣдко треть, четверть, даже половина крестьянъ сидѣла на барщинѣ. Но помимо этого распространенія барщинной повинности существенно измѣнился и характеръ самаго оброка: изъ натуральнаго онъ все болѣе и болѣе превращается въ денежный. Въ одной изъ новгородскихъ пятинъ уже въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка болѣе 75% всѣхъ крестьянъ платили оброкъ деньгами; тотъ же денежный оброкъ безъ всякихъ уже признаковъ натуральнаго наблюдается и въ вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря въ 1590-хъ годахъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: съ зарожденіемъ денежнаго хозяйства потребность въ денежныхъ капиталахъ неудержимо растетъ и заставляетъ землевладѣльцевъ вносить существенныя измѣненія въ характеръ оброка; въ то же время и крестьяне, будучи въ значительной мѣрѣ втянуты въ торговый оборотъ, менѣе, чѣмъ прежде, затрудняются денежными платежами.

Но землевладѣльцы не ограничивались тѣмъ, что переводили крестьянъ на барщину съ цѣлью достигнуть обработки крестьянскимъ трудомъ своей, боярской пашни. Они прибѣгли еще къ другимъ средствамъ, также чрезвычайно характернымъ для зарождающагося денежнаго хозяйства. Прежде всего увеличилось сравнительно съ удѣльнымъ періодомъ приложеніе несвободнаго, холопскаго труда къ земледѣлію. Это замѣтно уже въ дворянскомъ хозяйствѣ, гдѣ нерѣдко очень значительная часть пашни обрабатывалась холопами: такъ въ Тверскомъ уѣздѣ, по писцовой книгѣ 1540 года, до 15% всей распахиваемой площади приходилось на долю несвободнаго труда. Но соотвѣтствующія явленія замѣчаются и въ монастырскихъ вотчинахъ. Церковное право запрещаетъ церкви рабовладѣніе; поэтому, монастырскій холопъ былъ юридической невозможностью; но сила экономическихъ обстоятельствъ была настолько велика, что фактически на монастырскихъ земляхъ конца XVI и XVII вѣка появился многочисленный контингентъ несвободныхъ лицъ, прилагавшихъ свои руки къ земледѣлію и только называвшихся не холопами, а слугами, служками и дѣтенышами. Эти дѣтеныши, точное подобіе холоповъ, принадлежавшихъ свѣтскимъ лицамъ,

Digitized by Google

всегда работали на монастырской пашнѣ, не имѣя своей запашки и получая отъ монастырей содержаніе въ большинствѣ случаевъ натурой съ незначительной денежной доплатой. Въ XVII вѣкѣ, въ средѣ дѣтенышей становится замѣтнымъ другой важный элементъ, не имѣющій уже несвободнаго характера: появляются дѣтеныши-наемные люди, получающіе отъ монастырей настоящую заработную плату. Это вполнѣ понятно: зарождающееся денежное хозяйство естественно ведетъ къ появленію наемнаго труда, продающагося на рынкѣ, какъ всякій другой товаръ, и по мѣрѣ развитія торговаго оборота въ странѣ долженъ былъ расти и контингентъ наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Параллельное наемнымъ дѣтенышамъ явленіе наблюдается въ XVII вѣкѣ и въ земляхъ свѣтскихъ лицъ: и сюда проникаетъ наемный элементъ въ видѣ такъ называемыхъ бобылей. Бобылями назывались въ древней Руси не сироты или одинокіе люди, какъ теперь; подъ этимъ названіемъ въ XVI и XVII вѣкахъ извѣстны были сельскіе жители, занимавшіеся не земледѣліемъ, а разнаго рода промыслами, торговлей или, наконецъ, работой по найму. Въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ, число такихъ наемныхъ бобылей, обрабатывавшихъ пашню на землевладѣльца, сильно растетъ, иногда мало чѣмъ уступаетъ числу крестьянъ.

Наконецъ, первая стадія въ развитіи мѣнового сельскаго хозяйства сопровождается распространеніемъ начала зависимости и на свободное прежде крестьянство. Въ переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и слѣдуетъ видѣть главную причину происхожденія крѣпостного права на крестьянъ. Намъ уже извѣстно, что крестьянство къ половинѣ XVI вѣка было почти совершенно обезземелено, и что русскіе крестьяне того времени садились на чужія земли, — государевы, боярскія, архіерейскія, монастырскія. Садясь на чужую землю, крестьянинъ заключалъ съ землевладѣльцемъ особый договоръ, такъ называемую «порядную грамоту». Стоитъ раскрыть любую изъ этихъ порядныхъ, чтобы убѣдиться; что крестьяне почти всегда получали отъ владѣльца имѣнія ссуду или подмогу для хозяйственнаго обзаведенія на новомъ мѣстѣ. Напримѣръ, вотъ что читаемъ въ одной порядной конца XVI вѣка: «я, Ѳедоръ Игнатьевъ сынъ, порядился въ вотчину Николаевскаго Вяжицкаго монастыря и взялъ у игумена съ братіею на подмогу денегъ 5 рублей» (125 руб. на наши деньги). По нѣкоторымъ признакамъ можно заключить, что $^3/_4$, мѣстами даже $^9/_{10}$ всѣхъ крестьянъ были обременены такими займами. Уходя отъ одного землевладѣльца къ другому, свободный крестьянинъ-арендаторъ чужой земли былъ обязанъ расплатиться, возвратить ссуду и, сверхъ того, заплатить еще «пожилое» — опредѣленную въ законѣ сумму денегъ за пользованіе дворомъ и хозяйственными строеніями, въ немъ находящимися. Но русскій крестьянинъ второй половины XVI и XVII столѣтія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ былъ маломощнымъ,

Digitized by Google

оказывался несостоятельнымъ должникомъ. *Неоплатная задолженность крестьянъ и была первымъ элементомъ крѣпостного права.* Дѣло въ томъ, что крестьянскій выходъ вслѣдствіе неоплатной задолженности крестьянскаго населенія дѣлался невозможнымъ и вырождался въ вывозъ крестьянъ одними землевладѣльцами отъ другихъ. Въ то время многіе землевладѣльцы чувствовали потребность въ рабочихъ рукахъ для воздѣлыванія своихъ полей и потому занимались подыскиваніемъ крестьянъ, готовыхъ къ нимъ перейти съ чужой земли, расплачивались съ кредиторами этихъ крестьянъ и вывозили ихъ за себя. Отъ этого, конечно, положеніе крестьянина по существу не измѣнялось: онъ мѣнялъ только одного кредитора - землевладѣльца на другого, но вовсе не дѣлался свободнѣе. *Такимъ образомъ, вторымъ элементомъ крѣпостныхъ отношеній явилась нужда землевладѣльцевъ въ рабочихъ.* Крестьяне на дѣлѣ уже лишились возможности свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Для образованія настоящаго крѣпостного права не доставало лишь одного: идеи о томъ, что невозможность уплатить долгъ дѣлаетъ человѣка крѣпостнымъ. Эта идея была дана новымъ развившимся въ XVI вѣкѣ видомъ холопства, такъ называемымъ кабальнымъ. Кабальнымъ назывался человѣкъ, занявшій у кого-либо извѣстную денежную сумму и обязавшійся служить на дворѣ кредитора и работать на него за проценты до уплаты долга. Въ концѣ XVI вѣка былъ изданъ указъ, по которому кабальные люди получали свободу по смерти господина, но зато при его жизни они потеряли право уплачивать долгъ и, слѣдовательно, не могли уже прекратить зависимость по своей волѣ. Это и дѣлало кабальныхъ людей холопами, крѣпостными людьми. Итакъ, кабальные холопы по закону не могли уплачивать долгъ, а крестьяне не могли расплатиться на дѣлѣ, вслѣдствіе несостоятельности. Сходство было слишкомъ сильно, и землевладѣльцы распространили на задолжавшихъ крестьянъ идею, что долгъ дѣлаетъ человѣка крѣпостнымъ: они стали вносить въ крестьянскія порядныя условіе, которымъ крестьянинъ обязывался не уходить отъ владѣльца: «крестьянство и впредь крестьянствомъ», «я государю своему крѣпокъ безвыходно»—вотъ часто встрѣчающіяся въ порядныхъ XVII вѣка выраженія. Такъ, крѣпостное право на крестьянъ выразилось сначала не въ законѣ, а въ частныхъ договорахъ, живѣе, чѣмъ законъ, отражающихъ экономическія потребности эпохи. *Вліяніе кабальнаго холопства и было третьимъ элементомъ крѣпостной неволи.* Мы видимъ, такимъ образомъ, что крѣпостное право образовалось подъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій: нужды крестьянъ въ ссудѣ для хозяйственнаго обзаведенія, потребности землевадѣльцевъ въ постоянномъ, осѣдломъ рабочемъ контингентѣ и воздѣйствія кабальнаго холопства, которое въ свою очередь было однимъ изъ видовъ эксплуатаціи несвободнаго труда. Нужда въ ссудѣ продиктована природой господствующей отрасли народнаго производства—земледѣлія, немыслимаго безъ нѣкотораго капитала, котораго

Digitized by Google

былъ лишенъ крестьянинъ. Потребность землевладѣльцевъ въ постоянномъ рабочемъ контингентѣ и эксплуатація несвободнаго труда кабальныхъ людей — неизбѣжныя слѣдствія нарождающагося денежнаго хозяйства, которое требуетъ развитія барской запашки и барщины, немыслимаго безъ закрѣпощенія рабочей массы.

Резюмируя сказанное о формахъ землевладѣнія и хозяйства въ Московскомъ государствѣ, можно придти къ такимъ общимъ выводамъ. Преобладанію добывающей промышленности на сѣверѣ въ XVI и XVII вѣкахъ соотвѣтствовало сохраненіе крестьянской земельной собственности, которая, вслѣдствіе роста населенія и примѣси мѣновыхъ вліяній, обратилась постепенно въ подворно-участковое наслѣдственное владѣніе безъ передѣловъ. Возникновеніе денежнаго хозяйства при господствѣ земледѣлія на остальной территоріи государства прекратило ростъ помѣстныхъ и монастырскихъ владѣній, увеличило количество служилой вотчинной земли и содѣйствовало расширенію барской запашки, росту барщины насчетъ оброка, бо̀льшему примѣненію холопскаго и наемнаго труда къ земледѣлію и возникновенію и развитію крѣпостного права на крестьянъ, получившаго окончательную законодательную санкцію въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 года, когда денежное хозяйство сдѣлало уже нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ впередъ.

Чтобы закончить изученіе *экономической* эволюціи Московскаго государства во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ, намъ остается познакомиться съ техникой или системой хозяйства въ то время. Въ этомъ отношеніи приходится наблюдать любопытныя и чрезвычайно важныя явленія. Изучая систему земледѣлія по писцовымъ книгамъ послѣдняго тридцатилѣтія XVI вѣка и сравнивая результаты этого изученія съ тѣмъ, что̀ намъ извѣстно о земледѣльческой системѣ первой половины того же столѣтія, мы неожиданно встрѣчаемся съ ярко выраженнымъ фактомъ хозяйственнаго упадка двухъ старинныхъ областей государства,—центра и области Новгорода и Пскова: тогда какъ въ первыя семьдесятъ лѣтъ на пространствѣ центральной области и новгородско-псковскаго края господствовала уже трехпольная или паровая-зерновая система полевого хозяйства, начиная съ 1570-хъ годовъ или нѣсколько раньше установившееся-было равновѣсіе между паровымъ полемъ и обрабатываемой пашней нарушается, паръ снова вырастаетъ въ залежь, среди громаднаго пространства которой, подобно оазисамъ въ пустынѣ, рѣдко попадаются обработанные клочки земли; земледѣлецъ все чаще и чаще возвращается къ кочевому хозяйству, пашетъ землю наѣздомъ, временно, хищнически, скоро истощая и потомъ забрасывая ее; однимъ словомъ, и въ центрѣ, и въ области Новгорода и Пскова совершается къ концу вѣка переходъ не къ высшей, а къ низшей системѣ земледѣлія,—именно къ переложной. Тогда какъ въ первой половинѣ XVI вѣка пашня вчетверо, впятеро, иногда даже

Digitized by Google

въ десять, двадцать разъ и болѣе превосходила своими размѣрами перелогъ, въ концѣ столѣтія наблюдается обратное явленіе: напр., въ Московскомъ уѣздѣ перелогъ занималъ впятеро бо́льшую площадь, чѣмъ пашня,—его считалось около 120 тысячъ десятинъ при 24 тысячахъ десятинъ пашни; въ одной изъ новгородскихъ пятинъ перелогу было уже въ 12 разъ больше, чѣмъ пашни. Вмѣстѣ съ тѣмъ и размѣры запашки на каждый рабочій дворъ сокращаются: вмѣсто прежнихъ 12—15 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, стали пахать только по 4, 5 или 6 десятинъ. Чрезвычайно любопытно, что всѣ эти регрессивныя явленія замѣтны только въ центрѣ и на новгородскомъ западѣ, тогда какъ въ степи, прикамскомъ краѣ и даже на суровомъ сѣверѣ наблюдается непрерывный земледѣльческій прогрессъ: переложная система въ этихъ областяхъ все болѣе и болѣе приближается къ паровой-зерновой, размѣры запашки на дворъ не уменьшаются и даже достигаютъ нерѣдко бо́льшей высоты, чѣмъ въ регрессировавшихъ въ земледѣльческомъ отношеніи уѣздахъ. Чѣмъ объяснить этотъ любопытный фактъ упадка земледѣлія въ коренныхъ, старыхъ областяхъ государства? Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что ключъ къ его объясненію можно найти, изучая хозяйственное вліяніе все еще преобладавшихъ тогда, хотя и отживавшихъ свой вѣкъ, старыхъ формъ землевладѣнія, — помѣстья и монастырской вотчины. Писцовыя книги свидѣтельствуютъ, что именно на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ переходъ къ переложной системѣ былъ особенно рѣзко выраженъ, что именно здѣсь наиболѣе сильно развилось кочевое хозяйство, и чрезвычайно измельчала крестьянская запашка. Нерѣдки прямыя и ясныя указанія на то. что помѣщики разоряли или «пустошили» свои имѣнія: сохранился длинный списокъ тверскихъ дѣтей боярскихъ, разорившихъ и забросившихъ рядъ помѣстій; не было уѣзда, гдѣ не значились бы обширныя пространства такъ называемыхъ «порозжихъ» помѣстій, т.-е. именно разоренныхъ и брошенныхъ владѣльцами; въ отдѣльныхъ актахъ нерѣдки замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «та деревня запустѣла отъ помѣщика такого-то, который пашню запереложилъ, и лѣсъ повысѣкъ, и крестьянъ поразогналъ». Относительно монастырскихъ земель мы имѣемъ оффиціальное свидѣтельство соборнаго приговора 15-го января 1581 года, въ которомъ прямо сказано, что монастырскія и архіерейскія владѣнія «въ пустошьяхъ изнуряются», «въ запустѣніе пріидоша», «прибытка отъ нихъ никоего нѣтъ». Но почему же помѣстное и монастырское землевладѣніе такъ гибельно вліяли на земледѣльческое хозяйство? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать, прежде всего, въ юридической природѣ помѣстья: мы уже знаемъ, что помѣстье было собственностью государя, что владѣлецъ не имѣлъ права распоряжаться имъ, а сохранялъ лишь право пользованія подъ условіемъ службы; правительство всегда могло взять помѣстье у владѣльца и передать другому, иными словами, если того требовали интересы государства,

Digitized by Google

могло по своему усмотрѣнію лишать помѣщика и правъ пользованія предоставленнымъ ему имѣніемъ. Въ теченіе всего XVI вѣка такая юридическая особенность помѣстья не была фикціей, ей и фактически соотвѣтствовала крайняя подвижность помѣстья, необезпеченность его за потомствомъ владѣльца. Въ большинствѣ случаевъ помѣстныя земли переходили не къ потомству владѣльцевъ и даже не къ ихъ родственникамъ, а къ постороннимъ. Московское правительство XVI вѣка, не стѣсняясь интересами помѣщиковъ, отдавало помѣстья въ монастыри, жаловало ихъ въ вотчины, передавало постороннимъ помѣщику лицамъ и т. д. Понятно, что такая необезпеченность помѣстья за владѣльцемъ и его потомствомъ пріучала помѣщика къ мысли, что плоды его хозяйственныхъ заботъ и трудовъ пожнетъ, вѣроятнѣе всего, чужой человѣкъ, не связанный съ нимъ кровными узами; а такая мысль порождала, въ свою очередь, убѣжденіе въ необходимости извлечь изъ даннаго участка помѣстной земли возможно больше пользы для себя, не заботясь о томъ, какъ это отразится на дальнѣйшей производительности почвы и на возможности продолжать ея хозяйственную эксплуатацію. Вотъ почему въ источникахъ сохранились любопытные факты, иллюстрирующіе насилія и грабежи помѣщиковъ, ихъ стремленіе къ скорой наживѣ и наносимый этимъ трудно поправимый ущербъ хозяйственной цѣнности помѣстной земли. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ самомъ концѣ XVI вѣка въ селѣ Погорѣлицахъ, Владимірскаго уѣзда, жилъ крестьянинъ Иванъ Сокуровъ. Въ 1599 г. Погорѣлицы были пожалованы въ помѣстье сыну боярскому Ѳедору Соболеву. Этотъ послѣдній, въ отсутствіе Сокурова, явился къ нему на дворъ и произвелъ тамъ полный разгромъ, забралъ себѣ троихъ холоповъ крестьянина, увелъ лошадь, корову, быка, четырехъ овецъ, взялъ у жены Сокурова деньгами 1 рубль 13 алтынъ (35 рублей на наши деньги), увезъ къ себѣ, сколько могъ, ржи, овса, ячменя и конопли. Мало того: когда Сокуровъ вернулся домой, помѣщикъ присвоилъ себѣ и его дворъ. Понятно, что послѣ всего этого потерпѣвшему, по его собственнымъ словамъ, стало «прожити немочно», тѣмъ болѣе, что добиться защиты своихъ правъ было трудно и нужно было вынести сначала утомительную и разорительную процедуру судебной волокиты. Нерѣдко помѣщикъ совсѣмъ не жилъ въ помѣстьѣ, не заботился даже о привлеченіи туда крестьянъ, а сдавалъ землю сосѣднимъ чужимъ крестьянамъ на оброкъ, что, конечно, избавляло его отъ хлопотъ, но вело къ разоренію имѣнія, такъ какъ такіе арендаторы знали о возможности случайнаго и скораго перерыва въ арендѣ по волѣ самого помѣщика или по предписанію правительства, преслѣдовавшаго подобный способъ веденія хозяйства на помѣстной землѣ, и стремились, разумѣется, только къ одному: извлечь для себя въ возможно болѣе короткое время наибольшій доходъ изъ арендованной земли. Но всего ярче вредное хозяйственное вліяніе помѣстной системы обнаруживается

Digitized by Google

на слѣдующемъ примѣрѣ: въ 1598 году сынъ боярскій Михаилъ Ѳоминъ отдалъ свое владимірское помѣстье на оброкъ нѣкоему Ѳедору Шишкину; помѣстье было сильно запущено, и арендаторъ приложилъ не мало труда, чтобы привести его въ лучшее состояніе: онъ посѣялъ яровой хлѣбъ, вспахалъ паръ подъ рожь, вырубилъ и выжегъ на многихъ десятинахъ лѣсъ, скосилъ сѣно на лугахъ. Въ разгаръ этихъ усиленныхъ работъ старый помѣщикъ Ѳоминъ вдругъ лишенъ былъ своего имѣнія, которое было отдано въ помѣстье другому лицу, Василію Соболеву. Послѣдній, вступивъ во владѣніе и не получивъ ничего отъ Шишкина, такъ какъ весь оброкъ былъ уплаченъ имъ прежнему владѣльцу, счелъ себя въ правѣ предъявить притязаніе на плоды трудовъ арендатора и осуществить это право самовольно: посѣялъ озимой хлѣбъ на пару, приготовленномъ Шишкинымъ, свезъ къ себѣ скошенное имъ сѣно, «и Ѳедоръ Шишкинъ сталъ въ великихъ убыткахъ безъ пашни и безъ сѣна на три года. А лѣсъ разсѣкая и пашню распахивая, онъ лошади и волы поморилъ». Въ результатѣ, жалоба и подлежащая власть разрѣшили дѣло такъ: арендаторъ имѣетъ право взять себѣ посѣянный имъ яровой хлѣбъ, равно какъ и скошенное имъ сѣно; новый помѣщикъ Соболевъ долженъ вознаградить его за расчистку земли изъ-подъ лѣса и за приготовленіе къ посѣву парового поля, уплативъ ему за каждую десятину по той цѣнѣ, какую обыкновенно въ этой мѣстности платили крестьяне, бравшіе земли на оброкъ. Рѣшеніе справедливое и, повидимому, уравновѣшивающее интересы обѣихъ сторонъ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно не могло вознаградить арендатора за тотъ хозяйственный ущербъ, который онъ понесъ: онъ оказался, правда, теперь съ хлѣбомъ и сѣномъ, но попрежнему безъ пашни, да сверхъ того потерялъ значительную часть своего живого сельскохозяйственнаго инвентаря,—тѣхъ лошадей и воловъ, которыхъ онъ «поморилъ», разсѣкая лѣсъ и распахивая пашню. Эти не вознаградимые убытки являются такимъ образомъ прямымъ слѣдствіемъ принципа помѣстнаго землевладѣнія, въ силу котораго земля подлежитъ отчужденію изъ рукъ прежняго владѣльца по волѣ подлежащей власти, если послѣдняя находитъ это болѣе совмѣстнымъ съ интересами службы. Такъ помѣстная система XVI вѣка по своей юридической природѣ пріучала служилыхъ людей къ кочевому, экстенсивному, хищническому хозяйству, понижала техническій уровень земледѣлія. Сознаніе такого хозяйственнаго вреда помѣстной системы и повело къ тому сближенію помѣстья съ вотчиной, которое произошло въ XVII вѣкѣ и съ которымъ мы познакомились выше. Что касается монастырскихъ вотчинъ, то главной причиной дурного веденія хозяйства была ихъ крайняя обширность и разбросанность. Достаточно сказать, что Троицкій-Сергіевъ монастырь владѣлъ землями въ тридцати трехъ уѣздахъ и въ 27-ми изъ нихъ считалось у него до 200 тысячъ десятинъ земли, а Новодѣвичій въ четырнадцати уѣздахъ обладалъ 30 тысячами десятинъ, и прибавить,

Digitized by Google

что это были далеко не единственные и не рѣдкіе примѣры крупнаго и вмѣстѣ разбросаннаго въ разныхъ мѣстахъ монастырскаго землевладѣнія. Но на ряду съ этимъ и въ связи съ этимъ дѣйствовала еще другая, не менѣе важная причина: извѣстное уже намъ сильное развитіе временнаго и условнаго владѣнія на монастырскихъ земляхъ: такъ какъ очень многіе монастыри отдавали значительную часть своихъ владѣній во временное пользованіе разныхъ лицъ за службу или за денежный вкладъ, то здѣсь возникло нѣкоторое подобіе настоящей помѣстной системы со всѣми ея неизбѣжными хозяйственными послѣдствіями, только что сейчасъ изображенными.

Мы съ намѣреніемъ такъ долго остановились на вопросѣ о хозяйственныхъ послѣдствіяхъ помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія: эти послѣдствія имѣли очень большое вліяніе на деревенскую жизнь того времени и, указывая на упадокъ хозяйства въ центрѣ и въ новгородско-псковской области, отразились вмѣстѣ съ тѣмъ въ прогрессивныхъ явленіяхъ хозяйственной жизни остальныхъ областей государства. Передъ ними совершенно блекнутъ такое, повидимому, важное явленіе, какъ смутное время, и такой разрушительный потокъ, какъ бунтъ Разина. Конечно, смута усилила разореніе ряда областей и, подобно разинскому бунту, распространила его на такія мѣста, которыхъ оно раньше не касалось, но только тамъ это разореніе было устойчивымъ и длительнымъ, гдѣ раньше въ томъ же направленіи повліяли давно уже существовавшіе и развивавшіеся пріемы монастырскаго и помѣстнаго хозяйства; вотъ почему вліяніе смутнаго времени и разинскаго бунта, какъ и войнъ того времени, было преходящимъ и временнымъ, поверхностнымъ и неглубокимъ; раны, нанесенныя хозяйственному организму страны этими соціальными бурями, скоро затянулись и зажили. Въ экономической исторіи XVII вѣка смута и бунтъ Разина имѣютъ, такимъ образомъ, ничтожное значеніе сравнительно съ вліяніемъ того кризиса, который мы сейчасъ наблюдали въ центрѣ и новгородско-псковскомъ краѣ въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка. Этотъ кризисъ вызвалъ массовое выселеніе народа на окраины, засвидѣтельствованное и писцовыми книгами, и иностранными писателями, и извѣстіями объ основаніи новыхъ городовъ въ южной степи, Поволжьѣ и Прикамьѣ, и тѣмъ не только способствовалъ, какъ мы видѣли, прогрессу земледѣльческаго производства на этихъ окраинахъ, но и ускорилъ въ XVII вѣкѣ начавшійся раньше процессъ зарожденія и первоначальнаго развитія денежнаго хозяйства: хищническое помѣстное и монастырское хозяйство выгнало крестьянъ на новыя мѣста, расширило тѣмъ территорію государства и содѣйствовало большему раздѣленію труда, неизбѣжному при увеличившемся разнообразіи естественныхъ свойствъ и особенностей отдѣльныхъ областей. Къ концу XVII вѣка исторія земледѣльческой техники принимаетъ постепенно совершенно нормальный характеръ: трехпольная система опять всту-

Digitized by Google

паетъ въ свои права и въ старинныхъ областяхъ государства, передъ тѣмъ подвергшихся тяжелому кризису.

Не менѣе, если не болѣе, важны были *политическія* послѣдствія земледѣльческаго кризиса конца XVI-го вѣка и начала XVII-го. Но чтобы понять эти политическія послѣдствія, надо ненадолго возвратиться назадъ, къ удѣльному времени, и посмотрѣть, каково было политическое наслѣдство, завѣщанное Московскому государству удѣльнымъ періодомъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что наслѣдство это состояло въ зародышахъ настоящаго феодальнаго порядка, составлявшаго въ развитомъ состояніи столь характерную черту средневѣковаго политическаго строя западной Европы. Хорошо извѣстно, что феодализмомъ называется такой политическій порядокъ, при которомъ государственная власть въ ея различныхъ проявленіяхъ становится достояніемъ землевладѣльцевъ: кто владѣетъ землей, тотъ имѣетъ право войны, чеканки монеты, суда, сбора податей въ свою пользу, право участія въ законодательныхъ постановленіяхъ. Такого порядка въ окончательно сложившемся видѣ въ Россіи никогда не существовало. Но зародыши его были одинаково свойственны и нашему отечеству и другимъ европейскимъ и внѣевропейскимъ странамъ. Западно-европейскій феодализмъ сложился изъ трехъ основныхъ элементовъ: бенефиція, коммендаціи и иммунитета. Бенефиціемъ называлось временное владѣніе землей съ обязательствомъ службы и безъ права распоряжаться этою землею, т.-е. продавать, закладывать, дарить, завѣщать ее. Значитъ, бенефицію точно соотвѣтствовало наше помѣстье. Подъ именемъ коммендаціи разумѣется поступленіе свободнаго человѣка подъ покровительство сильнаго человѣка съ обязательствомъ подчиняться ему въ судебномъ и финансовомъ отношеніяхъ. Въ настоящее время доказано, что въ древней Руси было совершенно такое же состояніе, называвшееся закладничествомъ: закладень или закладникъ такъ же, какъ западно-европейскій коммендатъ (commendatus), былъ подсуденъ не органамъ государственной власти, а тому лицу, за которое онъ заложился или задался; ему же онъ платилъ и подати. Наконецъ, иммунитетъ—это право землевладѣльца судить всѣхъ безъ исключенія жителей своего имѣнія и собирать съ нихъ подати. Это право было также и у русскихъ землевладѣльцевъ удѣльнаго времени, которые, по словамъ жалованныхъ грамотъ, «вѣдали и судили» всѣхъ жившихъ на ихъ земляхъ сами. Итакъ, всѣ зародыши феодализма были въ удѣльной Руси. Почему же изъ нихъ не образовался самый феодализмъ, а, напротивъ, возникла неограниченная власть московскаго государя, подавившая аристократическія притязанія князей и бояръ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается, главнымъ образомъ, въ только что изученныхъ нами явленіяхъ въ области исторіи народнаго хозяйства. На западѣ Европы вредное хозяйственное вліяніе бенефиція и существовавшаго рядомъ съ нимъ монастырскаго землевладѣнія не могло вызвать уходъ

Digitized by Google

населенія, запустѣніе и упадокъ земледѣлія, потому что уйти было некуда за недостаткомъ пустыхъ, незаселенныхъ пространствъ. Поэтому владѣльцы бенефиціевъ не были ослаблены и успѣли обратить бенефицій въ ленъ, т.-е. въ наслѣдственную поземельную собственность съ обширными государственными правами, такъ что власть короля была сведена къ минимуму, и онъ сталъ лишь первымъ между равными. У насъ помѣстье и монастырская вотчина, разоряя населеніе, вызвали его отливъ на окраины, возможный по той причинѣ, что незанятыхъ никѣмъ земель на этихъ окраинахъ была бездна. Этотъ отливъ населенія совершился какъ разъ въ разгаръ борьбы Іоанна Грознаго съ боярствомъ, во время ужасовъ и конфискацій опричнины, въ тотъ историческій моментъ, когда разрѣшался одинъ изъ коренныхъ вопросовъ нашей исторіи,—вопросъ о томъ, пойдетъ ли развитіе русскаго государства въ направленіи аристократической боярской олигархіи, или дворянской самодержавной монархіи. Князья и бояре, вслѣдствіе разоренія и ухода населенія на окраины, потеряли всю свою экономическую мощь, а вмѣстѣ съ нею утратили и надежду на осуществленіе своихъ политическихъ притязаній. Московское самодержавіе одержало рѣшительную побѣду надъ аристократическими тенденціями боярства: отбирая у бояръ и князей ихъ старинныя вотчины въ опричнину, Грозный лишалъ ихъ и связанныхъ съ землей судебныхъ и финансовыхъ привилегій, т.-е. уничтожалъ существовавшіе зародыши феодальнаго порядка.

Побѣда царскаго самодержавія имѣла неисчислимыя послѣдствія для соціальнаго и политическаго строя Россіи. Подъ вліяніемъ этой побѣды у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ сложились настоящія крѣпостныя сословія. Памятникомъ ихъ образованія является извѣстный, долго дѣйствовавшій кодексъ древне-русскаго права, такъ называемое Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изданное въ 1649 году. По Уложенію, русское общество XVII-го вѣка дѣлилось на три большихъ сословія, военно-служилое, городское и крестьянское, различавшіяся между собою спеціальными правами и обязанностями. Основная спеціальная обязанность служилаго сословія—это повинность военной службы государству, продолжавшейся для каждаго, по крайней мѣрѣ, отъ 15-ти до 60-ти-лѣтняго возраста. Каждый служилый человѣкъ,—дворянинъ или сынъ боярскій, долженъ былъ являться на службу вооруженнымъ и на конѣ и приводить съ собою извѣстное количество «конныхъ и оружныхъ» слугъ, соотвѣтственно размѣрамъ земли, которою онъ владѣлъ. Содержаніе себя и своихъ слугъ во время службы лежало также на обязанности служилаго человѣка, который получалъ далеко не покрывавшее этихъ расходовъ жалованье, денежное и хлѣбное. Эта тяжелая военная повинность обусловливала зато свободу служилыхъ людей отъ всѣхъ остальныхъ обязанностей, налагаемыхъ государствомъ, отъ податей и натуральныхъ повинностей. Всѣ служилые люди были лицами лично свободными и обладали особенными, имъ однимъ свойственными имуще-

Digitized by Google

ственными правами: правомъ владѣть землей и правомъ владѣть крѣпостными крестьянами. Оба эти права были необходимы служилымъ людямъ для отбыванія тяжелой ихъ военной службы государству, такъ такъ безъ нихъ нечѣмъ было бы содержать себя и своихъ слугъ на войнѣ. Такой же характеръ обезпеченія служебныхъ обязанностей свойственъ былъ и корпоративнымъ правамъ служилаго сословія, т.-е. правамъ, принадлежащимъ не отдѣльнымъ лицамъ, а сословію, какъ цѣлому, какъ корпораціи: служилые люди каждаго уѣзда выбирали изъ своей среды окладчиковъ, обязанныхъ вмѣстѣ съ бояриномъ, пріѣзжавшимъ изъ Москвы, верстать на службу «новиковъ», т.-е. достигшихъ 15-ти-лѣтняго возраста дворянъ и дѣтей боярскихъ, и доставлять боярину свѣдѣнія о имущественномъ положеніи и служебной годности этихъ новиковъ. Кромѣ того уѣздные дворяне, составлявшіе во время похода особую сотню, выбирали изъ числа болѣе богатыхъ и знатныхъ въ своей средѣ сотенныхъ знаменщиковъ, изъ которыхъ воеводы потомъ назначали одного сотеннымъ головой. Наконецъ, высшій слой служилаго сословія, думные люди, бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки, имѣлъ очень важное спеціальное право—участвовать въ засѣданіяхъ высшаго государственнаго учрежденія, боярской думы.

Городское торгово-промышленное и ремесленное сословіе имѣло одно важное сходство съ крестьянствомъ: какъ и послѣднее, оно обязано было «нести тягло», т.-е. уплачивать рядъ податей въ государственную казну и отбывать повинности: горожане, какъ и крестьяне, платили стрѣлецкую подать, шедшую на содержаніе постоянной пѣхоты такъ называемыхъ стрѣльцовъ, данныя деньги—остатокъ старинной прямой подати, дани, полоняничныя деньги, предназначавшіяся на выкупъ плѣнныхъ, оброчные сборы съ лавокъ и промысловъ; наконецъ въ военное время государство налагало на городское сословіе особые экстренные сборы на военныя нужды,—сборы, доходившіе до 5, 10, 15 и даже 20% съ дохода; повинности горожанъ заключались въ службѣ на денежныхъ, таможенныхъ и кружечныхъ дворахъ, т.-е. въ завѣдываніи подъ строгой имущественной отвѣтственностью чеканкой монеты, сборомъ таможенныхъ и проѣзжихъ пошлинъ, тяжелымъ гнетомъ лежавшихъ тогда на торговлѣ не только внѣшней, но и внутренней, и казенной продажей вина. Основное личное право всѣхъ членовъ городского сословія, иначе посадскихъ людей или людей черныхъ сотенъ и слободъ какъ, ихъ тогда называли—это право владѣть дворами и лавками въ городахъ и вести торговлю. Всѣ остальныя сословія были лишены этого права и исключенія допускались для нихъ только подъ условіемъ платежа посадскаго тягла,—и то не всегда и не для всѣхъ. И городскому сословію, какъ и служилому, свойственны были, наконецъ, и нѣкоторыя корпоративныя права, обязанныя, впрочемъ, своимъ существованіемъ единственно тому обстоятельству, что

Digitized by Google

они были необходимы для отбыванія сословныхъ повинностей: посадскіе люди выбирали старостъ для раскладки и сбора податей. О крестьянствѣ у насъ уже шла рѣчь: крестьяне въ половинѣ XVI вѣка были людьми несвободными, крѣпостными; на нихъ, какъ и на городскомъ сословіи, лежало тягло, уплата податей и исполненіе повинностей.

Наблюдая такое общественное устройство, не трудно подмѣтить двѣ его основныхъ черты: во-первыхъ, сословность, рѣзкія юридическія различія однѣхъ общественныхъ группъ отъ другихъ; во-вторыхъ, преобладаніе обязанностей надъ правами, принудительную разверстку обязанностей между отдѣльными сословіями, разверстку, произведенную государствомъ. Такую сословную организацію принято называть крѣпостной, такъ какъ всѣ соціальные слои прикрѣплены къ опредѣленному спеціальному тяглу, къ опредѣленной обязанности. Сословность и крѣпостной характеръ общества обязаны своимъ существованіемъ тѣмъ экономическимъ, отчасти и политическимъ условіямъ, которыя составляли отличительную черту Московскаго государства второй половины XVI и начала XVII вѣка: они прежде всего слѣдствіе экономическихъ особенностей первой стадіи развитія денежнаго хозяйства, когда начавшееся раздѣленіе труда дробитъ уже общество на рѣзко обособленныя группы, но при этомъ новый складъ жизни настолько еще не окрѣпъ и не установился, что нуждается въ постоянной поддержкѣ и регламентаціи; а затѣмъ и побѣда московскаго государя надъ мятежнымъ боярствомъ, руководимымъ потомками удѣльныхъ князей, наложила свою печать на устройство общества: логическимъ послѣдствіемъ торжества самодержавной власти былъ крѣпостной сословный строй, перевѣсъ сословныхъ обязанностей надъ правами, усиленіе государства въ ущербъ общественной самодѣятельности и самостоятельности.

Наконецъ, черезъ посредство организаціи верховной власти и соціальныхъ отношеній, условія русскаго народнаго хозяйства XVI и XVII вѣковъ отразились и въ сферѣ администраціи. Пока хозяйство было натуральнымъ, а княжеская власть и общество оставались неорганизованными, какъ то было въ удѣльное время, до тѣхъ поръ не существовало ни правильныхъ учрежденій съ постояннымъ вѣдомствомъ, опредѣленнымъ составомъ и самостоятельностью въ извѣстномъ кругѣ дѣлъ, ни даже правильнаго понятія о государствѣ какъ общественномъ союзѣ, преслѣдующемъ интересы общаго блага. Князь удѣльнаго времени смотрѣлъ на свое княжество какъ на личное достояніе, какъ на собственность, дающую ему доходъ,—и только. Поэтому и органы его власти, ему подчиненные, были его личными слугами, которымъ онъ каждый разъ поручалъ или «приказывалъ» то или другое дѣло: мы тщетно стали бы искать въ этихъ отдѣльныхъ порученіяхъ, даваемыхъ придворнымъ чиновникамъ—большею частью дворецкому и казначею,—какого-либо постоянства или хотя

Digitized by Google

бы нѣкоторой опредѣленности: все было шатко, неясно, непрочно и случайно. Въ областяхъ или уѣздахъ управляли тогда намѣстники и волостели, которые также руководились въ своей дѣятельности, главнымъ образомъ, не сооображеніями общаго блага, тогда совершенно еще смутными, неясными, а своимъ матеріальнымъ интересомъ, доходомъ отъ должности. По картинному выраженію одного документа, намѣстники и волостели «своего прибытка смотрѣли», были кормленщиками, интересовались по преимуществу кормомъ, получавшимся ими непосредственно съ населенія. Но какъ только денежное хозяйство сплотило общество въ одно органическое, болѣе или менѣе связное и единое цѣлое, такъ идея общаго блага, какъ основа общественнаго союза, ясно выступила въ сознаніи и потребовала иной организаціи управленія. Кормленщики стали неудобны, и правительство Ивана Грознаго попыталось сначала замѣнить ихъ широкимъ земскимъ самоуправленіемъ, позволивъ населенію отдѣльныхъ областей выбирать изъ своей среды «излюбленныхъ» (т.-е. выборныхъ) старостъ съ цѣловальниками (присяжными) для завѣдыванія всѣмъ областнымъ управленіемъ. Но крѣпостной характеръ общества, проникавшее весь соціальный строй начало обязанности не вязалось съ принципомъ самоуправленія, и потому земскія учрежденія царя Ивана IV скоро исчезли: въ XVII вѣкѣ ихъ, какъ и намѣстниковъ, тамъ, гдѣ послѣдніе сохранились, замѣнилъ во всѣхъ уѣздахъ воевода, завѣдывавшій государственными доходами, администраціей и судомъ на царя, представлявшій собою носителя государственной власти. Параллельно этому совершались перемѣны и въ центральной администраціи: усложненіе государственной дѣятельности приводило къ скопленію въ боярской думѣ, у дворецкаго и казначея массы новыхъ дѣлъ, съ которыми имъ было трудно справляться. При томъ многія изъ этихъ дѣлъ требовали для своего правильнаго рѣшенія извѣстной привычки, сноровки, административной техники, спеціализаціи, невозможной тогда, когда управленіе построено на временныхъ и личныхъ порученіяхъ. Тогда на смѣну личностей явились учрежденія: государь сталъ «приказывать» извѣстныя дѣла одному и тому же лицу и въ помощь ему назначилъ дьяка (секретаря) и подьячихъ (писцовъ); такъ получились приказы. Конечно, ихъ составъ не былъ достаточно постояненъ и въ вѣдомствѣ было не мало путаницы и нескладицы, но все-таки это были учрежденія, хотя и еще только зарождавшіяся. Высшее государственное учрежденіе—боярская дума—также значительно измѣнило свой характеръ подъ вліяніемъ новыхъ условій: его составъ сталъ постояннѣе—въ немъ принимали участіе лица думныхъ чиновъ, бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки, а вѣдомство опредѣлилось точнѣе—дума стала почти исключительно законодательнымъ учрежденіемъ. Наконецъ, пока необходима была созидательная совмѣстная, общая работа по устроенію новаго общественнаго и государственнаго порядка, не примѣнившагося еще

Digitized by Google

къ новымъ условіямъ и поколебленнаго кризисомъ XVI вѣка и смутой XVII, до тѣхъ поръ собирались земскіе соборы, сначала изъ правительственныхъ чиновниковъ, потомъ изъ выборныхъ отъ сословій. Но когда окончательно сложились крѣпостныя сословія, матеріала для совмѣстной работы не оказалось, и земскіе соборы прекратили свое существованіе.

На предыдущихъ страницахъ выяснено въ главныхъ чертахъ значеніе города и деревни въ экономической, соціальной и политической исторіи Московскаго государства XVI и XVII вѣковъ. Мы убѣдились при этомъ, что о такомъ господствѣ города надъ деревней, какое наблюдалось въ Великомъ-Новгородѣ удѣльнаго времени, теперь не можетъ быть и рѣчи. Деревня, а не городъ, давала основной тонъ всей народной и государственной жизни Московской Руси, измѣненія въ земледѣльческой деревенской промышленности вызвали то оригинальное сочетаніе соціальныхъ силъ, какое наблюдается въ это время. Однако, было бы большой ошибкой придавать деревнѣ исключительное значеніе въ изучаемый періодъ русской исторіи; къ доминирующему тону, создаваемому деревенской жизнью, примѣшивались уже довольно громкіе аккорды жизни городской,— результатъ зарожденія денежнаго хозяйства. И эта смѣсь не звучала диссонансомъ, не создавала непримиримыхъ противорѣчій, не была механической, какъ то было въ удѣльное время, а напротивъ, представляла собою стройное, гармоническое цѣлое: городская жизнь вошла уже въ органическую связь съ деревенской, объединилась съ ней, потому что денежное хозяйство стало проникать въ массы населенія. Не надо только забывать, что городъ и въ Московскомъ государствѣ не былъ еще центромъ обрабатывающей промышленности, а имѣлъ только торговое значеніе. Изъ этого значенія города, какъ торговаго центра, и изъ преобладанія земледѣлія въ деревнѣ выводятся и господство извѣстныхъ формъ землевладѣнія и хозяйства, и послѣдовательныя измѣненія въ хозяйственной системѣ, и побѣда самодержавія въ государственномъ строѣ, и, наконецъ, образованіе крѣпостныхъ сословій. Одно только условіе пришлось признать, какъ дополнительное,—именно отношеніе количества населенія къ пространству страны, непомѣрную обширность территоріи, давшую возможность населенію уйти отъ тяжелыхъ хозяйственныхъ условій на свободныя, незанятыя земли. И позднѣе это условіе оказывало могущественное вліяніе на историческую жизнь нашего отечества; оно дѣйствуетъ даже и въ современной намъ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ преувеличивать его значеніе: существованіе обширныхъ пустыхъ пространствъ создавало лишь *возможность* отлива населенія; его *необходимость* вызывалась чисто хозяйственными условіями, занимающими такимъ образомъ первое мѣсто. Резюмируя въ краткихъ словахъ все сказанное о значеніи города и деревни въ исторіи московскаго государства, мы получаемъ слѣдующую формулу:

Digitized by Google

унаслѣдованныя отъ удѣльнаго времени формы землевладѣнія—помѣстье и монастырская вотчина—повели къ упадку системы земледѣлія въ коренныхъ областяхъ государства, къ отливу населенія на окраины и, вслѣдствіе этого, къ торжеству самодержавія и крѣпостного сословнаго строя; отливъ населенія вызвалъ, въ свою очередь, усиленный обмѣнъ продуктами производства между разными областями государства, ускорилъ развитіе денежнаго хозяйства, т.-е. повысилъ торговое значеніе города, и тѣмъ самымъ произвелъ очень важныя измѣненія и въ формахъ землевладѣнія и деревенскаго хозяйства: помѣстье и монастырская вотчина начали отживать свое время, стали расти барщина, барская запашка и несвободный земледѣльческій трудъ. Этимъ новымъ явленіямъ суждено было сыграть первостепенную роль въ исторіи дореформенной Россіи XVIII и XIX вѣковъ.

V.

Городъ и деревня въ новой крѣпостной Россіи (въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка).

Періодъ новой крѣпостной Россіи находится въ чрезвычайно тѣсной связи съ московскимъ государствомъ. Оставляя въ сторонѣ отдѣльныя частности, нужно вообще признать, что въ Россіи XVIII и первой половины XIX столѣтія развились и опредѣленнѣе сложились тѣ явленія, которыя намѣтились въ Московской Руси. Это, прежде всего, слѣдуетъ сказать объ основномъ экономическомъ явленіи періода,—развитіи денежнаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи трудно провести между XVII и XVIII столѣтіями разграничительную черту даже въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается дѣленіе исторіи на періоды или эпохи: въ сущности, начиная съ половины XVI вѣка и до половины XIX длится все одна *первая* стадія въ развитіи денежнаго хозяйства въ Россіи, характеризующаяся тѣмъ, что все еще не большинство населенія захвачено торговымъ оборотомъ и при томъ захвачено не цѣликомъ, не во всѣхъ хозяйственныхъ функціяхъ, такъ что многія потребности удовлетворяются попрежнему домашнимъ производствомъ.

Довольно многочисленныя и разнообразныя наблюденія указываютъ на ростъ денежнаго хозяйства, въ новой крѣпостной, дореформенной Россіи. Прежде всего бросается въ глаза очень значительное расширеніе внѣшней торговли, особенно морской. Начало этому расширенію морской заграничной торговли было положено лучшимъ устройствомъ архангельскаго порта при Петрѣ Великомъ и завоеваніемъ сначала Азова, потеряннаго, впрочемъ, послѣ Прутскаго похода на довольно продолжительное время, какъ и основанный на Азовскомъ морѣ Таганрогъ, а потомъ береговъ Балтійскаго моря у Швеціи, причемъ

Digitized by Google

въ руки Россіи перешли такіе важные порты, какъ Рига и Ревель, а въ 1703 году былъ основанъ Петербургъ, ставшій скоро главнымъ средоточіемъ внѣшней торговли. Въ послѣдующее время торговля всѣхъ этихъ портовыхъ городовъ сильно возросла и, кромѣ того, прибавился новый крупный пунктъ вывозной торговли Одесса.—Въ первые годы XIX вѣка цѣнность русскаго вывоза за границу доходила уже до 75 милліоновъ рублей, а иностранныхъ товаровъ ввозилось тогда въ Россію на 52 милліона рублей. Росту внѣшней торговли соотвѣтствовало и развитіе внутреннихъ мѣновыхъ сношеній. Прежде не только въ крестьянскомъ, но и въ дворянскомъ обиходѣ довольствовались для удовлетворенія своихъ потребностей продуктами исключительно—домашняго производства, не покупавшимися, а достававшимися даромъ: употребляли, напр., грубое домашнее сукно и домотканное полотно. Но уже въ XVIII вѣкѣ эти примитивныя ткани стали замѣняться въ потребленіи *покупнымъ* болѣе тонкимъ сукномъ, ситцемъ и миткалемъ. Этимъ пробивалась значительная брешь въ твердынѣ натуральнаго хозяйства. Что денежное хозяйство проникло и въ крестьянскую среду, заставило и крѣпостныхъ земледѣльцевъ считаться съ условіями рынка,—это доказывается, прежде всего, ростомъ денежнаго оброка въ ущербъ натуральному, замѣной послѣдняго первымъ: безъ товарнаго производства, безъ участія крестьянъ въ торговлѣ такое явленіе было бы немыслимо. Нельзя далѣе не обратить вниманія на развитіе крестьянскихъ отхожихъ промысловъ особенно въ XIX вѣкѣ: въ центральныхъ губерніяхъ половина, двѣ трети, даже три четверти крестьянскаго мужского населенія отправлялись ежегодно въ отходъ, что также незамѣтно втягивало народныя массы въ торговый оборотъ. Наконецъ, можно наблюдать, какъ торговая дѣятельность помогаетъ отдѣльнымъ способнымъ и предпріимчивымъ личностямъ выдвинуться впередъ, выдѣлиться изъ рядового крестьянства, нажить крупные капиталы и выкупиться на волю. Достаточно указать на такіе яркіе примѣры, какъ обращеніе многихъ кустарей-набойщиковъ села Иванова, Шуйскаго уѣзда, въ крупныхъ фабрикантовъ, возникновеніе фабрики Морозовыхъ, тоже бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ Зуевѣ Московской губерніи, въ 1797 году, и обогащеніе Кондратовыхъ, основавшихъ свой металлическій заводъ въ селѣ Вачѣ, Муромскаго уѣзда, въ 1831 году.

Переходя къ характеристикѣ относительнаго значенія другихъ отраслей народнаго производства въ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣка, слѣдуетъ, прежде всего, констатировать тотъ фактъ, что, какъ и въ предыдущій періодъ, Россія оставалась и въ изучаемое время по преимуществу *земледѣльческой* страной, полевое хозяйство продолжало играть первенствующую роль въ экономической ея жизни. Новымъ въ этомъ отношеніи было только то, что обнаружилось до

Digitized by Google

вольно рѣзкое и опредѣленное различіе между средней и сѣверной неземледѣльческой и южной, заокской земледѣльческой областями. Въ основѣ этого различія лежали, несомнѣнно, естественныя — климатическія и почвенныя особенности названныхъ областей: тучный южный черноземъ и мягкій, благодатный степной климатъ въ высокой степени благопріятствовали земледѣлію, климатъ и почва суроваго сѣвера и сѣверо-востока никогда, какъ мы знаемъ, не давали возможности сѣверному крестьянину заняться полевымъ хозяйствомъ, а влекли его къ промысламъ горному (въ Пріуральѣ), соляному, рыболовному или охотничьему; что касается центральнаго района, то, не обладая естественными богатствами сѣвера, открывавшими просторъ для добывающей промышленности, и не отличаясь такими хорошими климатическими и почвенными условіями, какія содѣйствовали развитію земледѣлія на югѣ, онъ сдѣлался областью, на долю которой выпала задача устранить существенный недостатокъ, какимъ страдала экономическая жизнь Московскаго государства,—недостатокъ въ правильно-поставленной обрабатывающей промышленности. Въ центрѣ Россіи уже въ XVIII вѣкѣ земледѣліе, сохраняя свое преобладаніе, теряетъ все-таки прежнее исключительное значеніе подъ вліяніемъ развитія здѣсь именно обрабатывающей промышленности. Эта послѣдняя прививается къ жизни въ различныхъ формахъ, изъ которыхъ главныхъ четыре: 1) домашнее производство для домашняго потребленія производящей семьи, при полномъ отсутствіи обмѣна; 2) ремесло или мелкое кустарное производство: рабочій производитъ на заказъ для опредѣленнаго потребителя; иногда онъ открываетъ и спеціальную небольшую лавку для случайныхъ покупателей, кругъ которыхъ невеликъ, такъ что производство разсчитано при этомъ на небольшой мѣстный рынокъ; 3) товарно кустарное производство: кустарь производитъ продукты на обширный рынокъ, иногда даже на заграничный, но сбываетъ онъ ихъ потребителямъ не самъ, а черезъ посредство капиталиста—скупщика, такъ что, хотя производство все еще остается мелкимъ, но сбытъ товаровъ организуется уже капиталистически; 4) фабрично-заводская промышленность: крупные предприниматели-капиталисты берутъ въ свои руки не только сбытъ продуктовъ, но и ихъ производство. Первыя двѣ изъ этихъ формъ—домашнее и мелкое кустарное производство или ремесло—существовали еще въ Кіевской и удѣльной Руси, не говоря уже о Московской, и у насъ уже шла о нихъ рѣчь раньше въ свое время. Онѣ продолжали существовать и въ XVIII и XIX вѣкахъ, сохранились и до настоящаго времени и долго еще не исчезнутъ, но съ теченіемъ времени неудержимо клонятся къ упадку, подавляемыя развитіемъ денежнаго хозяйства и конкуренціей товарно-кустарнаго и фабрично-заводскаго производствъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то зародыши ихъ становятся замѣтны лишь въ XVI и XVII вѣкахъ. «Въ Калугѣ,—говоритъ посолъ

Digitized by Google

германскаго императора Сигизмундъ Герберштейнъ, посѣтившій Московское государство въ первой четверти XVI столѣтія,—дѣлаютъ деревянные кубки, искусно украшенные рѣзьбой, и другія деревянныя вещи, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ; *отсюда онѣ вывозятся въ Московію, Литву и другія сосѣднія страны*». Вотъ яркій примѣръ товарно-кустарнаго производства, разсчитаннаго не только на обширный внутренній сбытъ, но и на заграничные рынки. Первыя фабрики были открыты въ томъ же XVI вѣкѣ: это были такъ называемыя «бумажныя мельницы», т.-е. фабрики для производства писчей бумаги, но онѣ плохо привились, хотя существовали, по уцѣлѣвшимъ извѣстіямъ, и въ XVII вѣкѣ. Въ царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича возникли другіе заводы и фабрики: напр., стеклянные и особенно металлическіе, изъ которыхъ особенно извѣстны заводы Виніуса въ Тулѣ, Марселиса въ Костромѣ и на Шекснѣ и Акемы въ Малоярославецкомъ уѣздѣ нынѣшней Калужской губерніи. Но все это были лишь спорадически—встрѣчавшіеся зародыши той товарно-кустарной и фабрично-заводской производительности, которая становится важнымъ элементомъ русской экономической жизни за послѣднія два столѣтія. Ростъ русской фабричной промышленности въ XVIII вѣкѣ лучше всего характеризуется слѣдующими цифрами: въ концѣ царствованія Петра Великаго во всемъ государствѣ было 233 фабрики; спустя сорокъ лѣтъ, въ 1762 году—считалось уже 984 фабрики, а еще черезъ 35 лѣтъ—въ 1796 году—общее число фабрикъ доходило уже до 3.161. Другими словами, въ 70 слишкомъ лѣтъ число фабрикъ увеличилось почти въ 14 разъ. Въ XIX вѣкѣ развитіе фабричной производительности продолжалось и даже, по всѣмъ признакамъ, шло ускореннымъ темпомъ. Одновременно съ этимъ, особенно съ царствованія императрицы Екатерины II, стало распространяться и товарно-кустарное производство. Оно возникло, главнымъ образомъ, изъ двухъ источниковъ: во-первыхъ, оно было дальнѣйшей стадіей развитія первобытныхъ формъ обрабатывающей промышленности—домашняго и мелкаго кустарнаго производства или ремесла; во-вторыхъ, оно явилось результатомъ разложенія нѣкоторыхъ фабрикъ XVIII вѣка: фабричные рабочіе разносили по деревнямъ извѣстные пріемы того или другого производства, которымъ они научились на фабрикѣ, и такимъ образомъ появлялись кустарные промыслы, нерѣдко успѣшно конкурировавшіе съ фабрикой. Были и другіе, второстепенные источники товарно-кустарнаго производства XVIII вѣка: иногда помѣщики культивировали въ средѣ своихъ крестьянъ тѣ или другія отрасли обрабатывающей промышленности, выписывая изъ-за границы мастеровъ для обученія крестьянъ или отправляя послѣднихъ на выучку въ города къ городскимъ ремесленникамъ; иныя отрасли кустарной промышленности были, наконецъ, непосредственными преемницами существовавшаго еще въ XVI и XVII вѣкахъ товарно-кустарнаго произ-

Digitized by Google

водства. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ во второй половинѣ XVIII столѣтія изъ кустарныхъ промысловъ достигли расцвѣта пряжа и тканье льна, деревянныя и желѣзныя издѣлія, скорняжное, сыромятное и кожевенное дѣло. Но особенно развернулось товарно-кустарное производство въ царствованіе императора Николая I. Къ этому именно времени—къ 40-мъ и 50-мъ годамъ XIX вѣка— относится процвѣтаніе большинства извѣстныхъ теперь важнѣйшихъ центровъ товарно-кустарнаго производства, какъ Павлова, Иванова-Вознесенска, Ворсмы, Кимръ и т. д. Вообще непрерывное и довольно быстрое развитіе обрабатывающей промышленности въ обѣихъ ея высшихъ формахъ—товарно-кустарной и фабрично-заводской—является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ процессовъ въ экономической жизни новой дореформенной Россіи. Не слѣдуетъ только думать, что этотъ процессъ превратилъ значительную часть территоріи государства изъ деревни въ городъ: кое-гдѣ такія превращенія, конечно, замѣтны, и чѣмъ ближе къ концу періода, тѣмъ чаще, но въ большинствѣ случаевъ обрабатывающая промышленность была второстепеннымъ, побочнымъ занятіемъ жителей, главнымъ оставалось земледѣліе. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что изъ 21.000 человѣкъ крѣпостныхъ, приписанныхъ въ періодъ времени съ 1721 по 1762 годъ къ фабрикамъ, т.-е. предназначенныхъ спеціально для занятія обрабатывающею промышленностью, лишь 8000 человѣкъ были заняты фабричной работой и то не исключительно, остальные же все свое время посвящали земледѣльческимъ занятіямъ. Конечно, нельзя упускать изъ виду и нѣкоторое развитіе ремесла въ городахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, фактъ установленія цеховой ремесленной организаціи; основу ей пытался положить еще Петръ Великій; жалованная грамота городамъ, изданная въ 1785 году Екатериной II, содержитъ уже въ себѣ важную часть— «ремесленный уставъ», въ подробностяхъ разрабатывающій существующее въ главныхъ чертахъ и до сихъ поръ цеховое устройство. Законодательныя мѣры Петра и Екатерины были созданы реальными экономическими потребностями, ростомъ ремесла, и вовсе не являлись поэтому искусственными, безплодными проектами, не привившимися къ жизни.

Итакъ, въ относительномъ значеніи разныхъ отраслей производства въ новой крѣпостной Россіи совершились слѣдующія двѣ перемѣны сравнительно съ Московскою Русью: во-первыхъ, пошло дальше развитіе денежнаго хозяйства, внутренней и внѣшней торговли; во-вторыхъ, сдѣлала крупные шаги впередъ обрабатывающая промышленность.

Говоря о *системѣ хозяйства* и затѣмъ о *формахъ хозяйственной эксплуатиціи труда*, мы будемъ сейчасъ имѣть въ виду лишь *типическія* для даннаго момента явленія, относящіяся собственно къ XVIII вѣку; о тѣхъ зачаткахъ новыхъ порядковъ, какіе въ этомъ отношеніи обнаружились уже въ XIX вѣкѣ, рѣчь пойдетъ позднѣе, при изученіи

Digitized by Google

исторіи хозяйственнаго развитія Россіи во второй половинѣ истекшаго столѣтія.

XVII вѣкъ завѣщалъ изучаемому періоду преобладаніе переложной системы на бо́льшей части территоріи страны и начавшееся въ наиболѣе населенныхъ въ то время областяхъ распространеніе трехпольной или паровой-зерновой системы, преимущественно при этомъ экстенсивной, т.-е. такой, когда еще цѣлая половина и во всякомъ случаѣ болѣе трети пахотной земли находится подъ паромъ. Изъ этого видно, какъ много предстояло сдѣлать XVIII-му столѣтію для улучшенія земледѣльческой техники. Тамъ, гдѣ переложная система господствовала вполнѣ и безраздѣльно, съ XVIII вѣка начала распространяться экстенсивная—трехпольная, а недоразвитое трехполье, въ свою очередь, стало смѣняться настоящей паровой-зерновой системой съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ, съ правильнымъ дѣленіемъ пахотной земли на три поля, такъ что только треть ея оставалась ежегодно безъ посѣва. Вообще въ теченіе XVIII вѣка трехпольная система земледѣлія становится все болѣе типичной, характерной для нашего отечества. Техника обрабатывающей промышленности была въ то-же время несравненно ниже, чѣмъ система земледѣлія: не только русскій кустарь работалъ руками, съ помощью самыхъ примитивныхъ орудій,—то же самое было и на фабрикѣ. Въ сущности фабрика XVIII вѣка не заслуживала этого громкаго названія: она была мануфактурой, обходилась безъ машинъ, ручнымъ трудомъ, чѣмъ и обусловливалась возможность успѣшной конкуренціи съ нею со стороны кустарнаго производства, которое съ технической стороны было такимъ образомъ ниже фабричнаго. Достаточно сказать, что русской обрабатывающей промышленности XVIII столѣтія былъ неизвѣстенъ даже такой нехитрый и несложный инструментъ, какъ самопрялка. Наконецъ, и техника торговли была довольно примитивна и недалеко ушла отъ коммерческой техники Московскаго государства по той причинѣ, что мало улучшились и пути сообщенія: по прежнему господствовала ярмарочно-караванная система, которая и привела къ процвѣтанію въ то время знаменитаго «всероссійскаго торжища» — Макарьевской ярмарки.

Съ точки зрѣнія *формъ хозяйства* XVIII вѣкъ нужно признать типической *крѣпостной* эпохой, временемъ безраздѣльнаго господства несвободнаго труда. Въ области земледѣльческаго производства это выразилось прежде всего въ сильномъ развитіи барщины, особенно въ черноземной полосѣ. Извѣстно, напримѣръ, что въ началѣ царствованія Екатерины II въ Рязанской губерніи 81% всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ сидѣли на барщинѣ, соотвѣтствующій процентъ для Тульской и Курской губерній доходилъ до 92, для Орловской до 66. Даже въ нечерноземныхъ губерніяхъ процентъ барщинныхъ крестьянъ былъ чрезвычайно высокъ: въ Московской губерніи барщиной были обязаны 64% всѣхъ крѣпостныхъ, во Владимірской 50%, въ Новгородской 51%,

Digitized by Google

въ Тверской 54%, а въ Псковской губерніи даже 79%. Можно такимъ образомъ признать, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ помѣщичья пашня обрабатывалась крестьянской барщиной. При этомъ не надо забывать, что размѣры барской запашки расширялись вслѣдствіе постепенно увеличивавшейся выгодности хлѣбной торговли. Бывали имѣнія, разумѣется, въ видѣ исключенія, въ которыхъ вся удобная земля обращалась подъ владѣльческую пашню; крестьянамъ ничего не оставалось, и они превращались въ безземельныхъ крѣпостныхъ рабочихъ, получавшихъ отъ владѣльца пропитаніе натурой или «мѣсячину». Спѣшимъ оговориться: за исключеніемъ отдѣльныхъ ненормальностей и злоупотребленій барщина, какъ и вообще крѣпостная организація хозяйства, соотвѣтствовала въ XVIII вѣкѣ хозяйственнымъ интересамъ не однихъ только владѣльцевъ-дворянъ, но и крѣпостного крестьянскаго населенія: въ первой стадіи развитія денежнаго хозяйства, когда совершается еще только первоначальная перестройка экономическихъ отношеній на новую основу, экономически-слабые элементы общества, какими, несомнѣнно, и были крестьяне, не могутъ обойтись безъ посторонней поддержки, которую и получаютъ отъ дворянъ-землевладѣльцевъ,—отсюда прочность крѣпостныхъ порядковъ; въ то же время недостатокъ денежныхъ средствъ дѣлаетъ для народной массы болѣе удобной и выгодной барщину, чѣмъ требующійся по условіямъ времени денежный оброкъ. Крѣпостной трудъ соотвѣтствовалъ, вообще говоря, и системѣ земледѣлія: подневольная работа отличается, какъ извѣстно, слабой производительностью, но переложная и трехпольная, особенно недоразвитая-трехпольная, системы земледѣлія и не требуютъ напряженнаго, особенно производительнаго труда. Это замѣчаніе еще болѣе справедливо по отношенію къ обрабатывающей промышленности, техника которой, какъ мы видѣли, отличалась крайней примитивностью. Вотъ почему XVIII вѣкъ есть время, когда трудъ на фабрикахъ и заводахъ былъ почти сплошь несвободный. Когда Петръ Великій сталъ покровительствовать русской фабрично-заводской промышленности, то онъ вынужденъ былъ опереться въ этомъ дѣлѣ на русскій купеческій капиталъ, созданный вѣковой исторіей русской торговли въ предыдущіе періоды исторической жизни Россіи. Купеческая фабрика, развившаяся при Петрѣ, нуждалась въ рабочихъ. По вольному найму ихъ было почти невозможно найти при крайнемъ развитіи крѣпостного права, при усиленной эксплуатаціи труда крѣпостныхъ самими владѣльцами послѣднихъ. Крѣпостными въ собственномъ смыслѣ купцы владѣть не могли, потому что это была спеціальная дворянская привилегія. Поэтому въ 1721 году Петръ разрѣшилъ фабрикантамъ недворянамъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ съ обязательствомъ, чтобы они оставались навсегда приписанными къ послѣднимъ, а не оставались собственностью владѣльцевъ. Такіе приписанные къ фабрикамъ несвободные рабочіе получили впослѣдствіи названіе посессіонныхъ.

Digitized by Google

Правда, Петръ III запретилъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ, и это запрещеніе было подтверждено Екатериной II, но императоръ Павелъ въ 1798 году вновь разрѣшилъ покупать крестьянъ для употребленія въ фабричной промышленности. Купеческая посессіонная фабрика господствовала главнымъ образомъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Во второй его половинѣ на первый планъ выдвинулась помѣщичья, дворянская фабрика, особенно развившаяся въ царствованіе Екатерины II. Эта фабрика работала уже прямо крѣпостными. Такимъ образомъ формы хозяйства и въ обрабатывающей промышленности XVIII вѣка, какъ и въ земледѣліи, были чисто-крѣпостными.

Чтобы закончить изученіе экономической жизни новой крѣпостной Россіи, намъ остается разсмотрѣть *формы землевладѣнія* въ XVIII вѣкѣ, не оставшіяся безъ вліянія уже извѣстныхъ намъ теперь хозяйственныхъ явленій.

Мы имѣли уже случай убѣдиться, что помѣстье и монастырская вотчина—формы землевладѣнія, преобладавшія во вторую стадію развитія натуральнаго хозяйства, когда господства достигаетъ земледѣліе,—оказались неудобными и стѣснительными, какъ только зародилось денежное хозяйство, потому что денежное хозяйство требуетъ свободы перехода земли изъ рукъ въ руки и возможности превращать землю въ денежный капиталъ, между тѣмъ какъ ни помѣстье, ни монастырская вотчина не удовлетворяли этимъ требованіямъ. Правда, обѣ эти формы земельнаго владѣнія сохранили свое существованіе въ XVII вѣкѣ, но уже тогда было замѣтно увеличеніе служилаго вотчиннаго землевладѣнія насчетъ помѣстной земли, и, кромѣ того, ростъ монастырскихъ владѣній значительно сократился, если не совсѣмъ прекратился, да и самая юридическая природа монастырскаго и особенно помѣстнаго землевладѣнія подверглась перемѣнамъ: неотчуждаемость монастырской недвижимой собственности не всегда строго соблюдалась, а помѣстья разрѣшено было мѣнять и сдавать за деньги. Такъ уже въ XVII столѣтіи помѣстье и монастырская вотчина представляются институтами устарѣвшими, отживающими свой вѣкъ. Начало слѣдующаго столѣтія положило конецъ, прежде всего, помѣстной системѣ, какъ виду земельнаго владѣнія, наименѣе соотвѣтствовавшему экономическимъ условіямъ времени. Въ 1714 году указомъ Петра Великаго, помѣстья и вотчины были слиты въ одинъ видъ дворянской недвижимой собственности, подлежащей свободному отчужденію по волѣ владѣльца. Правда, этотъ указъ налагалъ на дворянъ одно важное ограниченіе: имъ была установлена недѣлимость недвижимой собственности, единонаслѣдіе, т.-е. обязательность передачи имѣнія *одному* изъ сыновей владѣльца безъ раздѣла съ другими, но вскорѣ, при императрицѣ Аннѣ, единонаслѣдіе, согласно желанію дворянства, было отмѣнено. Послѣ того ограниченія свободы отчужденія остались только для родовыхъ имѣній, а въ остальныхъ имѣніяхъ дворянъ простирались лишь на крѣпостныхъ

Digitized by Google

крестьянъ: такъ какъ крѣпостными могли владѣть одни только дворяне, то и отчуждать *населенныя* имѣнія можно было лишь дворянамъ же. Не трудно замѣтить, что, несмотря на эти ограниченія, дворянская недвижимая собственность XVIII и первой половины XIX вѣка болѣе, чѣмъ помѣстья XVII столѣтія, соотвѣтствовала экономическимъ условіямъ первой стадіи развитія денежнаго хозяйства: теперь уже открывалась въ извѣстной мѣрѣ свобода гражданскаго оборота земли, ея продажи и залога. Неполнота этой свободы оборота недвижимой собственности обусловливалась именно тѣмъ, что денежное хозяйство переживало до половины XIX вѣка лишь первую, зачаточную стадію своего развитія. Монастырская вотчина была нѣсколько лишь долговѣчнѣе помѣстья: она существовала лишь до 1764 года, когда императрица Екатерина II произвела секуляризацію монастырскихъ имѣній, т.-е. отобрала въ казну земли у монастырей и передала ихъ въ завѣдываніе особаго учрежденія, такъ называемой коллегіи экономіи; съ тѣхъ поръ бывшіе монастырскіе крестьяне получили названіе экономическихъ. Они занимали положеніе, во многомъ подобное положенію государственныхъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ, которыя принадлежали государству. Такимъ образомъ, денежное хозяйство въ первой стадіи своего развитія повело къ уничтоженію помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія и къ господству сословной дворянской вотчины и государственныхъ земель. Государственныя земли и дворянское землевладѣніе имѣли одну общую черту, составлявшую въ то же время характернѣйшій продуктъ изучаемаго времени: и на дворянской, и на владѣльческой землѣ появилась въ XVIII и началѣ XIX вѣка новая форма крестьянскаго землепользованія. Вся земля, удобная для полевого хозяйства, которою владѣло государство, отдавалась въ пользованіе государственнымъ крестьянамъ; съ другой стороны, и помѣщики обыкновенно отдавали въ пользованіе своимъ крѣпостнымъ за оброкъ или барщину извѣстную часть имѣнія,—въ разныхъ губерніяхъ отъ 45 до 80% всей земли эксплуатировалось крѣпостными на себя. Намъ уже извѣстно, что пока крестьяне были свободны, каждый изъ нихъ садился на опредѣленный подворный участокъ и обрабатывалъ его внѣ непосредственной хозяйственной зависимости отъ своихъ односельчанъ. Такъ продолжалось и первое время послѣ установленія крѣпостного права: землевладѣлецъ—будь то дворянинъ или государство,—все равно—имѣлъ дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ въ отношеніи хозяйственнаго обезпеченія послѣдняго, снабженія его землей въ достаточномъ количествѣ. Но къ половинѣ XVIII вѣка въ центрѣ Россіи и къ началу слѣдующаго столѣтія на сѣверѣ плотность населенія настолько увеличилась, что многіе крестьяне стали ощущать недостатокъ земли, а у другихъ въ пользованіи оставались очень крупные участки. Такимъ образомъ, начали выдѣляться два слоя среди крѣпостной крестьянской массы: во-первыхъ, крестьяне богатые,

Digitized by Google

вполнѣ, иногда и съ избыткомъ, обезпеченные землей; во-вторыхъ, малоземельные бѣдняки, крѣпостной пролетаріатъ. Само собою разумѣется, что это разслоеніе не обошлось безъ вліянія медленно, но неуклонно развивавшагося денежнаго хозяйства, создававшаго имущественное неравенство, принижавшаго однихъ и возвышавшаго другихъ. Малоземельное большинство, конечно, сильно страдало отъ недостатка земли, тѣмъ болѣе, что подушная подать, введенная Петромъ Великимъ и налагавшаяся на все мужское податное населеніе безъ различія возраста и достатка, падала въ такой же мѣрѣ на бѣдныхъ крестьянъ, какъ и на богатыхъ. И вотъ бѣдняки сначала на владѣльческихъ земляхъ, а потомъ и на государственныхъ начинаютъ всѣми силами добиваться «земельнаго поравненія», передѣла всей земли, находившейся въ крестьянскомъ пользованіи, по наличнымъ душамъ мужского пола. Интересы крѣпостного пролетаріата вполнѣ совпадали съ матеріальными выгодами землевладѣльцевъ и казны: и тѣ, и другая зорко слѣдили за исправнымъ поступленіемъ оброковъ и подушнаго сбора, а для этого необходимо было, чтобы каждая крестьянская семья пользовалась такимъ количествомъ земли, которое приблизительно соотвѣтствовало бы размѣрамъ платежей, выпадавшихъ на ея долю. Такъ какъ развитіе крѣпостныхъ отношеній привело къ торжеству взгляда на всю землю, какъ полную и безусловную собственность помѣщика, то послѣдній пріобрѣлъ возможность личнымъ распоряженіемъ установить уравнительно-душевой передѣлъ земли между крестьянами. Это и было сдѣлано постепенно въ XVIII вѣкѣ на дворянскихъ земляхъ всей Великороссіи и въ первой половинѣ XIX вѣка на государственныхъ земляхъ сѣвера. Установленный однажды, передѣлъ сталъ затѣмъ повторяться періодически, черезъ опредѣленные промежутки времени, по мѣрѣ измѣненія количества душъ мужского пола пола въ отдѣльныхъ семьяхъ и въ цѣломъ крестьянскомъ обществѣ или мірѣ. *Такъ положено было начало первому элементу земельной общины или мірского землепользованія—періодическимъ передѣламъ.* На этомъ дѣло не остановилось и не могло остановиться. Идея уравнительно-душевого передѣла включаетъ въ себѣ понятіе о томъ, что на каждую наличную крестьянскую душу мужского пола долженъ приходиться земельный участокъ, совершенно равный другимъ такимъ же участкамъ. Между тѣмъ, никогда не бываетъ, чтобы вся земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ одной деревни, была одинаковаго качества: обыкновенно часть ея хороша, плодородна, другая часть средняго достоинства, бываетъ и земля совсѣмъ худая. Стремясь соблюсти необходимое равенство между душевыми участками, мірской сходъ лишенъ, поэтому, возможности отводить всю землю на отдѣльную душу сплошь: приходится сначала раздѣлить землю на «коны» или «ярусы» по степени ея плодородія и затѣмъ на каждый душевой участокъ отдѣлить по равной съ другими полосѣ въ каждомъ

Digitized by Google

кону или ярусѣ. Предположимъ, напримѣръ, что мы имѣемъ деревню въ 10 душъ мужского пола, и что земля этой деревни дѣлится по степени ея производительности (по качеству почвы) на три кона: первый конъ составляютъ 10 десятинъ хорошей, плодородной почвы, второй—20 десятинъ средней и третій 5 десятинъ худой земли, напр., песчаной, болотистой или каменистой. На каждую душу при такихъ условіяхъ придется отдѣлить въ первомъ кону 1 десятину, во второмъ 2 десятины и въ третьемъ ½ десятины. Такимъ образомъ, душевой участокъ въ 3½ десятины въ нашемъ примѣрѣ распадается на три расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ полосы, перемежающіяся полосами, входящими въ составъ другихъ душевыхъ участковъ. *Вотъ второй элементъ крѣпостной земельной общины—черезполосица. Третій важный ея элементъ—такъ называемый принудительный сѣвооборотъ*, т.-е. обязательность для каждаго крестьянина обычныхъ въ общинѣ пріемовъ хозяйства, одной общей съ другими крестьянами системы земледѣлія. Эта черта, помимо черезполосицы и періодическихъ передѣловъ, является непосредственнымъ результатомъ господства трехпольной системы полевого хозяйства: трехпольная система предполагаетъ необходимость пастьбы скота на поляхъ послѣ снятія жатвы; для этого, очевидно, нужно одновременно закончить уборку хлѣба во всей деревнѣ, иначе скотъ будетъ портить неубранный хлѣбъ; а одновременное завершеніе полевыхъ работъ требуетъ одинаковой ихъ организаціи во всѣхъ однодеревенскихъ хозяйствахъ, т.-е. обязательнаго сѣвооборота.

Такъ возникла въ XVIII вѣкѣ крѣпостная земельная община, то крестьянское мірское землевладѣніе, которое и теперь еще господствуетъ въ Великороссіи. Изучая происхожденіе этого учрежденія, мы коснулись вмѣстѣ съ тѣмъ и вопроса объ имущественныхъ отношеніяхъ крестьянства и дворянства, слѣдовательно, вошли уже въ сферу соціальнаго строя, сословныхъ правъ. Большинство тѣхъ экономическихъ явленій, которыя выше намѣчены, представляютъ собою, какъ мы видѣли, не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе того, что существовало уже въ Московской Руси XVII вѣка: преобладаніе земледѣлія, развитіе обрабатывающей промышленности, ростъ денежнаго хозяйства, уничтоженіе помѣстья и монастырской вотчины, торжество полной дворянской земельной собственности, увеличеніе барской запашки и барщины, распространеніе денежнаго оброка вмѣсто натуральнаго,—все это явленія, родившіяся не вмѣстѣ съ реформой Петра Великаго, въ значительной степени характеризовавшія собою экономическій бытъ Московскаго государства. Перерыва, пропасти между московскими традиціями и петровскими нововведеніями мы тщетно стали бы искать вторыя послѣдовательно и постепенно развились изъ первыхъ. Самое большее, что приходится отмѣтить въ этомъ отношеніи,—это количественная разница, бо́льшая яркость и опредѣленность явленій въ

Digitized by Google

XVIII и XIX столѣтіяхъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Такой связи экономическихъ явленій соотвѣтствуетъ и извѣстная взаимная зависимость процессовъ соціальныхъ и политическихъ, совершавшихся въ Московскомъ государствѣ и въ новой крѣпостной Россіи. Устройство общества сохранило, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и усилило и лишь кое въ чемъ ослабило въ XVIII вѣкѣ тѣ двѣ характерныхъ черты, которыя намѣтились въ предшествующемъ періодѣ,—именно сословность и крѣпостной характеръ. Такъ, дворяне попрежнему были обязаны служить государству, сначала по преимуществу въ военной службѣ, причемъ за уклоненіе отъ службы ждала чрезвычайно суровая кара: конфискація имущества и даже—при Петрѣ Великомъ—политическая смерть, оставленіе «нѣтчика», т.-е. дворянина, не явившагося на службу, безъ защиты закона, такъ что каждый могъ его обидѣть, ограбить, даже убить безнаказанно. Правда при императрицѣ Аннѣ срокъ обязательной военной службы дворянства былъ сокращенъ до 25 лѣтъ, а по манифесту Петра III, изданному 18-го февраля 1762 года, дворянство было совершенно освобождено отъ обязательной службы государству, но это освобожденіе было въ сущности только формальнымъ, такъ какъ «Учрежденіе о губерніяхъ», изданное Екатериной II въ 1775 году, возложило на дворянское сословіе цѣлый рядъ важныхъ обязанностей по областному управленію: дворянство выбирало изъ своей среды множество чиновниковъ въ губернскія административныя и судебныя учрежденія. По остроумному выраженію одного изслѣдователя, дворяне были только перечислены по обязательной службѣ изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, въ организаціи дворянскаго сословія начало обязанности попрежнему преобладало надъ принципомъ права, крѣпостной характеръ сословія не подлежалъ сомнѣнію. Но не менѣе рѣзко была выражена въ дворянствѣ и другая черта общественнаго строя—сословность. Спеціальныя дворянскія сословныя права формулированы были съ особенною ясностью и опредѣленностью при Екатеринѣ II въ жалованной грамотѣ дворянству 1785 года. Главныя *личныя* права дворянства, по этой грамотѣ заключаются въ свободѣ отъ податей и рекрутской повинности и въ неприкосновенности дворянскаго званія безъ наличности особыхъ преступленій, доказанныхъ по суду. Въ то же время дворяне обладали двумя важными *имущественными* правами: правомъ неограниченнаго распоряженія всѣмъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, и правомъ владѣть крѣпостными крестьянами. Наконецъ, *корпоративныя* права дворянства подверглись дальнѣйшему развитію: они состояли въ правѣ выбирать на дворянскихъ губернскихъ собраніяхъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей и депутатовъ для завѣдыванія сословными дѣлами, особенно записью лицъ, пріобрѣтающихъ дворянство, въ родословныя книги; дворянскія собранія получили право хо-

Digitized by Google

датайствовать о своихъ сословныхъ пользахъ и нуждахъ и даже объ общегосударственныхъ дѣлахъ непосредственно передъ верховной властью. Сословность и крѣпостной характеръ общественнаго строя не менѣе ясны были и въ организаціи городского сословія въ XVIII вѣкѣ. При Петрѣ Великомъ городское сословіе оставалось всецѣло крѣпостнымъ: правда, Петръ учредилъ въ Москвѣ ратушу или бурмистерскую палату съ подчиненными ей въ городахъ земскими избами, а потомъ замѣнилъ ихъ по городамъ магистратами, подчиненными петербургскому главному магистрату, причемъ всѣ эти учрежденія состояли изъ лицъ, выбиравшихся городскимъ сословіемъ, но и бурмистерская палата съ земскими избами, и магистраты были построены на началѣ обязанности, завѣдывали, главнымъ образомъ, сборомъ податей въ городахъ. Это начало обязанности было сильно выражено даже въ жалованной грамотѣ городамъ, данной Екатериною II въ 1785 году, хотя здѣсь замѣтно уже и зарожденіе принципа права, потому что городскія дѣла и городское благоустройство занимаютъ уже не послѣднее мѣсто въ вѣдомствѣ выбиравшейся городскими обывателями городской общей думы, которая, въ свою очередь, выбирала для постояннаго завѣдыванія городскими дѣлами исполнительный органъ—шестигласную думу изъ шести лицъ во главѣ съ городскимъ головой. Зато здѣсь вполнѣ господствовала сословность: каждая изъ шести сословныхъ группъ, на которыя дѣлилось городское населеніе, имѣла особое представительство въ общей думѣ и особый голосъ въ думѣ шестигласной. Что касается, наконецъ, крестьянства, то безусловное господство крѣпостного права въ этомъ сословіи—фактъ общеизвѣстный и прочно установленный: прежде всего переходъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому сдѣланъ былъ совершенно невозможнымъ вслѣдствіе чрезвычайной строгости кары, постигавшей землевладѣльцевъ, которые принимали бѣглыхъ крестьянъ: за невозвращеніе бѣглаго крестьянина грозила полная потеря имѣнія, половина котораго поступала лицамъ, чьи бѣглые крестьяне оказывались въ имѣніи, а половина конфисковалась въ казну; затѣмъ установилась мало-по-малу вотчинная юстиція и полиція, владѣльческій судъ и расправа по всѣмъ дѣламъ, кромѣ важнѣйшихъ уголовныхъ; въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка владѣльцы получили право ссылать крестьянъ въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ ихъ въ рекруты, а также отправлять крѣпостныхъ за дерзкое поведеніе на каторгу. Не надо, наконецъ, забывать, что въ концѣ столѣтія крѣпостное право было распространено на Малороссію, и что Екатерина II и Павелъ I раздавали крестьянъ въ собственность дворянства цѣлыми сотнями тысячъ душъ.

Мы видѣли въ свое время, какое важное значеніе для политической и административной исторіи Московскаго государства имѣли торжество рядового дворянства надъ боярской аристократіей, проникнутой олигархическими стремленіями, и зарожденіе денежнаго хозяйства,

Digitized by Google

сильно содѣйствовавшее утвержденію идеи о государствѣ какъ союзѣ, имѣющемъ цѣлью общее благо, а не личный интересъ. То же сочетаніе соціально-экономическихъ силъ можно наблюдать, какъ мы знаемъ, и въ новой крѣпостной Россіи,—только въ большей степени, чѣмъ то было въ Московскомъ государствѣ. Вотъ почему общая постановка верховной власти и административный строй XVIII и первой половины XIX вѣка представляютъ собою естественное продолженіе соотвѣтствующихъ явленій XVII столѣтія и отличаются отъ послѣднихъ не принципіально, не въ основныхъ началахъ, а въ частностяхъ. Въ теченіе всего изучаемаго періода самодержавіе оставалось незыблемымъ, и отдѣльныя попытки иной постановки верховной власти встрѣчали дружный отпоръ со стороны дворянской массы, задававшей основной тонъ всей общественной и государственной жизни; эти попытки были при томъ чрезвычайно рѣдки и отличались или устарѣлымъ олигархическимъ направленіемъ, какъ извѣстная попытка верховниковъ при воцареніи императрицы Анны, или подражательнымъ и въ значительной мѣрѣ утопическимъ характеромъ, составлявшимъ одну изъ наиболѣе отличительныхъ чертъ въ мечтаніяхъ декабристовъ. Но оставаясь самодержавной, верховная власть въ Россіи XVIII и XIX вѣковъ въ то же время все болѣе и болѣе проникалась государственной идеей общаго блага, утрачивала все болѣе и болѣе старый вотчинный характеръ и организовала, поэтому, рядъ высшихъ учрежденій для законодательства, высшаго суда и надзора за администраціей. Уже Петръ Великій ясно сознавалъ, что государь—не владѣлецъ, не собственникъ государства, а первый его слуга, и что неограниченность верховной власти государя не стоитъ въ противорѣчіи съ существованіемъ высшихъ государственныхъ учрежденій, дѣйствующихъ самостоятельно въ кругѣ дѣлъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію. Это сознаніе нашло себѣ лучшее выраженіе въ высшемъ учрежденіи Петровской эпохи—правительствующемъ сенатѣ. Но сенатъ представлялъ собою еще слишкомъ сложное учрежденіе: онъ вѣдалъ не только законодательство, но и судъ; мало того: въ немъ сосредоточивался еще надзоръ за управленіемъ и руководство всей исполнительной властью и дѣятельностью въ государствѣ. Чрезмѣрная многосложность сенатскаго вѣдомства вызвала выдѣленіе законодательной (точнѣе: законосовѣщательной) функціи и передачу ее въ руки другого учрежденія: верховнаго тайнаго совѣта при Екатеринѣ I и Петрѣ II, кабинета министровъ при Аннѣ, конференціи при Елизаветѣ, совѣта при Екатеринѣ II и Павлѣ I. Этотъ рядъ учрежденій, имѣвшихъ своей главной цѣлью дачу совѣта монарху въ его законодательной дѣятельности, завершился установленіемъ при Александрѣ I государственнаго совѣта, преобразованнаго въ правильное учрежденіе съ постояннымъ составомъ и опредѣленнымъ вѣдомствомъ по плану Сперанскаго.

Экономическія потребности времени—необходимость развитія внѣш-

Digitized by Google

ней торговли и обрабатывающей промышленности—продиктовали русской внѣшней политикѣ начала XVIII вѣка ея главную задачу—пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря. Возгорѣвшаяся отсюда война съ обладавшею этими берегами Швеціей была внѣшнимъ стимуломъ для административныхъ преобразованій Петра Великаго, ставшихъ, въ свою очередь, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ перемѣнъ въ управленіи, которыя завершились въ изучаемый періодъ реформами Александра I. Извѣстна та связь, какая существовала между фактами административной исторіи XVIII и первой половины XIX вѣка. Она сводится приблизительно къ слѣдующему: военно-финансовыя потребности, вызванныя войной и состоявшія въ необходимости содержать отдѣльные корпуса арміи насчетъ опредѣленныхъ областей, создали петровскую губернію 1710 года; эта губернія была независима отъ уцѣлѣвшихъ еще старыхъ московскихъ центральныхъ учрежденій,—приказовъ, и потому разрушила послѣднія; въ центрѣ осталось только одно учрежденіе—сенатъ; такъ какъ ему не подъ силу было справиться со всей сложностью многочисленныхъ государственныхъ дѣлъ, стекавшихся въ столицу, то стала неизбѣжной новая реорганизація административной системы; Петръ произвелъ ее въ 1720 году, учредивъ для центральнаго управленія коллегіи и видоизмѣнивъ губернскія учрежденія; дѣло Петра продолжала Екатерина II, преобразовавшая областное управленіе въ «Учрежденіи о губерніяхъ» 1775 года; но во главѣ каждой изъ екатерининскихъ губерній стояло должностное лицо (намѣстникъ, потомъ губернаторъ) съ чрезвычайно-обширной властью, имѣвшее непосредственное отношеніе къ сенату и посреднику между сенатомъ и императорской властью—генералъ-прокурору, а высшія губернскія учрежденія—губернское правленіе, казенная палата и палаты гражданскаго и уголовнаго суда—по значенію своему приравнивались закономъ коллегіямъ; все это разрушило снова центральныя учрежденія, и только при Александрѣ I эти послѣднія, благодаря трудамъ Сперанскаго, были, наконецъ, правильно организованы: появились министерства съ точнымъ кругомъ вѣдомства, отвѣтственностью министровъ и быстротою административныхъ дѣйствій. Такъ развитіе административной системы, имѣя своимъ исходнымъ пунктомъ экономическія потребности, въ послѣдовательномъ своемъ ходѣ подчеркивало идею общаго блага, какъ основу государственнаго союза, и окончательно устраняло остатки прежнихъ безсистемности, случайности порученій, неопредѣленности вѣдомства, непостоянства состава органовъ управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ экономическихъ явленій *непосредственное* вліяніе на политическій строй и административную систему оказывало почти исключительно развитіе денежнаго хозяйства. Другія явленія хозяйственной жизни изучаемаго періода отражались въ сферѣ государственныхъ отношеній черезъ посредство соціальнаго строя.

Сказанное даетъ возможность отвѣтить на вопросы: каковы были

Digitized by Google

взаимныя отношенія города и деревни въ новой крѣпостной Россіи и въ какой мѣрѣ отразились условія городской и сельской жизни на общемъ ходѣ историческаго развитія русскаго народа въ данный періодъ? Нельзя не признать, что если въ Московской Руси городъ вступилъ уже въ органическую связь съ деревней и сталъ достаточно замѣтнымъ элементомъ общественной жизни, то въ новой крѣпостной Россіи эта связь стала крѣпче, и вліяніе города сдѣлалось сильнѣе. Причину этого надо видѣть не только въ томъ, что издревле существовавшая отрасль городской промышленности—торговля—значительно увеличилась и оживилась сравнительно съ предшествующимъ временемъ, но и въ томъ, что городъ пересталъ быть почти исключительно торговымъ центромъ, а пріобрѣлъ также нѣкоторое значеніе, какъ средоточіе обрабатывающей, фабрично-заводской промышленности. Взвѣшивая теперь относительное значеніе городской и сельской промышленности въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка для общаго хода исторической жизни этого періода, мы должны будемъ признать за условіями деревенской жизни попрежнему доминирующее значеніе, хотя это ихъ превосходство является, несомнѣнно, еще менѣе исключительнымъ, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ. Въ то же время нельзя подмѣтить никакой особенной борьбы, никакого противорѣчія между городскимъ строемъ и деревенскимъ бытомъ: общая гармонія и единство выражены достаточно ясно. Самымъ серьезнымъ измѣненіемъ, предвѣстникомъ новаго хозяйственнаго періода, именно наступающей въ половинѣ XIX вѣка второй стадіи развитія денежнаго хозяйства, является перемѣна экономическаго типа городского поселенія: постепенный переходъ отъ города какъ исключительно торговаго центра, къ городу какъ центру торгово-промышленному. Въ этомъ залогъ дальнѣйшаго преуспѣянія городского строя, а слѣдовательно большаго значенія городской промышленности, съ чѣмъ неразлучимо и болѣе широкое распространеніе денежно-хозяйственной системы со всѣми ея необходимыми послѣдствіями въ области соціальныхъ и политическихъ отношеній. Но это вводитъ насъ уже въ новѣйшую Россію, когда самые коренные устои русской народной жизни подверглись существенному измѣненію.

VI.

Городъ и деревня во второй половинѣ XIX вѣка.

Съ понятіемъ о реформѣ многіе прежде соединяли—нѣкоторые отчасти и теперь соединяютъ—идею о рѣзкомъ перерывѣ, катастрофѣ, совершающейся внезапно, чуть ли не по мановенію какого-то волшебнаго жезла. Стоячее болото такъ и оставалось бы неподвижнымъ, если бы не являлся великанъ, геніальный человѣкъ, который ведетъ инертное общество по новой дорогѣ часто даже вопреки волѣ этого общества.

Digitized by Google

Исторію дѣлаютъ великіе люди, которые отнюдь не являются выразителями назрѣвшихъ потребностей и сложившихся стремленій, а напротивъ, сами вызываютъ къ жизни и потребности, и стремленія. Такъ думали, иногда и теперь думаютъ крайніе индивидуалисты въ исторіи, безусловные поклонники личнаго величія, самымъ талантливымъ представителемъ которыхъ является авторъ извѣстной книги «Герои и героическое въ исторіи»—Карлейль. Лучшимъ опроверженіемъ такого взгляда, не говоря о другихъ соображеніяхъ, являются указанія на такія реформы, которыя осуществились, несмотря на отсутствіе геніальной личности. Къ числу такихъ реформъ принадлежитъ отмѣна крѣпостной зависимости крестьянъ въ Россіи, произведенная Положеніемъ 19-го февраля 1861 года. Надъ этимъ великимъ дѣломъ работала, несомнѣнно, цѣлая плеяда талантливыхъ дѣятелей, но тщетно мы стали бы искать между ними всеобъемлющаго и всенаправляющаго генія. Наблюденія надъ подобными случаями и другія побужденія заставляютъ многихъ иначе представлять себѣ происхожденіе преобразовательныхъ мѣропріятій: его приписываютъ торжеству извѣстныхъ идей, распространенію ихъ въ руководящихъ кругахъ общества. Несомнѣнно, такое воззрѣніе представляетъ собою уже значительный шагъ впередъ сравнительно съ вышеотмѣченнымъ взглядомъ на исключительное значеніе героевъ въ исторіи. Но вѣдь и идеи зарождаются не въ безвоздушномъ пространствѣ, питаются и создаются неизбѣжными и неустранимыми житейскими условіями, не могутъ быть оторваны отъ почвы, ихъ вскормившей. Вотъ почему главной задачей при изученіи исторіи всякой реформы является изученіе ея соціально-экономической основы, тѣхъ по преимуществу хозяйственныхъ условій, которыя создаютъ и извѣстный кругъ идей, обращающихся въ обществѣ и усваиваемыхъ общественными дѣятелями, и возможность геніальнаго синтеза и практическаго примѣненія ихъ великимъ человѣкомъ или болѣе или менѣе многочисленной группой людей талантливыхъ. Не то, чтобы все безусловно сводилось непосредственно къ хозяйственнымъ интересамъ и потребностямъ, но главное и основное въ историческихъ перемѣнахъ, несомнѣнно, объясняется экономическимъ элементомъ. Поэтому, изучая причины паденія крѣпостного права въ Россіи, событія, имѣющаго первенствующее значеніе во второй половинѣ XIX вѣка и служащаго видимымъ признакомъ важной общественной перемѣны, мы должны, прежде всего, отмѣтить тѣ новыя явленія, которыя болѣе или менѣе ясно обозначились въ экономической жизни страны.

Говоря вообще, основной экономической причиной крестьянской реформы надо считать дальнѣйшій ростъ денежнаго хозяйства, переходъ его во вторую стадію развитія, когда бо́льшая часть населенія втягивается въ торговый оборотъ, работаетъ для рынка, и для удовлетворенія собственныхъ потребностей закупаетъ продукты чужого труда,

Digitized by Google

выносимые также на рынокъ въ видѣ товара. Этотъ процессъ развитія денежнаго хозяйства въ первой половинѣ XIX-го столѣтія характеризуется въ значительной мѣрѣ уже тѣми фактами, которые приведены при изложеніи экономической исторіи новой крѣпостной, дореформенной Россіи. Поэтому мы ограничимся лишь указаніемъ, что отмѣченныя тамъ явленія,—въ родѣ увеличенія количества и круга предметовъ, пріобрѣтаемыхъ дворянствомъ покупкою, замѣны натуральнаго оброка денежнымъ, развитія крестьянскаго отхода на заработки, выдѣленія изъ крестьянской массы отдѣльныхъ богачей, крупныхъ капиталистовъ, — находятъ себѣ соотвѣтствіе въ успѣхахъ внѣшней торговли въ Россіи и въ перемѣнѣ хозяйственнаго положенія дворовыхъ людей. Наканунѣ крестьянской реформы цѣнность русскаго вывоза, простиравшаяся въ началѣ XIX вѣка до 75 милліоновъ рублей, поднялась до 230 милліоновъ; въ то же время иностранныхъ товаровъ ввозилось уже на 200 милліоновъ рублей, тогда какъ въ началѣ столѣтія ввозъ не превышалъ 52 милліоновъ. Что касается дворовыхъ, то ихъ хозяйственная роль измѣнилась въ томъ смыслѣ, что хотя общее количество дворовыхъ и увеличивалось, но это увеличеніе приходилось на счетъ тѣхъ изъ нихъ, которые были заняты въ качествѣ рабочихъ въ помѣщичьихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, работавшихъ для сбыта, между тѣмъ какъ число дворовыхъ, занятыхъ въ качествѣ личной прислуги, быстро шло на убыль; они стали непроизводительнымъ классомъ, дармоѣдами, тяготившими владѣльцевъ, которые перестали нуждаться въ ихъ домашнемъ трудѣ, такъ какъ начали пріобрѣтать предметы потребленія по преимуществу покупкой. Перемѣна въ экономическомъ положеніи дворовыхъ была замѣчена еще въ 40-хъ годахъ путешествовавшимъ тогда по Россіи нѣмцемъ Гакстгаузеномъ и подтверждается для пятидесятыхъ годовъ наблюденіями надъ отдѣльными помѣщичьими хозяйствами: такъ, въ имѣніи Шипова, Ярославской губерніи, изъ общаго числа 101 двороваго, лишь 15 человѣкъ исполняли обязанности личной прислуги, служили въ домашнемъ хозяйствѣ владѣльца; остальные были почти сплошь отпущены на оброкъ. Наконецъ, немаловажнымъ признакомъ развитія денежнаго хозяйства является очень быстрый ростъ купеческихъ капиталовъ: уже въ 1822 году въ Московской губерніи общая сумма этихъ капиталовъ доходила до 27 милліоновъ рублей, а 11 лѣтъ спустя, въ 1833 году, она достигла уже 39 милліоновъ, что составляетъ около 45% повышенія въ такой короткій срокъ, какъ одно десятилѣтіе.

Ростъ денежнаго хозяйства служитъ несомнѣннымъ признакомъ увеличившагося раздѣленія труда, т. е. развитія обрабатывающей промышленности. Какъ быстро шло развитіе русской фабрики въ первой половинѣ XIX вѣка,—это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ важнѣйшей изъ отраслей фабичной производительности, хлопчатобумажномъ производствѣ, количество перерабатываемаго хлопка возрасло за 50 лѣтъ

Digitized by Google

въ 16 разъ; выплавка чугуна за то же время поднялась съ 8 до 16 милліоновъ пудовъ; быстрое поступательное развитіе суконнаго производства засвидѣтельствовано тѣмъ фактомъ, что въ 1850 году, въ Россіи считалось уже 492 суконныхъ фабрики. Параллельно количественному росту фабричной производительности шло и улучшеніе ея техники: ручная работа стала замѣняться машинной; мануфактура XVIII вѣка превратилась въ XIX вѣкѣ въ фабрику въ истинномъ смыслѣ этого слова. Такъ уже въ сороковыхъ годахъ технической уровень хлопчатобумажнаго фабричнаго производства въ Россіи былъ очень высокъ. Развитіе обрабатывающей фабрично-заводской промышленности и техническій прогрессъ ея оказали чрезвычайно сильное вліяніе на самыя формы эксплуатаціи народнаго труда въ этой сферѣ производства. Мы видѣли въ свое время, что фабрика XVIII вѣка опиралась почти исключительно на несвободный трудъ,—крѣпостной, если она принадлежала дворянину-землевладѣльцу, и поссесіонный, если ею владѣлъ купецъ или выкупившійся на волю крестьянинъ. Но въ XIX вѣкѣ, подъ вліяніемъ роста денежнаго хозяйства, вызвавшаго увеличеніе спроса на продукты обрабатывающей промышленности и принудившаго фабрикантовъ позаботиться о большей производительности фабричнаго труда, о введеніи машинъ и повышеніи качества фабрикатовъ, малопроизводительный, вслѣдствіе своего принудительнаго характера, несвободный трудъ сталъ замѣняться болѣе плодотворнымъ вольнонаемнымъ. Это, прежде всего, отразилось въ постепенномъ разложеніи основанной на крѣпостномъ трудѣ дворянской фабрики, господствовавшей въ Екатерининскую эпоху: въ 30-хъ годахъ XIX вѣка дворянскія фабрики составляли уже только 15% общаго числа фабрикъ, а въ 40-хъ годахъ процентъ ихъ понизился до 5-ти. Помѣщичья фабрика распадалась на кустарные промыслы, изъ которыхъ въ свою очередь, образовалась крестьянская фабрика, преобладавшая въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Но на крестьянскихъ и купеческихъ фабрикахъ поссесіонный трудъ оказался маловыгоднымъ. Фабриканты стали предпочитать свободныхъ рабочихъ, такъ что въ 1816 году Александръ I навсегда запретилъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ, а въ 1825 году уже 54% всѣхъ фабричныхъ рабочихъ работали по вольному найму. Въ тридцатыхъ годахъ фабриканты громко жалуются министру финансовъ на невыгодность поссесіоннаго труда. Подъ вліяніемъ этого, въ 1840 году былъ изданъ законъ, по которому фабриканты получили право освобождать своихъ поссесіонныхъ рабочихъ за деньги или безплатно. До какой степени этотъ законъ соотвѣтствовалъ вполнѣ назрѣвшей потребности, видно изъ того, что имъ очень скоро воспользовались 103 фабрики: болѣе половины поссесіонныхъ фабрикъ перешли такимъ образомъ, по желанію владѣльцевъ, къ вольнонаемному труду. Итакъ, торжество крестьянской фабрики ознаменовалось къ половинѣ XIX вѣка преобладаніемъ вольнонаемнаго труда въ обрабатывающей промышленности, а это послѣднее явленіе, вызывая усиленный спросъ

Digitized by Google

на свободныхъ рабочихъ, неизбѣжно выдвигало вопросъ о необходимости освободить крестьянское населеніе отъ крѣпостной зависимости. Мы видимъ, слѣдовательно, что развитіе денежнаго хозяйства и неизбѣжный результатъ его—ростъ фабричной промышленности съ наемнымъ свободнымъ трудомъ—подрывали крѣпостное право въ его основаніяхъ и выставляли крестьянскую реформу въ качествѣ требованія, совершенно необходимаго въ интересахъ народнохозяйственнаго развитія Россіи. Такова первая экономическая причина паденія крѣпостного права въ Россіи: ее мы нашли, такимъ образомъ, въ процессѣ развитія обрабатывающей промышленности.

Не менѣе, если не болѣе, сильно, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, общая перемѣна экономическихъ условій сказалась въ сферѣ земледѣльческаго производства. Описанный сейчасъ ростъ фабричной производительности, неизбѣжно сопровождавшійся большимъ, чѣмъ прежде, раздѣленіемъ труда, спеціализаціей, вызвалъ сильное повышеніе спроса на хлѣбъ на внутреннемъ рынкѣ страны. Этому соотвѣтствовалъ усиленный спросъ на русскій хлѣбъ и на рынкѣ внѣшнемъ, за границей: дѣло въ томъ, что въ XIX вѣкѣ передовыя западно-европейскія страны стали дѣлать очень крупные шаги по пути индустріальнаго развитія, такъ что земледѣліе отступило въ нихъ на второй планъ передъ фабричной промышленностью, а отсюда и явилась повышенная потребность въ привозномъ хлѣбѣ, не удовлетворявшаяся мѣстнымъ, внутреннимъ земледѣльческимъ производствомъ. Увеличеніе спроса на хлѣбъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ потребовало отъ русскаго земледѣльческаго хозяйства большей производительности: явилась нужда въ большемъ количествѣ хлѣба и при томъ хлѣба лучшаго качества. Другими словами, былъ поставленъ на очередь вопросъ объ улучшеніи земледѣльческой техники. Въ началѣ XIX вѣка недоразвитая трехпольная система земледѣлія, т.-е. такая при которой еще болѣе трети, но менѣе половины всей пахатной земли остается ежегодно подъ паромъ, требующимъ навознаго удобренія, господствовала еще на довольно—значительной территоріи. Это можно было сказать въ двадцатыхъ годахъ отчасти даже о такихъ губерніяхъ, какъ Калужская. Обширныя восточныя и южныя окраины Европейской Россіи и всѣ азіатскія владѣнія въ то же время и долго еще позднѣе оставались широкой ареной первобытнаго переложнаго земледѣлія. Исторія техники русскаго полевого хозяйства въ XIX вѣкѣ сводится къ процессу развитія зачаточныхъ стадій трехполья въ чистую его форму, перехода отъ переложной системы къ трехпольной и, наконецъ, къ процессу появленія еще болѣе интенсивной, чѣмъ трехпольная, плодосмѣнной системы земледѣлія, основанной на уничтоженіи пара, замѣнѣ его посѣвомъ утучняющихъ почву травъ (клевера, вики) и смѣнѣ зерновыхъ хлѣбовъ корнеплодами, причемъ находятъ себѣ обширное приложеніе различные виды искусственнаго удо-

Digitized by Google

бренія (туки, фосфориты и пр.). Уже въ самомъ концѣ XVIII вѣка смоленскій помѣщикъ Бланкеннагель далъ первый образецъ примѣненія плодосмѣна въ своемъ имѣніи. Въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX столѣтія плодосмѣнная система полевого хозяйства на помѣщичьихъ земляхъ не является уже исключеніемъ, рѣдкостью. Особенной извѣстности въ этомъ отношеніи достигли хозяйства двухъ помѣщиковъ,—калужскаго Полторацкаго и тверского Шелехова. Полторацкій имѣлъ цѣлый рядъ подражателей и даже восторженныхъ послѣдователей, нѣкоторые изъ которыхъ дѣлились съ публикой въ агрономическихъ журналахъ того времени результатами своихъ агрономическихъ опытовъ. Хозяйственные документы первой половины XIX вѣка, навѣрное, подарятъ насъ, при ихъ обнародованіи и изученіи, не однимъ извѣстіемъ о переходѣ къ плодосмѣну. Такъ въ послѣднее время стало извѣстно, что рязанскій помѣщикъ Семеновъ примѣнялъ въ своемъ имѣніи систему земледѣлія болѣе интенсивную, чѣмъ развитое трехполье, а Воробьевъ уже въ тридцатыхъ годахъ въ Тверской губерніи сѣялъ клеверъ. Параллельно распространенію болѣе совершенныхъ системъ земледѣлія шли и другіе процессы, указывавшіе на прогресъ техники полевого хозяйства: увеличивалась площадь запашекъ, вводились улучшенныя земледѣльческія орудія и машины, разводились такія растенія, которыя знаменуютъ собою уже переходъ къ промышленному земледѣльческому хозяйству, разсчитанному на переработку продукта въ другой видъ съ цѣлью болѣе выгоднаго сбыта: такъ стали въ значительномъ количествѣ сѣять свекловицу, имѣя въ виду переработку ея въ сахаръ.

Перемѣны въ земледѣльческой техникѣ подготовили торжество свободнаго труда надъ крѣпостнымъ и въ области земледѣлія. Денежное сельское хозяйство, работавшее для рынка, для сбыта, дорогія усовершенствованныя орудія, интенсивная система полеводства, затраты на искусственное удобреніе, на лучшій рабочій скотъ и т. д. повышали требованія на количество продукта, дѣлали обязательнымъ увеличеніе производительности труда въ земледѣліи; между тѣмъ, барщинный, подневольный трудъ отличается всегда, какъ извѣстно, чрезвычайно слабой производительностью: работая неохотно, поневолѣ, въ пользу другого, безъ всякой для себя выгоды, барщинный крестьянинъ исполняетъ свое дѣло такъ плохо, какъ только можно при надзорѣ за нимъ со стороны вотчинной администраціи; поэтому и земля подъ барской пашней не окупаетъ своимъ скуднымъ урожаемъ повышенныхъ благодаря усовершенствованіямъ расходовъ. Остается одно средство для повышенія дохода,—употребленіе вольнонаемнаго труда, а для его широкаго примѣненія необходима отмѣна крѣпостного права. Конечно, масса помѣщиковъ-рутинеровъ плохо понимала это и слѣпо противилась реформѣ, въ силу своей косности и неспособности примѣниться къ новымъ условіямъ, но лучшая часть помѣстнаго дворян-

Digitized by Google

ства хорошо сознавала потребности времени и ихъ необходимую связь съ интересами раціональнаго сельскаго хозяйства. Это прежде всего доказывается коллективными ходатайствами дворянства въ Николаевское время объ освобожденіи крестьянъ и улучшеніи ихъ быта; таковы, напр., проектъ тульскихъ дворянъ, совѣщанія въ Смоленской, Тверской, Рязанской, Петербургской губерніяхъ. Другое доказательство выгодности вольнонаемнаго труда въ сельскохозяйственномъ производствѣ заключается въ высокой доходности тѣхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, въ которыхъ примѣнялся трудъ вольнонаемныхъ рабочихъ: въ 40-хъ годахъ XIX вѣка въ Московской губерніи такія предпріятія оказывались въ 2½ раза доходнѣе хозяйствъ, основанныхъ на крѣпостной барщинѣ; въ то же время въ Рязанской губерніи барщинныя помѣщичьи имѣнія приносили доходу всего 8—10%, а прибыль при воздѣлываніи земли свободными рабочими по найму достигала 15—20%; наконецъ, въ губерніяхъ: Воронежской, Тамбовской и Саратовской обработка земли вольнонаемными работниками приносила нерѣдко болѣе 50% чистаго дохода съ оборотнаго капитала. Есть еще третій признакъ большей выгодности свободнаго труда въ земледѣліи въ пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка сравнительно съ крѣпостнымъ: это—тотъ фактъ, что къ половинѣ XIX столѣтія количество крѣпостныхъ, обязанныхъ земледѣльческой барщиной, въ центральныхъ губерніяхъ сильно сократилось сравнительно съ XVIII вѣкомъ: такъ, напримѣръ, во Владимірской губерніи въ XVIII вѣкѣ 50% помѣщичьихъ крестьянъ сидѣло на барщинѣ, а въ половинѣ XIX столѣтія процентъ барщинныхъ крестьянъ понизился до 30-ти; въ Ярославской губерніи наблюдается за тотъ же промежутокъ времени пониженіе процента издѣльнаго крестьянства съ 22 до 12½, въ Московской—съ 64-хъ до 32-хъ. Правда, сокращеніе барщины и ростъ оброчной системы въ нечерноземныхъ губерніяхъ объясняется не одними условіями земледѣлія, а также развитіемъ здѣсь обрабатывающей фабричной промышленности, дѣлавшимъ выгодной для помѣщиковъ оброчную систему: можно было повысить значительно оброкъ, отпуская крѣпостного крестьянина работать на фабрику и пользуясь высокимъ сравнительно уровнемъ получаемой имъ тамъ заработной платы. Но приведенныя цифры, несмотря на такую оговорку, всетаки доказываютъ, что въ центральныхъ губерніяхъ барщина сильно пошла на убыль, слѣдовательно, золотая пора крѣпостного сельскаго хозяйства безвозвратно миновала. Что касается губерній, лежавшихъ къ югу отъ Оки, то процентъ барщинныхъ крестьянъ въ нихъ или остался безъ перемѣны, какъ, напр., въ Тамбовской губерніи, гдѣ и въ XVIII, и въ половинѣ XIX вѣка на барщинѣ сидѣло 78% крѣпостныхъ крестьянъ, или повысился, какъ въ Пензенской—съ 48% въ XVIII вѣкѣ до 75% въ XIX, или, хотя и понизился, но всежъ былъ высокъ, чему примѣромъ можетъ служить Курская губернія,

Digitized by Google

въ которой барщинные крестьяне въ половинѣ XIX столѣтія составляли 75½% крѣпостного населенія, тогда какъ въ XVIII вѣкѣ издѣльныхъ крестьянъ было 92%. На первый взглядъ это показываетъ, что въ черноземныхъ, чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ попрежнему господствовалъ крѣпостной трудъ, но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что напряженность здѣсь крестьянской барщины объясняется только одной рѣдкостью населенія: по свидѣтельству современниковъ, на югѣ для обработки помѣщичьей пашни не хватало барщиннаго труда крѣпостныхъ, и потому въ большомъ количествѣ употреблялись вольнонаемные рабочіе, приходившіе изъ густонаселенной Малороссіи. Слѣдовательно, вольнонаемный земледѣльческій трудъ игралъ въ степныхъ черноземныхъ губерніяхъ едва ли не бо́льшую и, во всякомъ случаѣ, не меньшую роль, нежели барщинный подневольный: и здѣсь устои крѣпостного земледѣльческаго хозяйства подгнили, оно стало невыгоднымъ для дворянъ-землевладѣльцевъ.

Не надо забывать далѣе, что кромѣ владѣльческихъ интересовъ были еще интересы крестьянскіе. Для крестьянина увеличеніе барщины и барской запашки знаменовало собою существенный хозяйственный ущербъ, такъ какъ сокращало размѣры его собственной пашни и лишало его всякой экономической самостоятельности. Это было существеннымъ тормазомъ въ развитіи собственно-дворянскаго хозяйства, тормазомъ, ставившимъ это хозяйство въ сильное противорѣчіе съ общими экономическими условіями времени: развитіе обмѣна, денежнаго хозяйства поощряло крупныя сельскохозяйственныя предпріятія, но осуществленіе ихъ становилось невозможнымъ при сохраненіи крѣпостного права, вслѣдствіе противорѣчія ихъ при этомъ условіи экономическимъ интересамъ крестьянства. Два признака указываютъ на невыносимость крѣпостныхъ хозяйственныхъ условій для крестьянскаго населенія послѣднихъ лѣтъ передъ освобожденіемъ: во-первыхъ, въ послѣднія 20 лѣтъ передъ крестьянской реформой прекратился приростъ крѣпостного населенія, что очень знаменательно, такъ какъ свидѣтельствуетъ о тяжеломъ экономическомъ положеніи крѣпостныхъ; во-вторыхъ, въ пятидесятыхъ годахъ XIX столѣтія увеличилось число крестьянскихъ волненій: тогда какъ въ 20-хъ годахъ оно равнялось всего 41-му, теперь оно выросло до 137, цифры очень внушительной.

Наконецъ, всѣ эти обстоятельства—и невыгодность барщины и крѣпостного права для помѣщичьяго хозяйства, и разореніе и возбужденіе крестьянъ, и происходившая отсюда остановка въ возрастаніи народнаго дохода—не были безразличны и съ точки зрѣнія чисто государственныхъ интересовъ. Внутреннее спокойствіе — основная потребность государства. Не менѣе важна для него и внѣшняя безопасность, которая требовала развитія производительныхъ силъ страны, промышлености, торговли, земледѣлія, путей сообщенія, такъ какъ недостатки во всемъ этомъ гибельно отражались на финансахъ госу-

Digitized by Google

дарства и были основной причиной пораженія, понесеннаго Россіей въ Крымской войнѣ.

Итакъ, вторую экономическую причину крестьянской реформы 19-го февраля 1861 года можно формулировать слѣдующимъ образомъ: денежное хозяйство въ своемъ развитіи привело къ техническимъ усовершенствованіямъ въ земледѣліи, а эти усовершенствованія сдѣлали невыгоднымъ для дворянства, крестьянъ и самого государства крѣпостной трудъ и вызвали его замѣну трудомъ вольнонаемнымъ: замѣна же крѣпостного труда вольнонаемнымъ и означала какъ разъ уничтоженіе крѣпостного права.

Въ конечномъ счетѣ, такимъ образомъ, крѣпостное право пало вслѣдствіе развитія денежнаго хозяйства въ Россіи, могущественно повліявшаго на технику обрабатывающей промышленности и сельскаго хозяйства, а черезъ посредство техники и на формы производства.

Крестьянская реформа оказала громадное, опредѣляющее вліяніе на всѣ стороны русской общественной и государственной жизни. Это вліяніе сказалось, прежде всего, въ сферѣ экономическихъ отношеній. Реформа 19-го февраля сдѣлала свободнымъ трудъ, вывела на рынокъ свободнаго юридически рабочаго, имѣющаго право свободно договариваться объ условіяхъ труда съ предпринимателемъ. Свободный рабочій—необходимый элементъ денежно-хозяйственной системы во второй стадіи ея развитія. Другой ея необходимый элементъ—свободная земельная собственность, которую, за незначительными исключеніями и ограниченіями, можно свободно отчуждать въ руки каждаго, желающаго пріобрѣсти ее, безъ различія званій и состояній. Нельзя, конечно, сказать, чтобы въ современной Россіи земельная собственность стала уже вполнѣ свободной, такъ какъ крестьянское мірское землевладѣніе сохраняетъ значительное распространеніе, а крестьяне не имѣютъ права продавать, дарить, закладывать и завѣщать свои надѣлы. Тѣмъ не менѣе и въ освобожденіи земельной собственности Россія со времени уничтоженія крѣпостного права сдѣлала крупные успѣхи: тогда какъ прежде право владѣть населенными имѣніями принадлежало одному только дворянству,—теперь всѣ сословія получили законную возможность пріобрѣтать и отчуждать землю въ полную личную собственность. При томъ же въ самой крестьянской общинѣ—по крайней мѣрѣ, мѣстами—замѣтны перемѣны: выдѣляются три слоя крестьянства,—высшій или болѣе богатый, средній по достатку и деревенскій пролетаріатъ; послѣдній, не имѣя права продать землю, фактически замѣняетъ эту продажу сдачей своихъ надѣловъ въ долгосрочную аренду за ничтожную плату богатымъ крестьянамъ, а самъ направляется на фабрику, въ городъ, или въ помѣщичью экономію для работы по найму; что касается средняго крестьянскаго слоя, то онъ ищетъ спасенія въ переселеніи. Такъ на дѣлѣ масса мірской земли мѣстами сосредоточивается въ рукахъ богатаго крестьянства, и, слѣдовательно, какъ и въ

Digitized by Google

другихъ случаяхъ, экономическая дѣйствительность переростаетъ юридическую фикцію. Наконецъ, эти двѣ новыя формы производства—свободный трудъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ извѣстными, надо думать—временными, ограниченіями свободная земельная собственность создали рядъ существенныхъ перемѣнъ въ самыхъ системахъ народнаго производства. Прежде всего, когда спали крѣпостныя путы, вышло на широкую дорогу русское земледѣліе, и при томъ земледѣліе улучшенное, инстенсивное: въ настоящее время плодосмѣнная система—не рѣдкость въ такихъ областяхъ, какъ московская промышленная, центральная земледѣльческая, Бѣлоруссія, Литва, юго-западный край, Малороссія, не говоря уже о Привислиньѣ и прибалтійскихъ губерніяхъ, причемъ замѣчательно, что она прививается не только на владѣльческихъ, но и на крестьянскихъ земляхъ. Затѣмъ открылась возможность болѣе быстраго поступательнаго движенія обрабатывающей промышленности въ ея не столько кустарной, крестьянской формѣ, сколько въ формѣ фабричной, городской. Городской надо называть фабричную промышленность по той причинѣ, что фабрики даже тогда, когда онѣ возникаютъ внѣ черты городской осѣдлости, быстро образуютъ около себя зачаточныя городскія поселенія, нерѣдко разростающіяся въ настоящіе крупные центры. Техническія средства русскаго хлопчатобумажнаго производства увеличились во второй половинѣ XIX вѣка въ 20 разъ, такъ что въ настоящее время они не ниже, чѣмъ въ любой изъ передовыхъ европейскихъ странъ. Цѣнность годового подукта въ хлопчатобумажной промышленности дошла до 430 милліоновъ рублей. Годовой оборотъ шерстяного производства простирается до 150 милліоновъ рублей Въ пятидесятыхъ годахъ годовая производительность русской металлической промышленности оцѣнивалась всего только въ 2 милліона рублей; въ концѣ XIX вѣка уже въ 142 милліона рублей, т.-е. въ 71 разъ дороже. Съ 60-хъ и особенно съ 70-хъ годовъ начинаются крупные и быстрые техническіе успѣхи въ шелковомъ производствѣ, сахароваренiи, шерстяномъ, стекляномъ дѣлѣ и проч. Существеннымъ улучшеніямъ подверглась и техника наиболѣе доходныхъ отраслей добывающей промышленности, напр. горнаго дѣла и пчеловодства: примѣненіе машинъ въ горнозаводской промышленности быстро увеличилось, а пчеловодство, упавшее было благодаря распашкѣ луговъ и истребленію лѣсовъ, снова ожило въ послѣднее время вслѣдствіе распространенія пасѣчной системы. Наконецъ, и коммерческяя техника постепенно преобразуется. Старинная ярмарочная система падаетъ: уже въ шестидесятыхъ годахъ наблюдается упадокъ крупныхъ оптовыхъ ярмарокъ и и разложеніе ихъ на мелкіе торжки; особенной интенсивности это явленіе достигаетъ съ восьмидесятыхъ годовъ. На смѣну ярмаркамъ являются кредитныя операціи и развитіе комиссіонерства и выставокъ. Параллельно этому быстро растутъ акціонерныя предпріятія: въ теченіе 90-хъ годовъ число ихъ увеличилось вшестеро; соотвѣтственно

Digitized by Google

возросли и вложенные въ нихъ капиталы. Крупными шагами пошла впередъ и внѣшняя торговля; цѣнность русскаго вывоза передъ крестьянской реформой простиралось, какъ было уже въ свое время нами указано, до 230 милліоновъ рублей въ годъ, а въ концѣ XIX вѣка она дошла до 630 милліоновъ; передъ освобожденіемъ Россія ввозила иностранныхъ товаровъ всего на 200 милліоновъ рублей, а въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія ввозъ поднялся до 600 милліоновъ; вывозъ хлѣба изъ Россіи за послѣднія 40 лѣтъ XIX вѣка возросъ въ $4^1/_2$ раза. Если къ этому прибавить чрезвычайное развитіе путей сообщенія, особенно желѣзныхъ дорогъ, и совершившееся на нашихъ глазахъ введеніе золотой денежной единицы и свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на золото,—событія, которыя были бы немыслимы при крѣпостномъ правѣ, и которыя нельзя не признать отдаленными послѣдствіями его уничтоженія,—то станетъ ясно, сколь многимъ въ экономической сферѣ обязано наше отечество великой исторической перемѣнѣ, которою открывается новѣйшая русская исторія.

Не менѣе знаменательны были перемѣны, внесеныя уничтоженіемъ крѣпостного права на крестьянъ, въ область соціальныхъ отношеній. Великій освободительный актъ 19 февраля 1861 года ясно и громко провозгласилъ и провелъ въ дѣйствительность принципъ гражданской свободы личности въ Россіи, причемъ освобожденіе крестьянъ почти совершенно уничтожило старыя крѣпостныя обязанности, въ той или другой мѣрѣ лежавшія до того времени на всѣхъ сословіяхъ: сохранились лишь нѣкоторые обломки отжившаго крѣпостного строя. Говоря о соціальномъ строѣ Россіи во второй половинѣ XIX столѣтія, надо имѣть въ виду сферу собственно-личныхъ правъ и сферу правъ корпоративныхъ. Крестьянская реформа въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, несомнѣнно, внесла большія перемѣны: провозгласивъ принципъ гражданской свободы личности, она ослабила и сословность, выдвинула на первый планъ классовое, экономическое начало, имущественную состоятельность. Однако, о полной замѣнѣ сословнаго начала классовымъ говорить нельзя, можно лишь отмѣтить усиленіе послѣдняго въ ущербъ первому; а затѣмъ не можетъ быть рѣчи и о полномъ, неограниченномъ господствѣ начала гражданской свободы личности. Намъ уже извѣстно, что дворянство въ дереформенной Россіи въ принципѣ было освобождено отъ обязательной службы, въ дѣйствительности же поставляло изъ своей среды чиновниковъ по судебному и полицейскому областному управленію. Только великія реформы императора Александра II, именно земское самоуправленіе 1864 года и произведенное въ то же время преобразованіе судебныхъ учрежденій, сняли съ дворянства не въ одной лишь теоріи, но и на практикѣ обязанность служить государству. А обѣ указанныя реформы связаны крѣпкими генетическими узами съ осовобожденіемъ крестьянъ: гражданская свобода личности требуетъ, какъ обязательнаго дополненія, корпоративныхъ правъ сво-

Digitized by Google

боднаго общества, развитія начала общественнаго самоуправленія, наиболѣе послѣдовательнымъ выраженіемъ котораго и стали земскія учрежденія; та-же гражданская свобода предполагаетъ гласное, устное и равное для всѣхъ правосудіе, ставшее необходимымъ послѣ уничтоженія вотчинной юстиціи помѣщиковъ. Однако остатки дворянской обязательной службы продолжаютъ существовать и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ обязанностяхъ, лежащихъ на предводителяхъ дворянства: таковы, напр., обязанности предсѣдательствовать въ земскихъ собраніяхъ, въ съѣздахъ земскихъ начальниковъ, участвовать въ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіяхъ и т. д. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что такія обязанности близко соприкасаются по своему юридическому значенію со спеціальными сословными правами, которыя продолжаютъ составлять отличительную черту организаціи дворянскаго сословія въ Россіи и съ 1890 года усилены. Первымъ и главнымъ выраженіемъ сословныхъ корпоративныхъ правъ дворянства служитъ, конечно, сословное дворянское самоуправленіе, ведущее свое начало отъ екатерининской жалованной грамоты дворянству 1785 года. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года нанесло существенный ударъ спеціально-сословной дворянской организаціи: завѣдываніе хозяйственными дѣлами уѣзда и губерніи перешло всецѣло въ руки земства, гласные котораго выбирались не на основѣ сословнаго принципа, а на началѣ безсословности, частными землевладѣльцами (въ томъ числѣ и не дворянами), городскими и сельскими обществами. Только новое земское положеніе 1890 года усилило сословный элементъ въ земскихъ учрежденіяхъ: дворяне отдѣлены отъ другихъ сословій, составляютъ особый избирательный съѣздъ, сильнѣе представлены въ земскихъ собраніяхъ, такъ какъ выбираютъ туда наибольшее число гласныхъ несоотвѣтственно относительнымъ размѣрамъ дворянскаго землевладѣнія, и при томъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ участвуютъ еще не по избранію въ гласные, а по должности всѣ предводители дворянства губерніи.

Тяжелыя податныя обязанности городского сословія, обложеннаго подушною податью, были послѣ крестьянской реформы сильно облегчены и приведены въ большее соотвѣтствіе съ его платежными силами: въ 1863 году подушная подать въ городахъ была замѣнена по-домовымъ налогомъ. Вскорѣ затѣмъ была произведена реформа городского самоуправленія: вмѣсто представительства отдѣльныхъ сословныхъ группъ городского населенія, стоявшихъ въ городской общей и городской шестигласной думѣ обособленно и лишь внѣшнимъ образомъ соприкасавшихся между собою, было введено общее представительство, въ основу организаціи котораго положено не сословное, а классовое начало: по Городовому Положенію 1870 года, избирательными правами стали пользоваться домовладѣльцы, промышленники, торговцы и обладатели свидѣтельствъ—купеческихъ, промысловыхъ на мелочную тор-

Digitized by Google

говлю и приказчичьихъ перваго разряда. Городовое Положеніе 1892 г. не нарушило классоваго принципа въ городскомъ представительствѣ, съузивъ лишь кругъ избирателей путемъ исключенія мелкихъ домовладѣльцевъ и мелкихъ торговцевъ и тѣмъ давъ окончательный перевѣсъ въ городскомъ самоуправленіи крупному капиталу.

Наибольшее количество остатковъ стариннаго крѣпостного строя и сословности наблюдается въ крестьянствѣ. Здѣсь важно не только существованіе спеціальнаго сословнаго управленія и даже волостного суда, но и сохраненіе стараго крестьянскаго мірского землевладѣнія, круговой поруки въ уплатѣ податей, стѣсненія права переселенія и отлучки необходимостью разрѣшенія властей для переселенія и выдачей увольнительнаго свидѣтельства для отлучки, наконецъ, строгій контроль и дискреціонная (основанная на личномъ усмотрѣніи) власть административныхъ органовъ, земскихъ начальниковъ. Важнѣйшимъ шагомъ впередъ, къ уничтоженію остатковъ крѣпостного строя въ средѣ крестьянства, послѣ реформы 19-го февраля 1861 года нужно считать отмѣну въ 1882 году подушной подати.

Предшествующее изложеніе показываетъ, что паденіе крѣпостного права въ Россіи дало особенно могучій толчокъ промышленности городской, торговлѣ и фабричной производительности,—содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессу деревенской промышленности, преимущественно земледѣлія. Это существенно измѣнило и характеръ русскаго города и соотношеніе между городомъ и деревней въ экономической жизни страны: изъ поселенія по преимуществу торговаго русскій городъ превратился въ послѣднія сорокъ лѣтъ въ центръ не только торговли, но и фабричной промышленности; играя мало замѣтную, во всякомъ случаѣ подчиненную роль въ экономической жизни дореформенной Россіи, городъ послѣ реформы 19-го февраля занялъ самостоятельное хозяйственное положеніе и выдвинулся въ качествѣ важнаго фактора не только въ экономическихъ отношеніяхъ, но и въ другихъ сферахъ народной и государственной жизни. Если въ историческомъ прошломъ русскаго народа деревенскія сословія—земельное дворянство и крестьянство—имѣли опредѣляющее значеніе, поглощая и подавляя городское населеніе, то въ наше время видвигаются въ качествѣ видной силы торгово-промышленный классъ и классъ рабочій, включая въ составъ послѣдняго и лицъ, посвящающихъ свое время интеллигентному труду за извѣстное вознагражденіе, являющееся единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшимъ источникомъ ихъ существованія.

Окидывая общимъ взглядомъ пройденный нами длинный путь историческаго развитія нашего отечества, можно замѣтить, что основой всего изученнаго процесса служитъ смѣна двухъ главныхъ періодовъ экономической жизни страны: первый изъ этихъ періодовъ—періодъ безобмѣннаго, натуральнаго хозяйства, второй—періодъ хозяйства де-

Digitized by Google

нежнаго или мѣнового. Хронологическая грань, отдѣляющая одинъ изъ нихъ отъ другого,—это половина XVI вѣка. До этого времени господствовало натуральное хозяйство, послѣ него стало замѣтно развиваться денежное. Но между обоими періодами не было перелома, рѣзкаго и крайняго переворота, разрушительной катастрофы,—напротивъ весь процессъ совершился въ общемъ постепенно и безъ большихъ скачковъ. Въ сущности и каждый изъ двухъ названныхъ періодовъ не представлялъ собою чего-либо разъ навсегда даннаго, на всемъ протяженіи равнаго себѣ, постояннаго и неизмѣннаго, а являлся длительнымъ процессомъ, далеко не однороднымъ въ началѣ и концѣ, такъ что внутри каждаго періода можно отличить особые моменты или стадіи. Первая стадія развитія натуральнаго хозяйства закончилась въ исторіи Россіи приблизительно концомъ XII вѣка; она характеризовалась, какъ мы видѣли, господствомъ первоначальной добывающей промышленности въ крайне-экстенсивной, первобытной системѣ, преобладаніемъ крестьянской поземельной собственности—такъ называемаго вольнаго или захватнаго землевладѣнія—и домашней, семейной формы производства, при крайне слабыхъ проявленіяхъ обмѣна, съ поверхностной и имѣвшей нѣкоторое значеніе лишь для высшихъ классовъ общества примѣсью внѣшней торговли. Соовѣтственно такому сочетанію основныхъ экономическихъ силъ, главное вліяніе въ общественномъ союзѣ принадлежало въ это время свободному крестьянству, и роль города въ собственномъ смыслѣ этого слова была незначительна: это было мѣсто убѣжища на случай внѣшней опасности, центръ, гдѣ собиралось вѣче, и самое большее—и это далеко не всегда—мѣстный рынокъ для очень узкаго района и съ совершенно ничтожнымъ торговымъ оборотомъ. XIII вѣкомъ начинается вторая стадія періода натуральнаго хозяйства въ Россіи, длящаяся до половины XVI столѣтія. Она характеризуется постепенно усиливающимся перевѣсомъ сельскаго хозяйства, сначала скотоводства, а потомъ и земледѣлія, въ одной половинѣ страны—въ сѣверо-восточной Руси, преобладаніемъ торговли на новгородскомъ западѣ и сохраненіемъ прежняго господства добывающей промышленности въ сѣверномъ краѣ. Княжеская вотчина, развивающіяся помѣстье и монастырская вотчина, оброчная система и свободный крестьянскій трудъ были типическими формами землевладѣнія и хозяйства на сѣверо-востокѣ; крупная боярская вотчина и купеческая компанія были характерны въ этомъ отношеніи для новгородскаго строя; на сѣверѣ уцѣлѣли старое крестьянское семейное землевладѣніе, утратившее лишь прежній кочевой характеръ, и домашняя форма производства. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій сложились два политическихъ организма удѣльнаго времени: аристократическая новгородская республика съ преобладаніемъ владѣвшаго землей и денежнымъ капиталомъ боярства и торговаго сословія и удѣльное княжество съ постепенно усиливавшейся подъ влія-

Digitized by Google

ніемъ экономическаго господства деревни и сельскаго хозяйства властью князя. Со второй половины XVI до половины XIX столѣтія длится первая стадія развитія денежнаго хозяйства. Земледѣліе остается господствующимъ на всей территоріи страны, но все болѣе выдвигаются на ряду съ нимъ на первый планъ торговля, переставшая быть новгородской монополіей и пріобрѣтшая новые рынки, и обрабатывающая промышленность, сначала въ формѣ кустарной, потомъ фабричной. Соотвѣтственно этому разрушаются помѣстье и монастырское землевладѣніе, смѣняясь сословной дворянской вотчиной и государственнымъ землевладѣніемъ, растутъ барщина и несвободный, крѣпостной трудъ, и развивается подъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій колонизація страны. Во главѣ общественнаго союза становится самодержавная власть московскихъ царей, потомъ всероссійскихъ императоровъ. Въ этой стадіи развитія денежнаго хозяйства можно впрочемъ различать два послѣдовательныхъ момента—московскій и новый дореформенный, которые мы и излагали отдѣльно, характеризуя первый, какъ время зарожденія и первоначальнаго развитія порядковъ, сложившихся болѣе опредѣленно во второй моментъ. Наконецъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было поворотнымъ пунктомъ въ развитіи денежнаго хозяйства, вступившаго со времени этой реформы во вторую стадію, когда обрабатывающая промышленность пріобрѣтаетъ еще болѣе видное значеніе въ экономической жизни, а мѣновое обращеніе хозяйственныхъ благъ захватываетъ все болѣе и болѣе глубокіе и широкіе общественные слои, подъ вліяніемъ чего развиваются свободный трудъ и свободная безсословная земельная собственность, и выдвигаются впередъ торгово-промышленный и рабочій классы, слѣдовательно, вліяніе города увеличивается.

Въ связи съ увеличеніемъ вліянія города стоитъ развитіе той стороны общественныхъ отношеній, которая извѣстна подъ названіемъ культуры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. интересовъ науки, искусства и просвѣщенія, и которая была оставлена въ предшествующемъ изложеніи въ тѣни отчасти съ цѣлью сосредоточить вниманіе читателя на немногихъ основныхъ явленіяхъ, отчасти вслѣдствіе того, что этотъ сложный вопросъ требуетъ особаго обстоятельнаго изученія тѣмъ болѣе, что общепринятыя здѣсь точки зрѣнія должны подвергнуться замѣнѣ совершенно новыми. Сейчасъ мы позволимъ себѣ, поэтому, ограничиться лишь общимъ указаніемъ на громадную культурную роль города, несомнѣнную для всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Наши университеты, музеи, академіи, художественныя галлереи, театры, библіотеки корнями своими прочно прикрѣплены къ городской почвѣ и развиваются въ точномъ соотвѣтствіи и неразрывной связи съ увеличеніемъ экономическаго значенія города. Это не значитъ, конечно, что воспитанныя въ городѣ наука, искусство и просвѣщеніе ничѣмъ не обязаны деревнѣ и созданы не для нея. Напротивъ, каж-

Digitized by Google

дый Божій день мы можемъ наблюдать въ европейской и русской жизни все новые успѣхи пріобщенія деревни къ великимъ благамъ человѣческой культуры и просвѣщенія. Но нѣтъ сомнѣнія, что безъ развитія городского строя невозможенъ былъ бы и пышный расцвѣтъ культуры. Не надо только забывать, съ другой стороны, что и городской строй въ его современномъ состояніи органически связанъ съ историческимъ развитіемъ деревни, и что городъ безъ деревни можетъ существовать еще въ меньшей степени, чѣмъ деревня безъ города.

Вотъ почему не въ мѣру горячіе споры о преимуществахъ городского и деревенскаго строя и слишкомъ рѣзкое противоположеніе перваго второму теряютъ реальное значеніе и практическій смыслъ. Историческое изученіе вопроса, которое, сообщая знанія, должно, несомнѣнно, хоть отчасти приподнять передъ нами завѣсу, скрывающую будущее, дать въ результатѣ предвидѣніе, даетъ возможность предполагать, какова будетъ приблизительная комбинація элементовъ грядущаго хозяйственнаго развитія Россіи. Въ такихъ предсказаніяхъ нельзя обойтись безъ сравненія съ соотвѣтствующими явленіями западно-европейской жизни. Извѣстно, какой необычайной высоты достигло въ XIX вѣкѣ промышленное развитіе самой передовой изъ европейскихъ странъ,— Англіи. Поворотнымъ пунктомъ этого развитія служилъ 1846 годъ, годъ отмѣны таможенныхъ пошлинъ на ввозимый въ Англію иностранный хлѣбъ. Этотъ законодательный актъ нанесъ окончательный, смертельный ударъ англійскому земледѣлію, которому было не подъ силу бороться съ конкуренціей дешеваго хлѣба, ввозимаго изъ земледѣльческихъ странъ, и завершилъ собою процессъ превращенія Великобританіи въ типическую городскую страну, съ полнымъ, безраздѣльнымъ почти господствомъ обрабатывающей фабрично-заводской промышленности и денежнаго капитала. Обширные внѣшніе рынки и эксплуатація некультурныхъ и малокультурныхъ странъ посредствомъ англійскихъ капиталовъ явились естественными дополненіями описанныхъ перемѣнъ во внутреннемъ хозяйственномъ развитіи Англіи. Нѣсколько иную картину представляетъ другая передовая европейская страна—Франція: и здѣсь, правда, развились и достигли преобладанія фабричная промышленность и денежный капиталъ, и потому расширеніе внѣшнихъ рынковъ и приложеніе капиталовъ къ промышленности малокультурныхъ странъ имѣли мѣсто, но вслѣдствіе бо̀льшей обширности территоріи, бо̀льшаго плодородія почвы, земледѣліе не было совершенно подавлено и продолжаетъ играть видную хозяйственную роль. Извѣстно, на какомъ распутьи стоитъ теперь третья культурная страна современной Европы,—Германія; ей предстоитъ рѣшить важную проблему, какой изъ двухъ типовъ хозяйственнаго развитія, французскій или англійскій, должна она усвоить въ будущемъ, должна ли она превратиться въ чисто городскую страну или сохранить характеръ

Digitized by Google

страны съ равновѣсіемъ обрабатывающей городской промышленности и деревенскаго сельскаго хозяйства? Каково бы ни было рѣшеніе этого вопроса для Германіи,— можно одно сказать смѣло: его рѣшеніе для Россіи въ опредѣленномъ направленіи не подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ: Россія представляетъ собою обширную территорію, открытую на всемъ пространствѣ для свободнаго товарнаго обмѣна, и насчитывающую болѣе 130 милліоновъ населенія. Все это населеніе, которое при томъ быстро увеличивается, или даже бо́льшую его часть немыслимо превратить въ фабричныхъ рабочихъ, потому что въ такомъ случаѣ понадобились бы небывало-обширные рынки для фабрикатовъ и необъятныя пространства некультурныхъ странъ для капиталистической эксплуатаціи. Мы не думаемъ, конечно, утверждать, что развитіе обрабатывающей промышленности въ Россіи имѣетъ неширокія перспективы на будущее или что оно даже едва ли не достигло уже своего конечнаго предѣла, какъ думаютъ нѣкоторые. Напротивъ, обширность территоріи, въ значительной своей части почти еще не тронутой культурою, и многочисленность быстро растущаго населенія служатъ лучшими и неизмѣнными залогами дальнѣйшаго промышленнаго преуспѣянія нашего отечества и связанныхъ съ этимъ успѣховъ въ соціальномъ, политическомъ и культурномъ отношеніяхъ, но, несмотря на это, нельзя предполагать ничтожную хозяйственную роль земледѣлія опять-таки въ виду наличности многочисленнаго населенія, обширной территоріи и значительныхъ пространствъ плодородной почвы. И городской, и деревенской промышленности въ Россіи суждено такимъ образомъ великое будущее, и наше отечество, несомнѣнно, явится болѣе чистымъ и полнымъ представителемъ того типа экономическаго развитія, который составляетъ отличительную черту Франціи.

Литература по экономической исторіи Россіи не отличается богатствомъ. Единственнымъ общимъ очеркомъ хозяйственнаго развитія является соотвѣтствующая глава въ I томѣ «Очерковъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова (см. особенно изданіе 1901 г.). Отдѣльныя важныя замѣчанія и характеристики, можно найти у В. О. Ключевскаго въ «Пособіи къ лекціямъ по русской исторіи» и въ «Боярской думѣ древней Руси». Матеріалъ по экономической исторіи кіевской и удѣльной Руси собранъ въ книгѣ Аристова «Промышленность древней Руси». Для экономической исторіи Новгорода имѣютъ значеніе труды Никитскаго «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода» и А. С. Лаппо Данилевскаго «Критическія замѣтки по исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1895 годъ, № 12. О народномъ хозяйствѣ Московской Руси идетъ рѣчь въ сочиненіяхъ Костомарова «Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкахъ», Соколовскаго «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи передъ крѣпостнымъ правомъ и колонизація восточныхъ степей», Перетатковича «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ» и «Поволжье въ XVII и XVIII вѣкахъ», Багалѣя «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства», Миклашевскаго «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства», Рожкова «Сельское хозяй-

Digitized by Google

ство Московской Руси въ XVI вѣкѣ». Сюда же относятся работы, посвященныя исторіи землевладѣнія: Чичерина «Сельская община» (въ «Опытахъ по исторіи русскаго права»), Неволина «Полное собраніе сочиненій», томъ IV, Соколовскаго «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи», Ефименко «Изслѣдованія народной жизни», т. I (статья «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ»), Иванова—статьи въ изданіи «Древности. Труды Археографической коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества», особенно статья «Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII в.». («Древности. Труды Археографической коммиссіи», т. II, вып. 2-й), Сергѣевича «Древности русскаго землевладѣнія»—въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1900 г., №№ 9 и 10, и за 1901 гг., №№ 2, 3 и 4. Имѣютъ значеніе труды по финансовой исторіи, особенно Милюкова «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства» и Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ». Наконецъ, важны сочиненія о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи: Бѣляева «Крестьяне на Руси», Ключевскаго «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи»—въ «Русской мысли» за 1885 годъ, №№ 8 и 10, Дьяконова «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ». По исторіи народнаго хозяйства въ Россіи XVIII и XIX вв. заслуживаютъ вниманія слѣдующіе труды: Корсака «О формахъ промышленности», Семевскаго «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II» и статья «Крестьянское землевладѣніе на сѣверѣ въ XVIII в. (въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1901 г., №№ 1 и 2), указанныя выше сочиненія Чичерина, Неволина и г-жи Ефименко; Лучицкаго «Сябринное землевладѣніе въ Малороссіи (въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1889 г., №№ 1 и 2), Кауфмана «Сибирское землевладѣніе», Милюкова «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго», Туганъ-Барановскаго «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», томъ I, Струве «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи» (въ «Мірѣ Божьемъ» за 1899 г., №№ 10, 11 и 12), кн. Волконскаго «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ» (въ «Трудахъ Рязанской ученой архивной коммиссіи за 1897 г., т. XII, вып. 2, и отдѣльно), Заблоцкаго-Десятовскаго «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» (особенно «Записка о крѣпостномъ состояніи въ Россіи», въ IV томѣ. Игнатовичъ «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія».

Болѣе подробную мотивировку и изложеніе проводимыхъ въ предлагаемомъ очеркѣ взглядовъ читатель можетъ найти, кромѣ упомянутой выше книги пишущаго эти строки «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ», еще въ слѣдующихъ его статьяхъ: «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи» («Жизнь» за 1900 г., № 9), «Денежное хозяйство и формы землевладѣнія въ новой Россіи» («Научное Обозрѣніе» за 1902 г., №№ 2 и 3), «Развитіе экономическихъ и соціальныхъ отношеній въ Россіи XIX вѣка» («Образованіе за 1902 г., № 1) и «Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи» («Міръ Божій» за 1902 г., № 2).

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google